ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Юридическая наука: история и современность

2015, № 8

Санкт-Петербург
2015

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

Legal science: history and the presence

2015, № 8

Saint-Petersburg
2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., декан юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу, заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2015
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2015

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2015
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2015

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала "Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Doctor of Legal sciences, Professor

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права 11

Мирзоев А.К. Юридические средства обеспечения государственного суверенитета 27

Курзенин Э.Б., Гук А.И., Сальников М.В. Бартоло де Сассоферрато, Альберико Джентили и Георг Адам Струве и политико-правовом пространстве средневековой Европы 42

Хлусов Т.М. Милиция и ее правоохранительная функция (1922 – 1991 гг.) 47

Железная Ю.Ю. Историко-правовые основы становления общественного контроля пенитенциарных учреждений в дореволюционной России 57

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность. Информационное право

Анапских И.А., Кайнов В.И., Шелепова М.А. Конституционное судопроизводство в современной России 68

Исмагилов Р.Ф., Назарова Н.Л., Сальников С.П., Числов А.И. Деконфликтация интересов на государственной службе как основной фактор противодействия коррупции 76

Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Конституционно-правовые основы судебной власти в современной России: актуальность и разработанность проблемы 83

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Нестерова Э.Э. Добросовестность: новый «тренд» правового регулирования 90

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право

Ерофеев К.Б. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: некоторые уроки правоприменительной практики 96

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Дегтярева О.Л. Характеристика повторной преступности лиц, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях в 2014 году 104

Фумм А.М., Яковлева О.Н. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: новые грани старых проблем 115

Кондрат И.Н., Нахимов А.П., Сурков К.В. Наука оперативно-розыскной деятельности: взгляд в будущее. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. 400 с.) 121

Данилин Е.М., Давыдова Н.В., Чернышкова М.П. Прогноз численности осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, в 2015-2020 годах и на период до 2030 года 127

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования 132

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Основы организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью 137

Белоус В.Г. Правоохранительная система России в современной историографии 149

Казберов П.Н. Проблемные аспекты безопасности функционирования уголовно-исполнительной системы в связи с распространением политического и религиозного экстремизма 159

Виденева А.В., Иоголевич В.А., Назарова Н.Л., Фомичев М.Н. Психиатрические лечебницы как элемент карательной системы Советского тоталитарного государства 165

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право

Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Особенности становления государственной власти при Тахиридах 177

Мирзоев С.Б., Холиков К.Н. Судьи Конституционного суда Республики Таджикистан: порядок избрания и срок полномочий 190

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология.

Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля 201

Информация для авторов 209

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Theory of comprehend learns the law 11

Mirzoev A.K. Legal means of ensuring state sovereignty 27

Kurzenin E.B., Guk A.I., Sal'nikov M.V Bartolo de Sassoferrato, Alberico Gentili and Georg Adam Struve in the political-legal environment of medieval Europe 42

Khlusov T.M. Militia and its law enforcement function (1922 - 1991 years) 47

Zheleznaya Y.Y. Historical and legal bases of formation of public control penitentiaries in pre-revolutionary Russia 57

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities. Data protection law

Ananskikh I.A., Kaynov V.I., Shelepova M.A. Constitutional proceedings in modern Russia 68

Ismagilov R.F., Nazarova N.L., Sal'nikov S.P., Chislov A.I. Non-conflict interests in the public service as a major factor of counteraction of corruption 76

Lysov P.K., Anashkina Yu.N. Constitutional and legal basis of the judiciary in modern Russia: relevance and elaboration of the problem 83

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Nesterova E.E. Good faith: new "trend" of the legal regulation 90

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law

Yerofeyev K.B. Federal law «On freedom of conscience and religious associations»: some lessons law enforcement 96

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Degtyareva O.L. Characteristics of repeated crime of persons registered in the criminal-executive inspections in 2014 104

Fumm A.M., Yakovleva O.N. Criminal code of the Russian Federation: the new faces of the old problems 115

Kondrat I.N., Nakhimov A.P., Surkov K.V. Science operatively-search activity: a look into the future Review of the monograph of S.I. Zahartsev, Yu.Yu. Ignaschenkov and V.P. Sal'nikov "Operative-search activity in the XXI century" (M .: Norma, 2015. 400 pp.) 121

Danilin E.M., Davydova N.V., Chernyshkova M.P. Forecast of the number of convicts contained in juvenile correctional facilities, in 2015-2020 and for the period till 2030 ... 127

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Kondrat E.N. The global financial system in the context of globalization: modern problems of functioning ... 132

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Zakhartzev S.I., Kiryushkina N.O. Basics of organization of prosecutorial supervision for investigative activity ... 137

Belous V.G. Law enforcement of russia in modern historiography ... 149

Kazberov P.N. Problem aspects safe functioning of the correctional system due to the spread of political and religious extremism ... 159

Videneva A.V., Iogolevich V.A., Nazarova N.L., Fomichev M.N. Psychiatric hospital as an element of the punitive system of the Soviet totalitarian state ... 165

International relations and foreign policy. International and European law

Zoirov D.M., Boboeva N.I. Features of formation of state power at Tahirid ... 177

Mirzoev S.B., Holikov K.N. Judges of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: the procedure of election and term of office ... 190

Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Verkhovodov E.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. The idea of natural law in the writings of Aristotle ... 201

Information for the authors ... 209

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КОМПРЕХЕНДНАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена уяснению сущности права. В статье рассматривается онтология права и гносеология права, отражаются философские проблемы права. Формулируется вывод о праве как о противоречивом социальном явлении. Обосновывается теория компрехендного (всеохватывающего) изучения права.*

Ключевые слова: *философия; философия права; право; теория государства и права.*

ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.

THEORY OF COMPREHEND LEARNS THE LAW

The summary. *The article is devoted to understanding of law matter. In the article we analyzed law onthology and law gnoseology, also philosophic law problems are reflected. The conclusion is formulated about law as a contradictory social event. Theory of comprehend (universal) theory that learns the law is based.*

Key words: *philosophy; law philosophy; law; state and law theory.*

Понятие права является основой для всей юридической науки. Именно с этого понятия каждый интересующийся начинал познавать юриспруденцию и жизнеустройство.

Удивительно другое. При гениальных достижениях человечества в технических и гуманитарных науках, вопрос о том, что такое право по-прежнему открыт. Было сформулировано

множество определений права, предложены различные подходы к его познанию. Однако за тысячелетия существования человека единого и утраивающего всех подхода разработано не было.

Нам право видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Наши исследования позволили нам выскать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход (от латинского Comprehendo – всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим.

Для указанного познания права нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным» [42, стр. 33-34]. Вместе с тем, спустя столетие, к названной идеи предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право – не только эти две теории. Значит конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным – получается не у всех [60; 61; 62].

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом [49, стр. 312].

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей [59, стр. 1].

Но такое понимание права односторонне, а значит не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании истинных знаний не получишь.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего срабатывает «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретя гипертрофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок предаются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на поверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексию философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если специалисты, скажем, видят перспективы естественно-правовой теории как господствующей теории права в России на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры [4; 44; 46; 47; 48; 64; 66; 70; 71; 78; 91].

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно [9; 22; 23; 24; 65; 67; 68; 69; 80].

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем точно определить указанные философские категории – сложнейший философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять однобоко, односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы?

Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли умещается в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих насилие и жестокость.

Как верно по этому поводу написал В.З. Лившиц, для одних и тех же групп людей тот или иной закон олицетворяет равенство и справедливость, он правовой, а для других групп – нет. Поэтому общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует. При этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества [51].

В связи с этим, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Иными словами, данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его абсолютно справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон», не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России – Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсесянца [57, стр. 28-30, 46-49], отметим, что недавно он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства [49, стр. 307-308].

Но дальше – больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения

– ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различения права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.

Кроме того, – как точно подметил, О.Э. Лейст, – из поля зрения сторонников различения права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право – идеи свободы, равенства и справедливости, а закон – тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 года, демократические положения которой носили декларативный характер и являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли, по мнению сторонников либертарной идеи, эта Конституция «правовым законом»? [49, стр. 309-310].

Полностью соглашаясь с названным ученым, хочется добавить один пример, ярко характеризующий однобокость и неточность подхода «к праву как к определению хорошему явлению по отношению к плохому закону».

Конституцией Российской Федерации человек, его права определены как высшая ценность для Российского государства. Для реализации такого права изданы неплохие по содержанию законы. Казалось бы все верно? Действительно, к законам по большому счету претензий нет – все они соответствуют Конституции Российской Федерации, исполняют ее посыл о том, что права человека есть высшая ценность.

Однако возникает вопрос, а верно ли само право о том, что человек и его права являются именно высшей ценностью? Что выше прав конкретного человека в России иных ценностей нет? Что противопоставляя единичные интересы общим, приоритет должен быть у единичных? Что разве не является ценностью Родина, государство, Вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников?

Об этом еще в 1915 году писал известный русский юрист С. А. Котляревский. Он отмечал, что нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. «В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) опасным качеством, если оно не уравновешивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма. С другой стороны, государство нуждается не только в готовности граждан принести себя в жертву, ему необходима их способность пережить эту жертву как подъем национального одушевления, ему должна быть присуща сила вызвать это одушевление. Получается странный парадокс: способность граждан жертвовать правовыми благами сама связана с высоким правовым уровнем государственной организации. Болезненная и опасная – с виду – дисгармония превращается в ту высшую гармонию, искать которой всюду велит заповедь жизни» [43, стр. 373-374].

Россия, на которую не менее двух раза в век нападают завоеватели, жители которой выросли в общине, воспитывались из века в век коллективным трудом, особенно воспринимают слова: патриотизм, Отечество, самопожертвование ради других [20; 75; 77].

О том же, являясь выразителем мнения русского народа, говорит Русская Православная церковь. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 года, принятой X Всемирным русским Национальным собором, отмечается, что права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не

ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Русской Православной церкви опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями.

Тем самым Русская Православная Церковь подтвердила мнение о том, что и поныне общественные интересы на Руси стоят по меньшей мере не ниже, чем интересы личные, собственные. Поэтому несомненно, что Конституция Российской Федерации должна провозглашать высшей ценностью права не только конкретного человека, но и российское общество, значимость Отечества, его защиту от завоевателей.

Интересную позицию сформулировал председатель Конституционного Суда России, профессор В.Д. Зорькин в лекции, прочитанной в Государственной Думе 22 марта 2013 года. Отвечая на вопрос: Может ли Россия игнорировать противоречащие ее доброкачественным правовым традициям решения органов международной юстиции (в частности – Европейского Суда по правам человека)? – сказал буквально следующее: «Российская Федерация *вправе* (выделено нами – С.З., В.С.) *не учитывать* решения Европейского Суда по правам человека в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, закрепленным ее Основным законом» [50, стр. 41-42]. Для россиян Россия, российское общество и государство всегда были, есть и будут священными и неприкосновенными. Это особые ценности наших граждан, общества и государства. Нам показалось, что и профессор В.Д. Зорькин эту же позицию продемонстрировал в своей лекции. И совершенно понятны всем дальнейшие его уточнения: «При этом важно подчеркнуть, – говорит он, – что речь идет не о противоречиях между Европейской Конвенцией и Конституцией России, а о конкуренции между толкованием Конвенции и Конституции, которые осуществляются соответственно, на европейском и на внутрироссийском уровне. Конституционный Суд России, точно так же, как и органы конституционной юстиции… европейских стран, проверяя конституционность закона, принимает решение в зависимости от того, какое толкование (с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей) наилучшим образом защищает права человека и гражданина. Это одно из ключевых суверенных прав России, которое мы обязаны отстаивать при любых правовых коллизиях и в любых ситуациях конкуренции национальной и международной правовых систем» [50, стр. 41-42]. Профессор Зорькин очень четко здесь подчеркнул особенности толкования правовых норм, а следовательно, правовых ценностей на европейском и на внутрироссийском уровне, и дал понять, что при ситуациях конкуренции этих ценностей мы обязаны отстаивать ценности наши, национальные, отечественные, российские.

Следует признать, что нормы Конституции Российской Федерации в части провозглашения прав конкретного человека высшей ценностью при недооценки значимости Родины и Отчества, требуют дальнейшего осмысления и обдумывания. При этом в законах содержатся нормы о защите государства и общества. То есть, по сути, нормы Конституции в данном случае являются образчиком того, что право бывает не просто несовершенно, но и хуже законов, его реализующих.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей – их достоинства и их пороки.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации

среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономику, культуру, политику специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами. Не случайно правовой нигилизм очень часто сопровождал российских исследователей права и был отличительной чертой творчества многих из них [10; 17; 18; 21; 34; 36; 52; 54; 55; 72; 85; 86; 87].

Надо жить в реалиях. Нами был проведен социологический опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил. 86 процента ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5 процента – затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения [37, стр. 85].

Надо сказать, что нами ранее, при подготовке предыдущей монографии по философии права опрашивалось две тысячи москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83% опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием [26, стр. 50].

Что же получается? Ученые пишут о мериле свободы, равенства и справедливости, а у людей, общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже сделать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка пяти тысяч москвичей.

Мы открываем нашим последователям широкий пласт научной работы. Особенно интересно провести такой опрос в наиболее развитых европейских странах и сравнить с полученными в России данными. Мы не исключаем, что в Западной Европе результаты могут быть другие. Но могут быть и примерно такие же, так как, по нашим наблюдениям, там развиты не только законопослушание, но и законобоязнь. Так, не проводя исследования за границей, мы обратили внимание на цитату известного австрийского философа Ф. Хайека: «Осмысливая собственные права, мы понимаем чего нельзя делать» [53, стр. 154].

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание – не позитивная реакция человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные [29; 30; 31; 33; 34; 35; 39; 73]. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 процентов ассоциирующих право с запретом и наказанием – это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения, защиты. К запрету можно привыкнуть как к необходимости. Но душа запреты не любит. И здесь важно понять, почувствовать разницу. Приведем элементарный пример. Всем понятна важность правил дорожного движения. Можно сказать, что правила дорожного движения регулируют правила поведения на дорогах и это хорошо. Можно сказать, что правила дорожного движения требуют вести себя на дорогах только так, а не иначе. Но можно сказать, что правила перечисляют, как запрещено вести себя на дороге, а за несоблюдение устанавливают наказание. Казалось бы, особой разницы нет. Все утверждение правдивы и справедливы, смысл по большому счету один и тот же. Однако в первой фразе чувствуется позитивный настрой к

правилам, во втором – нейтральный. Но в третьей фразе слышится откровенно негативный настрой, из которого чувствуется, что соблюдать эти правила не хочется, если бы не опасность (строгость) наказания. Люди, воспринимающие право подобным образом, не ждут от него ни помощи, ни чего-либо хорошего. По этому поводу В.П. Малахов достаточно верно подметил, что правосознание негативно в том смысле, что вся его специфика обнаруживается в сфере запретов [53, стр. 154].

Вместе с тем, применительно к российской ментальности именно с помощью строгих наказаний можно добиться уважение к праву в целом и правам окружающих в частности.

Однако на изложенное можно посмотреть и с другой стороны. Право в определенной мере – это протест общества на поведение человека. А можно сказать, что общество в определенной степени и формирует право в целом, и права конкретного человека в частности. Иными словами, сплошные диалектические переплетения и взаимозависимость. Отсюда во многом корни разрабатываемого нами направления компрехендного изучения права.

Признаемся, мы не до конца поняли мысль, высказанную В.М. Сырых и поддержанную О.Э. Лейстом о том, что «…Признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер. Ибо никто еще в процессе изложения не выделил и даже не предпринимал попыток к тому, чтобы назвать конкретные закономерности права» [49, стр. 307; 84, стр. 40]. Но разве выявленные в процессе научных исследований сущностные характеристики права (нормативность, официальное установление и охрана государством, системность, формальная определенность, авторитетность) в определенной мере не относятся к его закономерностям, исходя из чего формулируется *юридическое* (выделено нами – С.З., В.С.) понятие права?

Указанные признаки и есть проявления системных закономерностей права как юридического явления. Причем эти признаки, выявленные в ходе изучения права, в том или ином виде приводятся во всех учебниках общей теории государства и права, в том числе в книге О.Э. Лейста? В праве исследователями отмечались и другие закономерности.

Мы специально выделили слово «юридическое» потому, что здесь право рассматривается именно и только через призму юридических, а не философских знаний. Равно как хирургическую операцию можно смотреть исключительно с точки зрения медицины как совокупность действий по удалению злокачественных опухолей. Но можно и с философской точки зрения о том, хорошо ли в принципе хирургическое вмешательство, критерии допустимости такого вмешательства, реальности сохранения качества жизни после операции и пр. То же самое и с юриспруденцией. Право – с юридической точки зрения имеет закономерности, достаточно подробно изученные теорией государства и права. С философской точки зрения вопрос стоит шире: это и ценность права, и познаваемость его норм, и правильность выбранных для познания методов, и гуманность права, и вопрос об изначальной справедливости ограничения прав других (таких же) людей, и допустимость насилия в праве, пределы насилия, и реальность получения нужного правового регулирования и т.д., и т.п.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее право достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Возможно свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытие. Именно в таком случае нормы права

могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость – есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимание справедливости не создано. Значит под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости [83; 89; 92; 93; 94].

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатурилизму. Даже если признавать право некой данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики [32; 56; 81; 82]. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

В целом, современному обществу еще далеко до таких высот как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы.

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права [1; 2; 3; 7; 38; 40; 45; 74; 76; 79; 90].

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее – быть услышанным. Триединство – создать, рассказать, быть услышанным – научный идеал, подчас достигаемый, нередко достигаемый с опозданием, а иногда и не достигаемый вовсе.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права.

Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человечной.

Право – это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случае формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что

право – это несомненно сложное диалектичное многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами теории компрехендного изучения права.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие, правовая реальность [5; 6]. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и тем не менее ухудшают положение других. Причем подчеркнем – принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. И указанное действо считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, – что парадоксально! – по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину [27; 28]. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде.

Интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права. Иногда в них можно встретить достаточно резкую критику современного состояния законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом, что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия. Но опять же. Практически везде право идеализировано. Например, известная сентенция, что действующие законы плохие и тем самым не правовые.

Думается, что многие юристы осознанно или в силу моды в рассуждениях допускают методологическую ошибку. Они копируют в юриспруденции процедуру рассуждений и процедуру доказываний из естественных наук, где необходимы искусственные величины (например, «идеальный газ»). Появляются такие термины как «идеальное общество», «идеальное государство». А к термину «право» слово «идеальное» уже и не добавляется, так как многие стали считать, что право идеально по определению.

Допустимы ли такие грубые аналогии в гуманитарных науках? Полагаем что нет, поскольку очевидно, что создать идеальные условия в обществе и государстве для всех принципиально не возможно. Принципиально не возможно создать и устраивающее всех право. Однако российского законодателя и его научной поддержки в лице ученых этот очевидный философский вывод перестал быть проблемой. В результате в России произошел целый парад законов, которые не исполнялись и никогда не могли быть исполненными в силу нереалистичности их требований. Самое поразительное, что авторы законов, пытаясь оправдать свои ошибки, заявляли, что законы приняты для идеального общества, до которого России еще далеко. На самом деле такое объяснение наглядно демонстрировало отход указанных авторов от основ философии и их же методологическую ошибку. В физике можно ставить опыт, имея в виду идеальные условия для какого-либо процесса или вещества. Однако в юстиции принимать

законы исходя из идеальной идеи, что например, преступности больше нет, недопустимо. Такие законы не просто не смогут соблюдаться, но и обозлят общество, которое заставит законодателя внести коррективы. Но при этом может обостриться социальная обстановка в государстве и обществе, которую органы государственной власти могут не сдержать.

Нам кажется, что юристам – ученым и практикам – надо быть ближе к философии, основываться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, компрехендного изучения права [26; 37].

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право – есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право не мыслимо без человеческого бытия – то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Вопрос о возможности наличия правового бытия без человека тоже надо рассматривать через призму реализма и объективности. Что это за такое бытие, где человека нет, но право есть? Между кем право регулирует отношения в безлюдном бытие? Нужно ли право в бытие без людей? На наш взгляд, ответы на эти и другие аналогичные вопросы очевидны. Правовое бытие, конечно, не может быть без человека. Право без человека лишается смысла.

В связи с этим, право не стоит рассматривать как некую полностью самостоятельную субстанцию.

Следующий момент связан с тем, через что познается право и правовая реальность. Сейчас в российской юридической науке достаточно распространено мнение В.С. Нерсесянца о том, что право познается через правовой закон [58, стр. 64]. Как писал ученый, правовая либертарная гносеология в качестве искомой истины берет объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего закона. Анализируя изложенное утверждение, А.Н. Чашин пишет, что по мнению В.С. Нерсесянца гносеологическое отличие либертаризма от юснатурализма здесь проявляется в том, что упор делается на закон, а не на право (для юснатурализма характерен акцент именно на естественное право). Отличие от легизма (юридического позитивизма) – в том, что последний изучает любой закон как право, а либертаризм в качестве права изучает только правовой закон, отделяя от права законы, противоречащие ему. Поиск истины для юснатурализма в естественном праве, для легизма в позитивном праве, для либертаризма – в правовом законе [88, стр. 54].

Такая точка зрения сомнительна по той простой причине, что, как уже отмечалось, правовой закон – понятие очень субъективное. И то, что может считаться правовым для одной социальной группы, будет считаться неправовым для другой. В первом приближении нам представляется, что право более целесообразно оценивать в целом через его источники. Не следует выделять из права только законы или только правовые законы. Право надо оценивать целиком, с учетом каждого источника права, в том числе такого как правовой обычай, достаточно распространенного в мировой практике. Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь иститута, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле – словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение» [19, стр. 14]. А.А. Гусейнов также пишет, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем [19, стр. 14].

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам

кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, то есть содержит и внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы – специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи нюансов. И такие нюансы значимы для людей.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы конкретного государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны, уже не способны «переварить» имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», – воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все – как обычные горожане, так и государственные чиновники, – находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет «крупными мазками» сформулировать теорию компрехендного изучения права. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Как известно, любая теория изучает закономерности возникновения, функционирования и развития. С точки зрения философской теории познания объект – это то, на что направлено познание. Объект – это та часть реальности, на постижение которой направлены усилия исследователей. Этой реальностью выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом.

Предмет должен отражать главные, сущностные стороны объективной действительности, Основываясь на диалектической теории познания, предметом теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории компрехендного изучения

права включает также:

- Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы).
- Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)
- Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали статью с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Путь к познанию права лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций [25]. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». Речь идет и не об объединении разных правовых концепций. Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., – тем скорее мы придем к познанию права [11; 12; 13; 14; 15; 16; 95; 96].

В завершение отметим, что сформулированные нами идеи о компрехендном подходе к познанию права были отражены в двух монографиях [26; 37]. Эти монографии вызвали интерес у специалистов, получили положительные рецензии [41; 63]. Надеемся, что и данная статья привлечет внимание ученых, практиков и всех других людей, интересующихся правом.

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3-12.
3. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
4. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
8. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
9. Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97.
10. Бондарев А.С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Вестник Пермского ун-та.

– Серия: Юридические науки. Вып.2. – Пермь. – 2001.
11. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
12. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
13. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
14. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
15. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
16. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
17. Варламова Н.А. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России// Открытое общество: Информационно-аналитический бюллетень. – 2002. – № 1(12).
18. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков/ Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.
19. Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. – М., 2010.
20. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
21. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
22. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
23. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
24. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
25. Захарцев С.И. Интегральная юриспруденция: некоторые вопросы дискуссии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 158-162.
26. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
27. Захарцев С.И. Общие проблемы научных работ по юриспруденции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 2 (13). – С. 338-348.
28. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
29. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
30. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
31. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
32. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 49-54.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-180.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. - № 2(19). – С. 29-33.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М., 2015.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40).
39. Захарцев С.И. Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 189-198.
40. Кальной И.И., Сальников В.П., Чукин С.Г. Философия и право // Философия и методология познания:

Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 379-401.
41. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1 – С. 78-85.
42. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. – СПб. 2004.
43. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. – М., 1915.
44. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4.
45. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
46. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
47. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
48. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89).
49. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М., 2011.
50. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
51. Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. – М., 1992.
52. Лушина Л.А. Нравственно-правовой нигилизм: генезис, сущность, формы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
53. Малахов В.П. Философия права. – М., 2008.
54. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С.3-16.
55. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38.
56. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
57. Нерсесянц В.С. Теория государства и права. – М., 2001.
58. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1998.
59. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2011.
60. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
61. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-аксиологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
62. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
63. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
64. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
65. Романовская В.Б., Алборова А.Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 1. – С. 169-175.
66. Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Проблемы правопонимания в современной отечественной юриспруденции // Право как явление культуры: Сб. научн. трудов. – Краснодар: Кубанский ун-т, 2002.
67. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
68. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
69. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.

70. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
71. Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
72. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоведения и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. С. 48-53.
73. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В.И. Рохлина. – СПб., 2007.
74. Сальников В.П. Герменевтика как наука и искусство толкования текстов // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 339- 359.
75. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
76. Сальников В.П. Концептуальные принципы философского обоснования права // Философия права. – 2002. – № 2.
77. Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.
78. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
79. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия права. Глава 28 // Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – С. 432-445 (в кн.: 544 с.: ил.).
80. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
81. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
82. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
83. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10.
84. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. – М., 2000.
85. Туманов В.А. О юридическом нигилизме // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. – М., 1989.
86. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8.
87. Федоренко К.Г. Правовой нигилизм: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород. 2001.
88. Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. – М., 2014.
89. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
90. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
91. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004.
92. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
93. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
94. Экимов А.И. Юридическая наука и правопорядок // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 13-22.
95. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.
96. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1985.

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: anticorruption.agfkbk@gmail.com

Специальность 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *Анализируются основные правовые (юридические) средства обеспечения государственного суверенитета. В качестве таких средств должны рассматриваться основополагающие принципы внешнеполитической деятельности, получившие свою юридическую оформленность в нормах международного права и в соответствующих внутренних нормативных актах. Важнейшим из упомянутых принципов являются нерушимость государственных границ и мирное разрешение международных споров. Подчеркивается, что власть суверенна для того, чтобы иметь возможность решать те задачи и достигать те цели, которые ставит перед ней общество, главной из которых является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Отмечается, что данное положение базируется на доетрине естественного права, зародившейся в средневековой Европе и достаточно широко распространившейся в России начиная с XVIII века.*

Ключевые слова: *суверенитет; обеспечение суверенитета; защита суверенитета; правовые средства; принципы международного права; права и свободы человека и гражданина; естественное право.*

MIRZOEV A.K.

LEGAL MEANS OF ENSURING STATE SOVEREIGNTY

The summary. *Analyzes the main legal (legal) means of ensuring national sovereignty. As such means should be considered the basic principles of foreign policy activities, get their legal registration in the norms of international law and the relevant internal regulations. The most important of these principles are the inviolability of state borders and the peaceful settlement of international disputes. It is emphasized that the government is sovereign in order to be able to solve the problem and achieve the goals that society puts in front of her, the main of which is the respect for and protection of the rights and freedoms of man and citizen. It is noted that this provision is based on the natural law doetrine, originated in medieval Europe, and are fairly common in Russia since the XVIII century.*

Key words: *sovereignty; protection of sovereignty; legal means; principles of international law; the rights and freedoms of man and citizen; natural right.*

Государственный суверенитет требует обеспечения и защиты, что в свою очередь предопределяет необходимость наличия специфического механизма обеспечения государственного суверенитета, который следует рассматривать как комплексную систему, включающую политико-правовые институты и правовые средства с помощью которых обеспечивается верховенство и самостоятельность государственной власти [7; 25; 26; 43; 44; 93; 94; 95; 96; 152; 176; 199; 200;

201]. При определении категориального статуса феномена «средства обеспечения государственного суверенитета», по всей видимости, целесообразно обратиться к категории «средства» разрабатываемой современной правовой наукой.

Государственная и публичная власть осуществляется, прежде всего, в форме юридической деятельности и в рамках правоотношений [91; 120; 122]. Как справедливо отмечает О.В. Сидоренко, «правовое поведение участников правоотношения образует взаимодействие, представляющее по своей форме и по механизму реализации властное отношение» [177, стр. 13-14]. В свою очередь, осуществляемая в рамках правоотношений юридическая деятельность как правовая форма реализации публичной политической власти неразрывно связана с процессом правового регулирования. Достижение целей при помощи правового регулирования представляет собой одну из важнейших характеристик государственной и публичной власти [86; 87; 90; 92; 119; 121]. Так как только государственная, а ни какая иная социальная власть располагает монополией на создание норм, обладающих общезначимостью и самое главное, обеспечиваемых принудительной силой государственного механизма.

Рассматриваемый под этим углом зрения процесс правового регулирования, вполне обоснованно может интерпретироваться как процесс реализации публичной политической власти или как властная деятельность по достижению определенных целевых установок осуществляемая специфическими средствами и методами. При этом в качестве основных средств, т.е. «инструментов достижения целей, превращения идеальных стремлений в реальные действия и результаты» [85, стр. 78], выступают именно исходящие от государственной власти правовые нормы и индивидуальные предписания. Исходя из указанных теоретических конструкций, в рамках данного исследования под средствами обеспечения государственного суверенитета, автором предлагается понимать экономический, политический, собственно юридический инструментарий при помощи которого обеспечивается верховенство и самостоятельность публичной политической власти внутри государства, а также гарантируется ее самостоятельность в сфере международных отношений. Средства, в совокупности своей составляющие систему обеспечения государственного суверенитета, с определенной долей условности можно подразделить на: экономические, политические, военные (силовые), идеологические, правовые (юридические).

Экономические средства обеспечения государственного суверенитета подразумевают регулятивное воздействие на социально-экономические условия функционирования субъектов политической системы. К этой группе средств относятся, например, распределение и перераспределение финансово-экономических ресурсов государственными органами, регулирование финансовых потоков в стране и воздействие на процессы капиталооборота в международной сфере, разработка и реализация соответствующих бюджетов, в рамках которых выделяются те или иные приоритетные направления финансирования и т.д. Мы бы сказали – это экономико-правовая политика государства [5; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 97; 184; 186; 187; 188].

Политические средства обеспечения государственного суверенитета, представляют собой совокупность возможностей осуществлять политику и использовать публичную политическую власть в целях обеспечения ее (власти) верховенства, неделимости и политической независимости. В целях обеспечения территориальной целостности, а также защиты иных государственных интересов. К числу политических средств обеспечения государственного суверенитета следует отнести политические заявления, критику оппонентов, переговоры, митинги, демонстрации, парламентские дебаты, лоббирование, выборы, референдумы, политико-правовую традицию [12; 155; 156; 157; 158; 159; 160; 161; 162; 164; 165; 166; 167; 171; 172; 173; 174], этические нормы, политическую и правовую культуру [4; 27; 28; 29; 30; 49; 105; 131; 132; 137; 138; 139; 140; 141; 142; 143; 144; 147; 148; 149; 150; 163; 166] и т.д. В системе политических средств можно выделить средства идеологического и силового воздействия. Это уже политико-правовая и идеологическая деятельность государства, государственно-правовая идеология [3; 16; 47; 64; 65; 84; 112; 113; 114; 115; 116; 117; 118; 154; 185; 189; 190; 193].

Правовые (юридические) средства обеспечения государственного суверенитета представляется возможным определить через призму общей категории «правовые средства». В современном теоретическом правоведении правовые средства

определяются как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [175, стр. 14-30]. Соответственно, правовые средства обеспечения государственного суверенитета – это юридический инструментарий (специфические установления и (или) технологии) при помощи которого гарантируется и поддерживается внутреннее состояние верховенства государственной власти и ее правосубъектность, самостоятельность в сфере внешней политики, в международно-правовых отношениях. К числу правовых средств обеспечения государственного суверенитета чаще всего относят: нормативное закрепление принципа государственного суверенитета, закрепление принципов федерализма, регламентацию на конституционном уровне разграничения властных полномочий между центром власти и региональными территориальными образованиями, автономиями; нормативное закрепление принципов соотношения норм международного и национального права и т.д. [20; 45; 46; 80; 125; 145; 206].

Особо следует отметить, что в качестве правового средства обеспечения государственного суверенитета должно рассматриваться юридическое закрепление соответствующих гарантий, которые носят, по сути, характер принципов, т.е. основополагающих начал, в соответствии с которыми государства осуществляют обеспечение своих суверенных интересов. Такими принципами, прежде всего, выступают основополагающие начала внешнеполитической деятельности, получившие свою юридическую оформленность в нормах международного права и в соответствующих внутренних нормативных актах. Например, на всем протяжении исторического развития государственная граница для России всегда рассматривалась не только с позиций территории, но и политики [37].

Формально-юридическое закрепление обозначенные принципы получили в Уставе ООН. Широко признано, что принципы Устава ООН носят характер jus cogens, то есть, являются обязательствами высшего порядка и не могут быть отменены государствами ни индивидуально, ни по взаимному соглашению.

Наиболее авторитетными документами, раскрывающими содержание геополитических принципов являются Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., и Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащаяся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Представляется, что к рассматриваемой группе принципов следует, прежде всего, отнести следующие:

Принцип территориальной целостности государств. Этот принцип утвердился с принятием Устава ООН в 1945 году [183]. Процесс его развития продолжается. Само наименование принципа окончательно не установилось: можно встретить упоминание как территориальной целостности, так и территориальной неприкосновенности. Значение этого принципа весьма велико с точки зрения стабильности в геополитических отношениях. Его назначение – защита территории государства от любых посягательств.

Устав ООН запретил угрозу силой или ее применение против территориальной целостности (неприкосновенности) и политической независимости любого государства. В Декларации о принципах международного права 1970 года при раскрытии содержания формулировки п. 4 ст. 2 Устава ООН были отражены многие элементы принципа территориальной целостности (неприкосновенности), хотя сам этот принцип отдельно не упоминался. В частности, устанавливалось, что каждое государство «должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны». Отмечалось также, что «территория государства не должна быть объектом военной оккупации, явившейся результатом применения силы в нарушение положений Устава», и что «территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения». В связи с этим, отмечалось далее, не должны признаваться законными какие-либо территориальные приобретения, явившиеся результатом угрозы силой или ее применения. Однако, как

известно, закон не имеет обратной силы. Поэтому в Декларации оговаривалось, что ее положения не должны толковаться как нарушающие положения Устава ООН или любые международные соглашения, заключенные до принятия Устава и имеющие юридическую силу в соответствии с международным правом.

Следующим этапом в развитии данного принципа явился Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, который содержит отдельную и наиболее полную формулировку принципа территориальной целостности государств: «Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой. Государства-участники будут равным образом воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной».

Содержание данного принципа в Заключительном акте СБСЕ выходит за рамки положений о запрещении использования силы или угрозы силой либо превращения территории в объект военной оккупации, либо приобретения территории с использованием силы или ее угрозы. Напомним, что, согласно Заключительному акту, государства, обязываясь уважать территориальную целостность друг друга, должны «воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН». Таким образом, речь идет о любых действиях против территориальной целостности или неприкосновенности. Например, транзит любых транспортных средств через иностранную территорию без разрешения территориального суверена является нарушением не только неприкосновенности границ, но и неприкосновенности государственной территории, поскольку именно она используется для транзита. Все природные ресурсы являются составными компонентами территории государства, и если неприкосновенна территория в целом, то неприкосновенны и ее компоненты, то есть природные ресурсы в их естественном виде. Поэтому их разработка иностранными лицами или государствами без разрешения территориального суверена также является нарушением территориальной неприкосновенности. Данный принцип находит свое закрепление не только в международных актах, но и во внутреннем законодательстве.

В мирном общении сопредельных государств нередко возникает проблема защиты государственной территории от опасности нанесения ей ущерба путем какого-либо воздействия из-за границы, то есть опасности ухудшения естественного состояния этой территории или отдельных ее компонентов. Использование государством своей территории не должно наносить ущерб естественным условиям территории другого государства [15; 178; 179; 180].

Следует отметить также принцип нерушимости государственных границ который составляет одну из важнейших основ безопасности государств. Идея нерушимости границ впервые получила свое правовое оформление в договоре СССР с ФРГ от 12 августа 1970 г., а затем в договорах ПНР, ГДР и ЧССР с ФРГ. С этого времени нерушимость границ стала нормой международного права, юридически обязательной для государств – участников соответствующих договоров. В этих договорах выражены два существенных элемента: признание существующих границ и отказ от каких-либо территориальных притязаний.

Принцип нерушимости границ был сформулирован в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы».

Посягательство на государственные границы – это односторонние действия или требования, направленные на изменение линии границы, ее юридического оформления или фактического положения линии границы на местности. Поэтому признание этого принципа означает

также и отказ от каких-либо территориальных притязаний, то есть, как говорится далее в тексте документа, государства «будут соответственно воздерживаться от любых требований или действий, направленных на захват или узурпацию части или всей территории любого государства-участника».

Государства – участники СБСЕ тем самым выразили свое признание или подтверждение существующих границ европейских государств. Это признание является международно-правовым, что влечет определенные юридические последствия, в частности это признание нельзя аннулировать. Международно-правовое признание фактически сложившейся границы приравнивается к соглашению государств относительно существующей границы.

Таким образом, основное содержание принципа нерушимости границ можно свести к трем элементам: 1) признание существующих границ в качестве юридически установленных в соответствии с международным правом; 2) отказ от каких-либо территориальных притязаний на данный момент или в будущем; 3) отказ от любых иных посягательств на эти границы, включая угрозу силой или ее применение.

Принцип нерушимости границ имеет много общего с принципом неприкосновенности государственных границ. Содержание последнего включает обязанность государств соблюдать существующую линию границы на местности: не допускать произвольного перемещения линии границы на местности и ее пересечения без соответствующего разрешения или вне установленных правил. Оно включает также право каждого суверенного государства контролировать пересечение его границы людьми и транспортными средствами.

Принцип нерушимости границ и принцип неприкосновенности границ различаются по географической сфере своего действия. Принцип нерушимости границ, согласно Заключительному акту 1975 года, действует только в отношениях государств – участников этого акта, то есть европейских государств, а также США и Канады. Принцип неприкосновенности границ имеет более широкую сферу действия и действует на всех континентах, независимо от того, существуют или нет специальные соглашения по этому вопросу.

Рассматривая вопрос о нормативных правовых средствах обеспечения государственного суверенитета нельзя обойти вниманием такой принцип международного общения, как принцип разрешения споров мирным путем. Согласно п. 3 ст. 2 Устава ООН, «все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» [183]. Эволюция принципа мирного разрешения международных споров отмечена серией международных договоров и соглашений, которые, по мере того как они ограничивали право обращаться к войне, постепенно развивали средства мирного разрешения международных споров и устанавливали юридическую обязанность государств использовать такие средства.

Общее международное право прежде лишь побуждало государства обращаться к мирным средствам разрешения международных споров, но не обязывало их следовать этой процедуре. Статья 2 Гаагской конвенции о мирном решении международных столкновений 1907 года не запрещала обращение к войне («прежде чем прибегнуть к оружию»), не обязывала обращаться к мирным средствам («обращаться, насколько позволяют обстоятельства») и рекомендовала весьма узкий круг мирных средств (добрые услуги и посредничество).

В соответствии со ст. 33 Устава ООН стороны, участвующие в споре, «должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [183]. Государства обязаны разрешать свои споры только мирными средствами. На международных конференциях представители некоторых стран иногда прибегают к произвольному толкованию Устава ООН с целью не допустить включения слова «только» в формулировку принципа. При этом они утверждают, что Устав не столько закрепляет то положение, что споры должны разрешаться мирными средствами, сколько требует, чтобы при разрешении международных споров не создавалась угроза миру и безопасности государств. Однако положения Устава говорят об обратном. Общее положение п. 3 ст. 2 распространяется на все споры, включая те, продолжение которых может и не угрожать

международному миру. Согласно п. 1 ст. 1 Устава, международные споры должны разрешаться в соответствии с принципами «справедливости и международного права». По мнению большинства государств, ссылки в Уставе на справедливость лишь подчеркивают, что мирные средства обязательны для разрешения любых международных споров.

Устав ООН предоставляет сторонам, участвующим в споре, свободу выбора таких мирных средств, которые они считают наиболее подходящими для разрешения данного спора. Практика обсуждения этого вопроса на международных конференциях показывает, что многие государства в системе мирных средств отдают предпочтение дипломатическим переговорам, с помощью которых разрешается большинство споров.

Непосредственные переговоры наилучшим образом отвечают задаче быстрого разрешения международного спора, гарантируют равенство сторон, могут быть использованы для разрешения как политических, так и юридических споров, наилучшим образом способствуют достижению компромисса, дают возможность приступить к улаживанию конфликта сразу же по его возникновении, позволяют не допускать разрастания спора до таких масштабов, когда он может угрожать международному миру и безопасности.

Вместе с тем развитие международных отношений, особенно в последние годы, отмечено стремлением государств выйти за пределы переговоров и создать иные приемлемые средства разрешения споров, которые основывались бы на обращении к третьим сторонам или международным органам. Часто при этом поднимаются вопросы, связанные с ролью Международного Суда ООН.

Попытки некоторых западных государств зафиксировать обязательную юрисдикцию Международного Суда, как правило, встречают резкий отпор со стороны многих государств. Эти государства считают юрисдикцию Суда факультативной, и такая позиция точно соответствует ст. 36 Статута Суда, согласно которой государства могут (но не обязаны) сделать заявление об обязательности для себя юрисдикции Международного Суда. Подавляющее большинство государств до сих пор не признало юрисдикцию Суда обязательной.

Анализ принципа мирного разрешения международных споров, зафиксированного в Декларации о принципах международного права 1970 года и Заключительном акте СБСЕ, показывает, что, несмотря на сопротивление, удалось отстоять ряд важных положений, которые, несомненно, являются дальнейшим развитием соответствующих положений Устава ООН.

В их числе обязанность государств «прилагать усилия к тому, чтобы в короткий срок прийти к справедливому решению, основанному на международном праве», обязанность «продолжать искать взаимно согласованные пути мирного урегулирования спора» в тех случаях, когда спор не удается разрешить, «воздерживаться от любых действий, которые могут ухудшить положение в такой степени, что будет поставлено под угрозу поддержание международного мира и безопасности, и тем самым сделать мирное урегулирование спора более трудным».

Нормативное содержание принципа мирного разрешения международных споров в последние годы стало предметом тщательного анализа на совещаниях экспертов СБСЕ по мирному урегулированию споров. Так, Совещание в Валлетте (Мальта, 1991 г.) рекомендовало параметры общеевропейской системы мирного урегулирования международных споров. Итоговым документом Совещания предусмотрено создание в Европе специального органа – «Механизма СБСЕ по урегулированию споров», который может быть использован по требованию любой из спорящих сторон и действует в качестве примирительного органа. Кроме того, документ рекомендует широкий комплекс обязательных и факультативных процедур, из которых спорящие стороны свободно выбирают те, которые они считают наиболее подходящими для разрешения конкретного спора.

Обязательные процедуры, рекомендованные Совещанием, не применяются, если одна из спорящих сторон считает, что спор затрагивает вопросы «территориальной целостности или национальной обороны, права на суверенитет над территорией суши или одновременных притязаний на юрисдикцию над другими районами».

Таковы основные юридические средства обеспечения государственного суверенитета и его защиты. Нетрудно заметить, что они обеспечивают верховенство и самостоятельность государственной власти, которая суверенна не сама для себя, а для конкретного государства, человека

и гражданина, проживающего в данном государстве. Власть суверенна для того, чтобы иметь возможность решать те задачи и достигать те цели, которые ставит перед ней общество, закрепившее эти цели и задачи в законодательных актах, и в первую очередь в Основном Законе. В статье 2 Конституции Российской Федерации подчеркивается абсолютная ценность человека, его прав и свобод выражением «высшая ценность». Государству здесь отводится обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Такой же подход наблюдается и в Конституции Республики Таджикистан.

Определяя национальные и общечеловеческие ценности, Конституция Республики Таджикистан в статье 5 фиксирует положение о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны», она же возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [68]. Как в России, так и в Таджикистане ученые данным проблемам уделяют очень пристальное внимание. Российские исследователи опубликовали огромное количество монографий, учебников, комментариев, статей и другой научной продукции, посвященной правам и свободам человека и гражданина как исключительной, абсолютной и высшей ценности общества и государства [2; 17; 18; 19; 21; 22; 23; 24; 38; 39; 40; 41; 42; 66; 67; 83; 88; 89; 90; 92; 104; 108; 123; 125; 134; 135; 136; 139; 151; 153; 168; 169; 170; 191; 184; 196; 197; 198; 202; 203; 204; 205]. Конечно меньше, но в то же время довольно много публикаций о правах человека и гражданина подготовлено в Республике Таджикистан [8; 9; 10; 11; 13; 14; 32; 33; 34; 35; 36; 48; 50; 100; 101; 107; 111; 192].

Большинство исследователей, авторов этих публикаций, единодушны в выводах о том, что и Конституция России, и Конституция Таджикистана базируются на доктрине естественного происхождения прав и свобод человека [70; 79; 102; 103; 110; 124; 126; 195]. Права и свободы не даруются человеку государством, а принадлежат ему от рождения, по самому факту рождения.

Школа естественного права, зародившаяся в Европе (Гуго Гроций, Самуэль Пуфендорф, И.И. Фельбигер, Жан-Жак Руссо, Шарль Монтескье, Джон Локк и др. [81; 82; 98; 99; 133]), достаточно широко распространившаяся в России (А.П. Куницын, епископ Дамаскин, Гавриил Бужинский и др. [71; 72; 106; 181; 182]), дошла и до Таджикистана.

В России родоначальником концепции естественного права принято считать профессора Санкт-Петербургского университета, который преподавал и лицеистам в Царском Селе, Александра Петровича Куницына (1783-1840 гг.) [129; 146].

В конце XVII – начале XVIII века в Европе становится популярной теория естественных прав человека. Ее активно проповедовали Гуго Гроций, Самуэль Пуфендорф [76; 77; 78]. Их имена звучали во всех европейских университетах [128].

В России «интерес к произведениям С. Пуфендорфа возник в начале XVIII в., – по мнению Л.Р. Романовской и В.П. Сальникова, – не без влияния Петра Великого. По его поручению в 1726 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «О должностях человека и гражданина по закону естественному, книги две, сочиненные Самуэлем Пуфендорфом». Редактировал ее архимандрит Троицко-Сергиевского монастыря Гавриил Бужинский, один из «птенцов гнезда Петрова». Петр Первый требовал, чтобы работа была выполнена «с поспешением… внятно и с хорошим штилем». Книга вышла в свет уже после смерти Императора» [130, стр. 23]. Предисловие к книге «Правдолюбивому российскому читателю» подготовил Гавриил Бужинский [75]. Книга была издана с благословения Святейшего Синода. Были переведены на русский язык и изданы и другие исследования С. Пуфендорфа, в том числе школьный учебник по обществознанию «О должностях человека и гражданина» и его работа «Введение в историю европейскую» [109].

Именно Петровским реформам мы обязаны появлению и развитию школы естественного права. Такое заключение сделал А.П. Куницын в 1821 году, подчеркнув, что теоретическое правоведение в России «должно относить к царствованию Петра Великого» [73].

Доктрина естественных прав человека активно развивалась в Российской Империи. По мнению Н.П. Коркунова (1853-1904 гг.), «с начала XVIII столетия течения естественного права проникли

и к нам. Особенно посчастливилось при этом Пуфендорфу. Уже в 1726 г. был намечен перевод его книги, сделанный по приказанию Петра Первого. По ней читали свои лекции профессор правоучительной философии в Академии наук Х.Ф. Гросс (1725-1731) и первый профессор Московского юридического факультета Дильтей. Но еще и в 90-х гг. прошлого столетия ею руководствовался московский профессор Скиадан» [69, стр. 40].

Русская общественная мысль активно восприняла европейскую теорию естественного права [74], которой предстояла долгая, хотя и неровная жизнь в России, да и в Таджикистане, с забвением, потом возрождением, застойной инертной дремотой, и вот сегодня – полным расцветом на уровне конституционного строительства, с надеждой на бесконечное торжество.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
3. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
4. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3-12.
5. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Экономико-правовые предпосылки и проблемы инновационного развития России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 7-17.
6. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
7. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
8. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
9. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27.
10. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
11. Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 124-133.
12. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
13. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
14. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
15. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.
16. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190.
17. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
18. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
19. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
20. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с

компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6.
21. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
22. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
23. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
24. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
25. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
26. Вихров А.А., Третьяков И.Л. Суверенитет современной Российской Федерации: сущность и проблемы укрепления: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический ун-т, 2005.
27. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
28. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
29. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.
30. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.
31. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.
32. Диноршоев А.М. Административное судопроизводство в Республике Таджикистан как способ защиты прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 175-178.
33. Диноршоев А.М. Механизм защиты прав человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.
34. Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.
35. Диноршоев А.М. Права человека: Учебник для вузов. – Душанбе, 2010. – 336 с.
36. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.
37. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
38. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
39. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
40. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
41. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
42. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
43. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
44. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
45. Зубрин В.В. Законность в федеративном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 384 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
46. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 120 с.
47. Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацепа О.О. Народовластие: от правового принципа к государственной правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 50-56.
48. Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе, 2003.
49. Исаев И.А. Правовая культура России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 96 с.
50. Искандаров Э.Х. Права человека и национальные механизмы их защиты (на тадж. яз). – Душанбе, 2007.
51. Исмагилов Р.Ф. Деловой климат в России: сегодняшнее состояние и перспективы развития (политико-правовой и экономический анализ) // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 11-19.

52. Исмагилов Р.Ф. Кадры, интеллектуальная атмосфера, малый и средний бизнес: актуальные проблемы современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 74-81.
53. Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102.
54. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
55. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
56. Исмагилов Р.Ф., Косякова Н.И. Совершенствование правового механизма государственного воздействия на инновационную предпринимательскую деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 95-102.
57. Исмагилов Р.Ф., Рябова А.С. Экономика предприятия и отрасли промышленности: Учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. Проф. образования «Уфим. Гос. нефтяной техн. ун-т». – Уфа, 2006.
58. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П. Социально-экономические реформы и проекты России: современные проблемы криминальных и финансовых угроз // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 173-179.
59. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197.
60. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
61. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Свобода выбора пути развития экономики как непознанная государственная необходимость // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 11-26.
62. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономическая амнистия – иллюзия и реальность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 97-113.
63. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономические проблемы – политические решения // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 112-126.
64. Исмагилов Р.Ф, Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. , Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
65. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
66. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
67. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / Под ред проф. С.А. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.
68. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015.
69. Коркунов Н.П. Лекции по общей теории права. – СПб., 2003.
70. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4.
71. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818.
72. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.
73. Куницын А.П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования для юношества в Правоведении // Сын Отечества. – 1821. – Ч. 67. – № 6. – С. 253.
74. Куницын А.С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 5-11.
75. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
76. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
77. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
78. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
79. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89).
80. Лекция Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля

2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
81. Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Сочинения: в 3-х томах. Т. 3. / Пер. с англ. и лат. – М., 1988.
82. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т.2. – М, 1991.
83. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
84. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
85. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. – М., 2000.
86. Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46.
87. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
88. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
89. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
90. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
91. Медведев С.М., Числов А.И. Правовые отношения и юридическая ответственность: общие свойства и отличительные черты // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 20-33.
92. Медведев С.М., Числов А.И. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: роль и место // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 37-46.
93. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
94. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69.
95. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внешних качеств суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 174-181.
96. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
97. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
98. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.
99. Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. – М., 1955.
100. Насурдинов Э.С., Сафаров Д.С. История государства и права Таджикистана. – Душанбе, 2013.
101. Ойев Х.О., Сафаров Б.А. Механизм защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж. яз). – Душанбе, 2013.
102. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
103. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
104. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
105. Оразалиева А.М. Правовая культура и правовое воспитание (проблемы соотношения): Монография / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 201 с.
106. Полное собрание творений Св. Иоанна Дамаскина. – СПб., 1913.
107. Права человека: Учебник для 10-го класса / Под ред. Т.Н. Зиёева (на тадж. яз.) – Душанбе, 2008.
108. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
109. Пуфендорф С. Введение в историю европейскую на российский с латинского переведенное иеромонахом Гавриилом Бужинским. – СПб., 1718.
110. Разуваев В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 528 с.

111. Рахмон Эмомали. Таджики в зеркале истории. – Душанбе, 2012.
112. Реуф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 67-72.
113. Реуф В.М. От принципов права к государственно-правовой идеологии (Теоретические аспекты формирования правового сознания общества): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 116 с.
114. Реуф В.М. Принципы права, правовая идеология и культура современного российского государства // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 86-96.
115. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
116. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 28-35.
117. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институционные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 114-121.
118. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 89-92.
119. Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93.
120. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
121. Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 81-94.
122. Роженцев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
123. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
124. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
125. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
126. Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Проблемы правопонимания в современной отечественной юриспруденции // Право как явление культуры: Сб. научн. трудов. – Краснодар: Кубанский ун-т, 2002.
127. Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6.
128. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
129. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
130. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
131. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
132. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 1.
133. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин.; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
134. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
135. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.

136. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
137. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
138. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 1.
139. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
140. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
141. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
142. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
143. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
144. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54.
145. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10.
146. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
147. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
148. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
149. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
150. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
151. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
152. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
153. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
154. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
155. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
156. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
157. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
158. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
159. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
160. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
161. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.

162. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
163. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
164. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
165. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
166. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
167. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
168. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
169. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
170. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
171. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179
172. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
173. Сальников М.В., Курзенин Э.Б. Интеллектуальная гуманистическая политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 117-124.
174. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
175. Сапун В.А. Право. Правовые средства. Правосознание: Монография. – СПб.: СЗИУ, 2012. – С. 14-30.
176. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // МПИС. – 2014. – № 10.
177. Сидоренко О.В. Юридическая власть: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб. 2003.
178. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994. - 240 с.
179. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1994.
180. Степашин С.В., Шульц В.Л. Вопросы безопасности в системе государственного муниципального управления в Российской Федерации. – СПб., 1994.
181. Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / Пер. с греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. – М.: Индрик, 2002. – 416 с. – (Святоотеческое наследие. Т. 5)
182. Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники / Пер. свящ. Максима Козлова и Д. Е. Афиногенова. – М., 1997. – С. 194-201.
183. Устав Организации Объединенных Наций // Международное право в документах. – М., 1982.
184. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 7-17.
185. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
186. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
187. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Теоретические проблемы безопасности международного финансового центра в Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 135-143.
188. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Финансово-правовые проблемы реализации социально-экономических реформ в России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 141-153.
189. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
190. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности.

– СПб., 1998.
191. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
192. Холиков А.Г. Кратко об истории прав человека (на тадж. яз.) – Душанбе, 2007.
193. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
194. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
195. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004.
196. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
197. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
198. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
199. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
200. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 339 с.
201. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.
202. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
203. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
204. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
205. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
206. Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г.- М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 150-155.

КУРЗЕНИН Эдуард Борисович,
доцент института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: edw2006@yandex.ru

ГУК Александр Иванович,
начальник Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)
E-mail: press_ural@mvd.gov.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

БАРТОЛО ДЕ САССОФЕРРАТО, АЛЬБЕРИКО ДЖЕНТИЛИ И ГЕОРГ АДАМ СТРУВЕ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. *Рассматривается роль выдающихся средневековых ученых – итальянцев Бартоло де Сассоферрато, Альберико Джентили и немца Георга Адама Струве в создании новой для своего времени теории права, получившей в далеком будущем название – позитивная, в отличие от естественного права, теория которого в этот период активно разрабатывалась в Европе. Освещаются малоизвестные факты из жизни и творчества этих мыслителей, оказавших значительное влияние на развитие права в Европе в Новое время.*

Ключевые слова: *Бартоло де Сассоферрато; Альберико Джентили; Георг Адам Струве; позитивное право; бартолисты; Бальд де Убальдис; школа комментаторов.*

KURZENIN E.B.
GUK A.I.
SAL'NIKOV M.V

BARTOLO DE SASSOFERRATO, ALBERICO GENTILI AND GEORG ADAM STRUVE IN THE POLITICAL-LEGAL ENVIRONMENT OF MEDIEVAL EUROPE

The summury. *In the article the author considers the role of prominent medieval scholars Bartolo de Sassoferrato, Alberico Gentili and Georg Adam Struve in the new for its time, the theory of law, received in the distan t future name – positive, in contrast to natural law theory which in this period has been actively developed in Europe. Highlights little-known facts from the life and work of these thinkers, has had a significant impact on the development of law in Europe in modern times.*

Key words: *Bartolo de Sassoferrato; Alberico Gentili; Georg Adam Struve; positive law; Bald de Ubaldis; school of commentators.*

Период высокого средневековья был веком бурного развития юриспруденции в европейских государствах. Возникали новые университеты, распространялось и становилось популярным в политических кругах юридическое образование [9]. На этот период времени приходится научная и практическая деятельность известного итальянского правоведа, создателя нового направления в праве, в позднейшем времени получившего название «позитивного», – ученый из г. Перуджи – Бартоло де Сассоферрато (Bartolus da Sassoferrato или de Saxoferrato), (1314-1357). Он вел большую практическую работу и полученные в ходе практики результаты были им опубликованы в различных трактатах, а также «комментариях», «советах» (consilia), «вопросах» (questiones). Источники указывают, что он имел такой высокий авторитет, что его мнение было принято в судах Европы, как неоспоримое, – «имело силу закона» [2, стр. 348].

Продолжателей Бартоло так и называли «бартолистами». Едва ли не самым известным среди них был Бальд де Убальдис (Baldus de Ubaldis) или Бальдо дельи Убальди (Baldo dogli Ubaldi), (1327-1400). Славу Бальдо принесли его комментарии по большинству вопросов римского цивильного права, а также образцы применения древнеримских юридических принципов к практическим делам современной ему Италии.

Бартоло и Бальдо создали новую школу комментаторов. Они заимствовали многолетнюю традицию правовой интерпретации текстов Аврелия Августина и других «отцов церкви». Правовая интерпретация эта держалась на схоластическом принципе «авторитарности», а не на диалектике античных мыслителей. «Бартолисты» с XIV века и вплоть до конца XVI столетия по крайней мере опирались не на «ratio», а на «auctoritas», «lex». «Бартолисты» стремились поднять авторитетность римских юридических текстов до уровня тех, что канонизированы викариями Святого Петра. Именно на базе канонического и древнего римского права предполагалось создать нечто новое – «jus Caesarem Pontificium que» (право императоров и пап). Тогда же появляются специалисты «utrius que juris».

Политические симпатии сторонников Бартоло и Бальдо были связаны с их восхищением древнеримскими имперскими порядками и мечтами об их возрождении при посредстве волевых действий средневековых Германских императоров. Господство школы бартолистов привело к формализации юриспруденции и, как следствие, к застою, приостановке творческих поисков в области юриспруденции и смежных дисциплин. Научные силы дробились на различные школы. Обычно, когда говорят о позднесхоластической юриспруденции, то называют «декреталистов», «легистов», как представителей светского крыла. Им противостояли и с ними взаимодействовали канонисты [11]. Реформация XV в., как и гуманистические идеи, не смогли серьезно поколебать твердыни политико-правовой схоластики, но они вызвали ее перестройку. Последняя связана с деятельностью так называемой саламанкской университетской юридической школы и ее основателя Франциско де Витторио. Его часто называют также основоположником «второй схоластики». Во второй половине XVI столетия сложилась так называемая «галльская» (французская) школа правоведения. Как и «саламанкская», «галльская» школа опиралась на две группы источников – «патристику» раннего средневековья и классические образцы позднеантичного Рима, а также Византии VI века. Обострившаяся политическая ситуация в Европе, растущие масштабы военных конфликтов, принявшие государственно-национальные формы, потеря «священных» критериев, проповедовавшихся католической церковью, растущая самостоятельность городов, их ориентация на светскую модель права [4], заставляли представителей поздней схоластики предпринимать все более утонченные попытки найти баланс религиозно-христианских идеалов и реальной политики христианских государей. Искусство теоретиков поздней схоластики не всегда спасало. Поэтому родилось стремление уйти от попыток теоретизирования и морализирования, спрятаться от злободневных проблем за щитом схоластических авторитетов.

Переход «второй юридической схоластики» к школе «позитивного» права связан с именем Альберико Джентили (1552-1608). Итальянец по рождению, большую часть своей сознательной жизни «проработал» в Англии. Он был вынужден покинуть Италию, поскольку суд инквизиции обвинил его, как протестанта, в ереси [1, стр. 813]. Он читал лекции по римскому праву в Оксфордском университете (с 1581 г.) [3, стр. 24], выступал в качестве посредника в международных делах между

Англией и Испанией, а также в качестве «адвоката» по испанским делам. Именно в связи с испанскими делами 80-х гг. XVII века и написал Джентили свои главные работы: «О посольствах три книги» (De legationibus libri tres), 1585; «Адвокатура Испанская» (Advocatio Hispanica), 1614 г. (посмертно), и, конечно, «О праве войны» (De jure belli) [5, стр. 38]. Причины приглашения Джентили в Англию так были описаны известным отечественным юристом В.Э. Грабарем: «Общим юридическим языком в сношениях Англии с иностранцами, на котором они могли разговаривать между собой, понимая друг друга, было римское право. Это было осознано в XVI в., когда в этих видах было возобновлено изучение римского права и созданы в Оксфорде и Кэмбридже на средства короля Генриха VIII сохранившиеся доныне «королевские профессора... римского права».

Как специалист по римскому праву, знания и умения которого активно использовались в международных отношениях того времени, Джентили вместе с группой английских профессоров (Дейр, Обри, Льюис и др.) создал ядро будущей английской школы международного права. Подчеркнем, что в этом «ядре» специалистов Дж. Джентили был самым важным. Таково мнение В.Э.Грабаря [3, стр. 24]. В.Н. Дурденевский писал о Джентили: «Его склонность к позитивному правовому материалу объясняется, прежде всего, его цивилистической подготовкой... Как цивильный юрист, он оперировал законами и договорами, но «природа вещей» и для Джентили имела характерное для того времени обаяние» [3, стр. 36]. Впрочем, влияние естественно-правовых воззрений на Джентили не было значительным: в особой работе «О славных толкователях права» (De ilaris juris interpetibus) он защищал авторитет итальянской юриспруденции (в особенности против французских специалистов – Кюжаса и др.). Точнее говоря, в лице Джентили «mos italicus» имел верного апологета, а «mos gallicus» – яркого врага. «Mos» в данном тексте следует трактовать как «метод» (правило). Метод итальянцев (глоссаторов и постглоссаторов XIV-XVI вв.) строился строго на схоластически (в духе Фомы Аквинского) обработанном наследии античных правоведов. Французы – современники религиозных войн XVI века – допускали более свободную трактовку правовых вопросов в духе гуманистической философии (включая и идеи Макиавелли). Заметим, кстати, что если итальянский метод оставался верным средневековой («кухонной») латыни, то французы (а по их примеру Гуго Гроций) стремились к совершенствованию стиля по образцам античных писателей.* Более принципиальным было различие в подходе французов и Джентили (вместе с единомышленниками последнего) к историко-юридическому материалу – «примерам», «фактам». Он упрекает французов (Жана Бодена, в частности) в увлечении фактами (nudum historiarum recitationem attulere) и твердой рукой подчеркивает мысль, что «non ex factis jus constituimus, sed ex jure examinamus Pacta», т.е.: «не из фактов право конституируем, но посредством права проверяем факты». Точнее: те факты (имеются в виду – юридические прецеденты), которые усилиями древних специалистов стали нормой, должны реферировать современные Джентили юридические события. «Mos italicus» Джентили нашел последователей в Англии и США. Характерным признаком этой англо-американской школы международного права является, по общему признанию, ее позитивный, положительно-правовой, практический характер, который на континенте Европы окончательно установился только в XX в. [3, стр. 25].

В Германии также сложилась (не без воздействия итальянских специалистов), так называемая «пандектная школа». Точное название этой школы – «usus modernus Pandectarum».** В числе наиболее известных представителей школы – Георг Адам Струве (Struve), (1619-1692). Им был написан лучший компендиум по применению римского права к германскому обществу XVII ст. – «Jurisprudentia Romano-Germanica forensis» (иначе называвшийся «Малый Струве»), который выдержал несколько изданий при жизни автора и после его смерти. Известен был и «одногодок» Пуфендорфа Иоганн Шильтер (1632-1705), автор другого основополагающего трактата «Упражнения к пятидесяти книгам Пандект» (Exercitationes ad 50 libros Pandectarum). «Введение в право Дигест» (Introductio in jus Digestorum) было написано Юстусом Хеннингом Бемером (1674-1799). Известны программные высказывания Рахеля (1628-1691) и Мозера (1701-1783) о том, что юрист в области гражданского и международного права должен быть комментатором и интерпретатором «наличного» судебно-практического материала, воздерживаясь,

по выражению Мозера, «от всяких собственных суждений» [6, стр. 34]. Иоганн Якоб Мозер почитается историками как наиболее последовательный противник школы естественного права [3, стр. 21].

Работы перечисленных выше ученых в дальнейшем повлияли на формирование научной концепции выдающегося немецкого мыслителя Самуэля Пуфендорфа. Формирование его взглядов происходило в условиях, когда были еще живы и действовали представители канонической школы права, унаследованной, как и сама римско-католическая церковь, от времен раннего средневековья европейской цивилизации. Благодаря реформационному движению XVI ст. и разного рода религиозным «войнам» и «революциям» XVI-XVII вв. этот церковный лагерь ко времени деятельности Самуэля Пуфендорфа был расколот на ряд течений. Течения эти (и их более мелкие разновидности) оказались построенными на конфессиональных особенностях. Связь теоретиков естественно-правовой школы и протестантских теологов заслуживает особого обсуждения. Мнения на этот счет различны. Несомненно, что представители естественно-правовой школы, в том числе Пуфендорф, резко отмежевались от католической школы юристов (от Боссюэ – в частности).

Заключая, следует подчеркнуть, что творчество Пуфендорфа, как одного из виднейших представителей естественной школы права развивалось в сложном и противоречивом, но исключительно богатом политическом и культурно-идеологическом контексте, на фоне стремительного, многовекторного роста интеллектуальных сил наиболее передовых стран Западной Европы. В тоже время, эти взгляды немецкого мыслителя, серьезно повлияли на становление школы естественного права в России, на творчество ее основоположника, профессора А.П. Куницына [10; 12], а через него на российскую политико-правовую мысль, правовую культуру и национальные политико-правовые традиции отечества Россия [7; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35].

Примечания

* О языке Гуго Гроция исследователи пишут, что он «изящен», «способ изложения поразительно ясен, четок, логически строен». См. [3, стр. 16].

** «Usus modernus Pandectarum» – «современное использование пандект», «современный метод, основанный на пандектах».

Список литературы

1. Балашова Н.Ю. Джентили Альберико // Антология мировой правовой мысли. Т.2. – М., 1999.
2. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения). – М., 1989.
3. Грабарь В.Э. Гуго Гроций и Альберико Джентили как представители двух направлений в науке международного права // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 1.
4. Квачадзе О.Б., Романовская В.Б. Влияние канонического права на городскую политико-правовую действительность средневековой Западной Европы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – №1. – С. 244-249.
5. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1999. – 153 с.
6. Международное право / Под ред. Ф.И.Кожевникова. – М., 1957.
7. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико – правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3 (15). – С. 9-14.
8. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов).// Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С.161-169.
9. Романовская В.Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №3-2. – С. 174-176.

10. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. - № 4(38). – С. 23-26.
11. Романовская В.Б., Суконкин Д.В. Влияние канонического права на договорное право средневековой Англии // История государства и права. – 2013. – № 13. – С. 23-29.
12. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
13. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
14. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
15. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13-19.
16. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. - С. 48-53.
17. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7 – 13.
18. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013.- № 10. – С. 170-191.
19. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
20. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб, 2005.
21. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
22. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10 – С. 11-32.
23. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
24. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3(23). – С. 20-22.
25. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10.
26. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
27. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013.- № 9. – С. 169-186.
28. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
29. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
30. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 161-166.
31. Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. - № 1. – С. 49-50.
32. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012.- № 11. – С. 169-179.
33. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
34. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 4 (24). – С. 29-31.
35. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй полвины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.

ХЛУСОВ Тимур Михайлович,
заместитель начальника – начальник отделения содействия интеграции и работы с соотечественниками отдела по вопросам вынужденных переселенцев и беженцев Управления Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, адьюнкт кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: playsolo@mail.ru

Специальность 12.00.01- Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МИЛИЦИЯ И ЕЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ (1922 – 1991 гг.)

Аннотация. *Рассматриваются изменения, происходившие в структуре правоохранительных органов с 1922 года (переход от Гражданской войны к мирной жизни) до 1991 года (распад СССР). Приводятся основные нормативные акты, регламентирующие структуру этих органов, виды милиции и возлагаемые на них обязанности.*

Ключевые слова: *правоохранительные органы; милиция; функции милиции; Положение о советской милиции; уголовный розыск.*

KHLUSOV T.M.

MILITIA AND ITS LAW ENFORCEMENT FUNCTION (1922 - 1991 YEARS)

The summary. *The changes taking place in the structure of law enforcement agencies in 1922 (the transition from civil war to peace) until 1991 (the collapse of the USSR). The basic regulations governing the structure of these bodies, types of police and responsibilities assigned to them.*

Key words: *law enforcement; the police; police functions; The position of the Soviet police; criminal investigation.*

24 мая 1922 года было принято Положение об НКВД РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 24 мая 1922 г. [9]. Оно закрепило произошедшие накануне изменения в системе правоохранительных органов. В конце 1920 г., после введения института народных следователей в системе НКЮ, была упразднена следственно-розыскная милиция. В 1921 году были упразднены и другие специализированные подразделения (виды) милиции: железнодорожная, водная, промышленная. В 1922 году из милиции организационно выведен уголовный розыск. Вот эти изменения и нашли отражение, их закрепило Положение об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 года.

Данное Положение определило организационное построение и задачи милиции при переходе к мирному времени. В ст. 6 раздела «Главное управление милиции» указывалось, что на рабоче-крестьянскую милицию возлагается:

«а) поддержание порядка и спокойствия в стране и обеспечение проведения в жизнь декретов, постановлений;

б) окарауливание гражданских учреждений и

сооружений общегосударственного исключительного значения, как то: телеграфа, телефона, почты, водопровода, сооружений на всех путях сообщения в пределах станций, пристаней, затонов;

в) окарауливание фабрик и заводов, рудников и т.п.;

г) охрана лесов, плантаций, государственных питомников, складов топлива, сырья, фабрикатов, сельскохозяйственных продуктов и т.п.;

д) охрана принудительных концентрационных лагерей;

е) подержание порядка и спокойствия на всех путях сообщения РСФСР и сопровождение перевозимых по ним грузов и ценностей;

ж) содействие органам всех ведомств при проведении последними в жизнь возложенных на них заданий».

Обязанности милиции по поддержания порядка и спокойствия в стране и обеспечению проведения в жизнь декретов, постановлений, закрепленные в Положении, можно отнести к функции правоохранительного характера (охрана общественного порядка). Функции по борьбе с преступностью не указывались, поскольку их в основном осуществлял отделенный от милиции уголовный розыск.

Другие обязанности милиции в основном сводились к внешней охране (окарауливания) различных объектов, что вытекало из стоявшей перед государством задачей восстановления и развития народного хозяйства. В 1924 г. была образована ведомственная милиция. Подразделения ведомственной милиции создавались на договорной основе руководства милиции с определенным ведомством и содержались за счет обслуживаемых объектов. Ведомственная милиция, кроме вооруженной охраны объектов, осуществляла функцию обеспечения общественного порядка и безопасности на территории обслуживаемых объектов [55, стр. 234].

Весьма широким был круг обязанностей милиции по оказанию содействия другим ведомствам, предусмотренной п. «ж» ст. 6 Положения о НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. Так, по решениям местных советов и исполкомов на милицию возлагались такие экзотические обязанности как освидетельствование комсомолок «на предмет девственности», выведение к указанному сроку тараканов, клопов и других насекомых и т.п. На милицию возлагались обязанности сокращаемых местными советами и их исполкомами швейцаров, конюхов, посыльных, сторожей и т.п. [55, стр. 241].

В первом общесоюзном Положении о рабоче-крестьянской милиции, утвержденном СНК СССР от 25 мая 1931 г. [2] можно уже более четко определить задачи и функции милиции. Данное Положение было принято в условиях упразднения НКВД СССР. В нем устанавливалось, что центральными органами милиции являются главные управления милиции союзных республик, состоящие при СНК этих республик (ст. 4).

Однако уже 27 декабря 1932 г. постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и СНК СССР было образовано общесоюзное Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) при Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ) [11]. Таким образом, милиция стала официально подчиняться ОГПУ, которое представляло собой советский вариант политической полиции [25; 49].

Милиция по рассматриваемому Положению делилась на общую и ведомственную.

Функции (по тексту Положения – обязанности) общей милиции были разделены на четыре группы: по охране революционного порядка и общественной безопасности; по борьбе с преступностью; по обслуживанию населения; по обороне страны.

Во избежание прежней практики возложения на милицию несвойственных ей функций, было установленное, что другие функции на общую милицию могли быть возложены только по постановлению СНК СССР.

По поводу ведомственной милиции было указано, что она наряду со специальной охраной отдельных предприятий, сооружений и имущества государственных и общественных органов, выполняет на территории охраняемых предприятий и сооружений обязанности общей милиции.

Вскоре после принятия рассмотренного постановления функции милиции были значительно расширены за счет наделения ее функциями паспортного контроля в связи с введением в стране единой паспортной системы в 1932 г. В юридической литературе отмечается, что именно с введением в единой паспортной системы было связано образование ГУРКМ при ОГПУ СССР

[41, стр. 13]. Действительно, постановление ЦИК и СНК СССР № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» и постановление ЦИК и СНК СССР об образовании ГУРКМ при ОГПУ СССР были приняты в один и тот же день – 27 декабря 1932 г. [8].

В преамбуле постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» было отмечено, что единая паспортная система была введена «данного постановления было указано, что единая паспортная система вводится «В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» в составе рабоче-крестьянской милиции были предусмотрено создание паспортных отделов и столов, адресных бюро (столов). В данном постановлении указывалось, что структура и порядок работы паспортных отделов и столов, а также адресных бюро (столов) определяются ГУРКМ при ОГПУ. Оно же определяло порядок прописки вновь выданных паспортов и временных удостоверений. Единая паспортная система в то время была введена для всего населения городов, рабочих поселков, населенных пунктов, являющихся районными центрами, а также на всех новостройках, на промышленных предприятиях, на транспорте, в совхозах, в населенных пунктах, где расположены МТС, и в населенных пунктах в пределах 100-километровой западноевропейской пограничной полосы Союза ССР. В остальных местностях граждане паспортов не получали, а учет населения в этих местностях ведется по поселенным спискам сельскими и поселковыми советами под наблюдением районных управлений рабоче-крестьянской милиции

Паспортная система и институт прописки ограничили свободное передвижение по территории СССР. 1 июля 1934 г. в УК РСФСР 1926 г. была введена статья 192 «а», устанавливающая уголовную ответственность за нарушение паспортных правил с максимальной санкцией в 2 года лишения свободы.

Положение о рабоче-крестьянской милиции от 25 мая 1931 г. продолжало действовать и после создания общесоюзного НКВД СССР в 1934 г., в состав которого было включено ГУРКМ. С этого времени функции милиции стали постоянно расширяться, а также происходило выделение специализированных служб в милиции.

Так, постановлением СНК СССР от 4 октября 1935 г. «О передаче в ведение НКВД и его местных органов иностранных отделов и столов исполнительных комитетов» было положено начало созданию в Главном управлении милиции, в управлениях республик, краев, областей паспортных столов и групп виз и регистраций иностранцев (ОВИР) Созданные в составе рабоче-крестьянской милиции группы ОВИР выполняли функции по ведению персонального учета всех проживающих в СССР иностранных граждан, а также проживающих за границей граждан СССР; выдавали иностранцам документы на право проживания в СССР и визы на выезд; принимали и оформляли заявления иностранцев о приеме в советское гражданство; осуществляли надзор за соблюдением иностранцами правил проживания и передвижения по территории страны [42, стр. 21-22].

Таким образом, на милицию в течение 1932-1935 гг. были возложены функции паспортного и визового контроля.

Постановлением СНК СССР и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) ЦК ВКП (б)) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [12] на ГУРКМ НКВД СССР была возложена обязанность «усилить борьбу против хулиганства на улицах со стороны детей и подростков (драки, оскорбление прохожих, езда на трамвайных буферах и т. п.)». Милиции было предоставлено право штрафовать родителей в административном порядке в пределах до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство детей. Милиция обязывалась доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. В составе милиции были выделены специализированные подразделения

для работы с несовершеннолетними правонарушителями. В настоящее время 31 мая в России отмечается как День подразделений по делам несовершеннолетних.

3 марта 1936 г. в состав ГУРКМ была включена Государственная автомобильная инспекция (ГАИ), которая до этого была действовала в составе Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Цудортранс) при СНК СССР постановлением СНК СССР от 5 ноября 1934 г. Сам Цурдортранс при СНК СССР был образован постановлением СНК СССР от 3 июня 1931 г. [10], а до этого находился в ведение Народного комиссариата путей сообщений (НКПС) СССР. Впоследствии постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 октября 1935 г. [13] Цурдортранс был передан в НКВД СССР в котором он был преобразован в Главное управление шоссейных дорог (Гусшосдор), который, как отмечалось в параграфе 2.1. стал одним из производственных подразделений НКВД, тесно взаимодействующим с Гулагом.

Постановлением СНК СССР от 3 июля 1936 г. № 1182 было утверждено Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции НКВД СССР. День – 3 июля – в настоящее время отмечается как день работника Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) [35; 40; 54; 63; 64].

В Положении о ГАИ ГУРКМ НКВД СССР на ГАИ возлагались обязанности: по борьбе с аварийностью и хищническим использованием автотранспорта; наблюдение за подготовкой и воспитанием шоферских кадров; количественный и качественный учет автопарка; учет аварий автомобильного транспорта; выявление причин и привлечение к ответственности водителей машин и других лиц, виновных в авариях; контроль проведения хозяйственными организациями и учреждениями необходимых мероприятий по содержанию автопарка в технически исправном состоянии [55, стр. 248-249].

Таким образом, не все функции ГАИ имели правоохранительный характер, хотя в целом и были направлены на обеспечение безопасности дорожного движения как части охраны общественного порядка [33; 34; 36; 38; 39; 65].

На ГАИ того времени не возлагались обязанности по регулированию дорожного движения. Этим занимались отделы и отделения регулирования дорожного движения (ОРУД). Еще в декабре 1931 г. было проведено союзное совещание по регулированию уличного движения. Его участники одобрили организацию при управлениях милиции автономных советских социалистических республик (АССР), краев, областей – отделов регулирования уличною движения, в областных и краевых центрах с менее развитым движением – отделений регулирования уличного движения. Для совершенствования деятельности подразделений ОРУДа инструкцией Главного управления РК милиции от 31 декабря 1932 г. был введен институт постового инспектора регулирования уличного движения, В общей части инструкции говорилось, что регулирование уличного движения имеет целью обеспечение четкого движения потоков всех видов транспорта и пешеходов, безопасность движения, быстрое устранение сбоев в движении, а также надзор за соблюдением водителями и пешеходами правил уличного движения и правильной эксплуатации транспорта [37, стр. 25-26].

Таким образом, в милиции стали действовать два подразделения, занимавшихся обеспечением безопасности дорожного движения: ГАИ и ОРУДы, слияние которых произошло только в 1961 г. [37, стр. 26].

В 1937 г. вновь была восстановлена железнодорожная милиция. Ей были переданы некоторые функции Транспортного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в сфере охраны общественного порядка на железнодорожном транспорте, включая несение дежурств на вокзалах, борьбу с хищением социалистической собственности, хулиганством и детской беспризорностью [58].

16 марта 1937 г. в составе ГУРКМ НКВД СССР был образован Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). В нижестоящих управлениях и отделах милиции стали организовываться отделы, отделения и группы БХСС. Принятая незадолго до этого Конституция (Основной Закон) СССР от 5 декабря 1936 г. [1] установила, что социалистическая собственность в формах государственной и колхозно-кооперативной собственности вместе с социалистической системой хозяйствования составляют экономическую основу СССР (ст. 4 и 5). В ст. 131 было установлено, что каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как

священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа. В этой связи создание подразделений БХСС было вполне логичным.

В предвоенные годы расширялись функции милиции в области обороны.

Так, военно-учетные функции милиции расширились в связи с принятием Закона СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» [5]. В соответствии с этим законом специальный учет военнообязанных осуществлялся по правилам, устанавливаемым Народным комиссариатом обороны (НКО) СССР и под его руководством (ст. 58, 68). На отделения милиции в городах через создаваемые в них военно-учетные столы были возложены обязанности по первичному учету всех военнообязанных и призывников. В сельской местности и поселках военно-учетные столы создавались при сельских и поселковых Советах (ст. 59). В военно-учетных столах осуществлялся также персональный (качественный) учет рядового и младшего начальствующего состава запаса, а численный учет – по родам войск и военным специальностям – в районных (городских) военных комиссариатах (ст. 60). Военными комиссариатами НКО осуществлялся персональный (качественный) учет начальствующего состава и призывников (ст. 61, 62). Контроль за точным соблюдением всеми отделениями милиции устанавливаемых НКО военно-учетных правил возлагался на ГУРКМ НКВД СССР (ст. 68). Согласно ст. 69 милиция была обязана: следить за выполнением военно-учетных правил домоуправлениями (домовладельцами) и производить розыск уклоняющихся от выполнения всеобщей воинской обязанности. В соответствии со ст. 70 органы милиции и сельские советы обязаны вызывать военнообязанных в военные комиссариаты и воинские части по требованию последних.

В конце 1940 г. на органы внутренних дел была возложена задача организации местной противовоздушной обороны страны. В составе НКВД было образовано Управление местной противовоздушной обороны (УМПВО). При НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей образовывались отделы и отделения МПВО. На уровне городов и районов должности старших инспекторов по местной противовоздушной обороне вводились в соответствующих отделах, отделениях милиции.

В 1940 г. в ведение милиции были переданы медицинские вытрезвители. Первый советский вытрезвитель был открыт 1 октября 1931 г. в Ленинграде, на ул. Марата, 79. Этот и другие открывшиеся впоследствии медицинские вытрезвители первоначально находились в ведении Народного комиссариата здравоохранения [47].

Во время Великой Отечественной войны и до конца 1940-х гг. изменений в функциях милиции не происходило. Она (милиция), как и весь советский народ, боролась с фашистскими захватчиками, обеспечивала Победу Советского Союза и его союзников в Великой Отечественной войне, а после войны восстанавливала народное хозяйство [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 43; 44; 45; 46; 48; 50; 51; 52; 56; 57; 59; 60; 61; 62; 66; 67; 68; 69; 70; 71].

В октябре 1949 г. Постановлением Совета Министров СССР милиция была передана из МВД в ведение Министерств государственной безопасности (МГБ) СССР [55, стр. 458], т.е., также как и в период 1932-1934 милиция оказалась в подчинении органов государственной безопасности.

В период нахождения в ведении МГБ постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1952 г. «Об использовании в промышленности, строительстве и других отраслях народного хозяйства работников, высвобождающих из охраны, и мерах по улучшению дела организации охраны хозяйственных объектов министерств и ведомств» на милицию была возложена охрана объектов торговли и некоторых промышленных предприятий. В соответствии с этим в Главном управлении милиции (ГУМ) МГБ СССР был образован Отдел вневедомственной сторожевой охраны. 29 октября в настоящее время отмечается как День вневедомственной охраны.

В 1960 г. в связи с упразднением МВД СССР местная противовоздушная оборона была передана в ведение Министерства обороны СССР.

Следующим общесоюзным нормативно-правовым актом о милиции стало Положение о советской милиции, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 26 июля 1962 г. [3].

Задачами милиции были определены

следующие: охрана общественного порядка в городах, населенных пунктах и на транспортных магистралях, обеспечение охраны социалистической собственности, личности и прав граждан от преступных посягательств, своевременное предупреждение, пресечение и раскрытие уголовных преступлений.

Функции (по тексту Положения – обязанности) милиции были разделены на три группы: по охране общественного порядка; по борьбе с преступностью; по осуществлению паспортного режима.

В качестве отдельной обязанности (функции) было выделено оказание помощи органам государственной безопасности в проводимых ими мероприятиях.

Следующее Положение о советской милиции было утверждено постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» [4] одновременно с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [15].

Указы Президиума Верховного Совета СССР в то время, будучи по своей первоначальной юридической природе подзаконными актами, подлежали утверждению законами СССР на сессии законодательного органа – Верховного Совета СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» был утвержден Законом СССР от 19 июля 1973 г. [6].

Таким образом, впервые общегосударственный нормативно-правовой акт о деятельности милиции был утвержден законодательным органом и приобрел юридическую силу закона.

В п. 1 рассматриваемого указа устанавливалось, что советская милиция призвана обеспечивать охрану общественного порядка в стране, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных и посягательств и иных антиобщественных действий. В качестве важнейших задач милиции указывались: предупреждение и пресечение преступлений и других антиобщественных действий, быстрое и полное раскрытие преступлений, всемерное содействие устранению причин, порождающих преступления и иные правонарушения.

В п. 6 указывались основные обязанности милиции, в которых, в сущности, конкретизировались положения п. 1 рассматриваемого указа. Так, например, в п.п. «г» п. 6 устанавливалось, что милиция принимает необходимые меры к пресечению совершаемых преступлений и других нарушений общественного порядка, а также оперативно – розыскные меры и иные предусмотренные законом меры в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, возбуждает уголовные дела и производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступлений; производит в пределах определенной законом компетенции дознание по уголовным делам.

В п.п. «о» п. 6 указывались возложенные на милицию функции правоохранительного характера в сфере исполнения судебных решений, в первую очередь исполнения уголовных наказаний: приводит в исполнение приговоры судов о ссылке, высылке и условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, осуществляет надзор за лицами, отбывающими наказание в виде ссылки и высылки, лицами, условно освобожденными из мест лишения свободы, и лицами, условно осужденными к лишению свободы с обязательным привлечением к труду; осуществляет контроль за поведением условно осужденных и осужденных, в отношении которых исполнение приговора к лишению свободы отсрочено. При этом при исполнении приговоров об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и осуществлении контроля за лицами, условно осужденными к лишению свободы с обязательным привлечением к труду милиция через созданные в начале 1970-х гг. спецкомендатуры осуществляла, как уже указывалось в параграфе 1.2., функции экономического характера.

В отдельных подпунктах п. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» указывались обязанности подразделений милиции, созданных в 1930-х гг.: инспекций по делам несовершеннолетних (п.п. «и»), паспортных и визовых служб

(п.п. «л»), Государственной автомобильной инспекции (п.п. «н»).

В п. 6 Положения о советской милиции, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. перечислялись основные подразделения милиции: подразделения административной (наружной) службы, уголовного розыска, борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, паспортной работы, государственной автомобильной инспекции, создаваемые в Министерстве внутренних дел СССР, министерствах внутренних дел союзных и автономных республик, управлениях и отделах внутренних дел исполнительных комитетов краевых, областных, окружных, городских, районных Советов народных депутатов. В состав милиции также входят строевые и специальные части и подразделения, специальные школы, учебные пункты, научно-исследовательские и другие учреждения и подразделения.

Обязанности милиции указывались в п. 9 рассматриваемого Положения. Были продублированы и более подробно раскрыты те обязанности, которые закреплялись в п. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью». Дополнительно указывались, например, на такую обязанность как оказание в соответствии с действующим законодательством содействие военным комиссариатам в осуществлении контроля за соблюдением гражданами СССР правил воинского учета и в организации проведения призыва на действительную военную службу (п.п. «у»). Таким образом, военно-учетная функция, возложенная на милицию в 1939 г. была заменена на содействие в реализации этой функции органами военного управления.

Так же как и в Положении 1962 г. отдельно указывалось на обязанность милиции оказывать содействие органам государственной безопасности в борьбе с особо опасными государственными преступлениями и в проведении других мероприятий по охране государственной безопасности (п.п. «т»).

К концу существования СССР был принят Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции» [7]. В связи с последующим в этом же году распадом СССР данный закон фактически не применялся. Более того, всего месяц с небольшим спустя после принятия Закона СССР «О советской милиции» постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1027-I «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О милиции» [14] он был признан недействующим на территории РСФСР.

Отметим лишь положения ст. 2 Закона СССР «О советской милиции», в которой были указаны основные задачи милиции, которые на самом деле представляют собой ее функции: обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности и охрана общественного порядка; предупреждение преступлений и других правонарушений; быстрое и полное раскрытие преступлений; защита собственности от противоправных посягательств; участие в оказании социальной и правовой помощи населению; исполнение уголовных наказаний и административных взысканий. Обращает на себя внимание, что задачей милиции названа защита собственности вне зависимости от ее формы, а не социалистической собственности как ранее. Новой для милиции являлась задача участия в оказании социальной и правовой помощи населению.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) СССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ВЦИК и ЦИК Союза ССР. – 1936. – 6 декабря.
2. Положение о рабоче-крестьянской милиции / Утверждено СНК СССР от 25 мая 1931 г. // Собрание законов СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.
3. Положение о советской милиции / Утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 26 июля 1962 г. // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10. – С. 236.
4. Положение о советской милиции / Утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10. – С. 236.

5. Закон СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1939. – № 2.
6. Закон СССР от 19 июля 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. – № 30. – Ст. 398.
7. Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 12. – Ст. 319.
8. Постановление ЦИК и СНК СССР № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» от 27 декабря 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1932. – № 84.- Ст. 516.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 24 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 33. – Ст. 386.
10. Постановление СНК СССР от 3 июня 1931 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1932. – № 8. – Ст. 43а.
11. Постановление Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1932. – № 84. – Ст. 518.
12. Постановление СНК СССР и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) ЦК ВКП (б)) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Известия ВЦИК и ЦИК Союза ССР. – 1935. – 1 июня.
13. Постановление ЦИК и СНК СССР от 28 октября 1935 г. // Правда. – 1935. – 29 октября.
14. Постановление Верховного Совета РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1027-I «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 504.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1973. – № 24. – Ст. 309.
16. Алексеенков А.Е. Ленинградская милиция на страже общественного порядка в период обороны города // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях: Сб. науч. трудов. – Л., 1985.
17. Алимов Х.Р. Административная деятельность органов милиции Узбекистана (1941-1945): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ташкент, 1985 – 23 с.
18. Банников Ф.Г. Истребительный батальон НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945). – М., 1968.
19. Белорусской милиции 50 лет. – Минск: МООП БССР, 1967.
20. Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. – М.: ВШ МООП СССР, 1967. – 79 с.
21. Биленко С.В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1969. – 120 с.
22. Биленко С.В. Советская милиция в защите социалистического Отечества (1941-1945 гг.). – М., 1983.
23. Биленко С.В., Максименко Н.П. Этапы развития советской милиции. – М.: МВД СССР, 1972. – 55 с.
24. Говоров И.В. Проверочно-фильтрационные органы в системе НКВД 1944-1946 гг. (по материалам Ленинградской области) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 474-495. – (Серия: «МВД России 200 лет).
25. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
26. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 30-40.
27. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
28. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. – М.: Юриздат, 1967.
29. Ефремов Н.В. Транспортная милиция Ленинграда в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 164-169.
30. Журавлев М.И., Коваль И.Я. Очерки об участии органов НКВД и милиции Москвы и Московской области в битве за столицу (июнь 1941- январь 1942). – М.: Акад. МВД СССР, 1975.
31. Заднепровская Л.Д. Борьба с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Из истории партийного руководства органами внутренних дел в годы

Великой Отечественной войны. – Волгоград, 1973.
32. Иванов В.А., Калашинская Н.В. МВД и немецкие военнопленные в восстановительный период (1945-1949 гг.): ленинградский опыт // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 496-513. – (Серия: «МВД России 200 лет).
33. Квитчук А.С. Государственная политика по созданию правового комплекса безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 97-104.
34. Квитчук А.С. Деятельность центральных и местных органов советского государства по обеспечению безопасности дорожного движения (1918-1921 гг.) // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 35-37.
35. Квитчук А.С. Нормативно-правовое обеспечения безопасности дорожного движения в первые годы Советского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 1. – С. 44-46.
36. Квитчук А.С. Проблемы и пути формирования государственной и муниципальной систем управления обеспечением безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 102-107.
37. Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: историко-правовое исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
38. Квитчук А.С. Транспорт и гражданское законодательство РФ // Транспортное право. – 2006. – № 1. – С. 2-4.
39. Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.
40. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Проблемы совершенствования системы безопасности дорожного движения // Транспортное право. – 2005. – № 4. – С. 43-46.
41. Кириченко Ю.С. Организационно-правовые основы функционирования паспортной службы советской милиции в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1932-1945 гг.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010.
42. Кондращова И.Б. Правовые и организационные основы деятельности паспортно-визовой службы органов внутренних дел Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1996.
43. Костин В.И. Борьба с хищением социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький, 1982.
44. Курицын В.М. Советский государственный аппарат в период Великой Отечественной войны // Сов. государство и право. – 1985. – № 5.
45. Курицын В.М., Литвинова Г.И. Укрепление Советского единого многонационального государства в годы Великой Отечественной войны // Проблемы государства и права. – М., 1975.
46. Лахутина В.Т., Незвигин Г.В. Развитие органов внутренних дел Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).. – Караганда: Караганд. ВШ МВД СССР, 1982. – 96 с.
47. Малушин П. Российские вытрезвители приняли последнего посетителя // Коммерсантъ. Наука. – 2011. – 31 октября.
48. Мессер Р. Милиция осажденного города. – Л.: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1945. – 72 с.
49. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
50. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – 608 с.
51. Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т. История советской милиции: Хронологический справочник. – Л., 1976.
52. Незвигин Г.В. Деятельность милиции Советского Казахстана по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1980. – 184 с.
53. Никишкин А.В. Подразделения Госавтоинспекции МВД Российской Федерации: основы организации деятельности и пути реформирования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 182-189.
54. Никишкин А.В. Правовой статус личности начальника подразделения государственной инспекции безопасности дорожного движения горрайорганов внутренних дел: информационная составляющая // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 158-164.
55. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк /Гл. ред. А.Г. Горлов. М., 1996.
56. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 427-439. – (Серия: «МВД России 200 лет).

57. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 116 с.
58. Прокопов Ю.В., Харченко О.В. К вопросу о реформировании организационной структуры органов внутренних дел Российской Федерации // Мир экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 40-47.
59. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
60. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Восстановление органов внутренних дел на освобожденной территории и их деятельность по ликвидации последствий войны, охране общественного порядка на Северо-Западе РСФСР // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 401-426. – (Серия: «МВД России 200 лет).
61. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
62. Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД на страже безопасности тыла Северо-Кавказского региона в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 440-473. – (Серия: «МВД России 200 лет).
63. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. К вопросу о месте и роли подразделений милиции в обеспечении безопасности дорожного движения в период становления Советской власти // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2(54). – С. 42-46.
64. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. Организационные и пропагандистские мероприятия по повышению безопасности дорожного движения в СССР в 30-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 120-123.
65. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. Проблемы общественной безопасности в контексте административной реформы // История государства и права. – 2006. – № 3. – С. 23-26.
66. Скилягин А., Лесов В., Пименов Ю., Савченко И. Дела и люди ленинградской милиции. Очерки истории. – Л.: Лениздат, 1967. – 375 с.
67. Скилягин А.Т. Советская милиция в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 152-158.
68. Тимченко А.П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис. … канд. юрид. наук. – Киев, 1981.
69. Уголовный розыск Южного Урала. Годы, события, люди. 1918–2003: Сборник. – Челябинск, 2003.
70. Филатов В.П. Ленинградская милиция в период обороны города. – Л.: ВШ МВД СССР, 1965. – 55 с.
71. Хвичия П. Очерки истории грузинской советской милиции. 1938 – 1960 гг.: В 3-х т. Т. 2. – Тбилиси, 1962. – С . 66-161.

ЖЕЛЕЗНАЯ Юлия Юрьевна,
старший научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории УИС, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: popkova.80@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Дается анализ развития и правового регулирования института общественного контроля в местах лишения свободы в дореволюционной России.*

Ключевые слова: *общественный контроль; участие населения; заключенные; условия содержания; арестанты.*

ZHELEZNAYA Y.Y.

HISTORICAL AND LEGAL BASES OF FORMATION OF PUBLIC CONTROL PENITENTIARIES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The summary. *In the given article some aspects of the establishment and legal regulation of public control in prison places in pre-revolutionary Russia are considered.*

Key words: *social control; community participation; prisoners; conditions of detention; prisoners.*

Развитая система общественного контроля выполняет важную роль в обеспечении законности и эффективности Российского государства, особенно в такой специфической сфере, как исполнение наказаний в виде лишения свободы. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы имеет большое социально-правовое значение. Это связано, прежде всего, с внешнеполитическим курсом Российской Федерации на интеграцию в мировое сообщество. Наше государство является одним из участников международных соглашений, закрепляющих общепризнанные стандарты соблюдения прав и свобод человека и гражданина, включая стандарты обращения с правонарушителями. Поэтому соблюдение этих стандартов является важной гарантией укрепления международного авторитета Российской Федерации как правового государства. В изменяющихся политических и социально-экономических условиях важно обеспечить законность исполнения уголовных наказаний, соблюдение законных прав и интересов лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Обеспечение правового статуса этих лиц, в том числе путем осуществления общественного контроля, признано приоритетной задачей в ряде международных соглашений. Изменения в пенитенциарной политике современной России направлены на гуманизацию уголовных наказаний, совершенствование правовой основы организации их исполнения и

последовательное выполнение международных обязательств в этой сфере [55].

Одним из основных источников общепризнанных прав человека в пенитенциарной сфере являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [41], принятые в 1955 г. на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В них изложены принципы управления пенитенциарными заведениями и обращения с осужденными. Комитет Министров Совета Европы подчеркивает, что при исполнении наказаний, связанных с лишением свободы, и обращении с осужденными следует учитывать требования безопасности, порядка и дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания осужденных, которые не ущемляли бы их человеческого достоинства [50, стр. 30].

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Российская Федерация признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и провозглашает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17 Конституции РФ).

Очень важно помнить, что статья 2 Конституции Российской Федерации определила человека, его права и свободы высшей ценностью. А государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Данное требование Конституции в полной мере относится ко всем российским гражданам, в том числе и к тем, кто временно изолирован от общества и отбывает наказание в пенитенциарных учреждениях. По этому вопросу нет дискуссии в юридической литературе, авторы очень тщательно разрабатывают проблему прав человека и гражданина [5; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 21; 22; 23; 24; 27; 28; 34; 37; 38; 39; 40; 47; 54; 57; 59; 63; 64; 65; 66; 70; 71; 74; 75; 76; 83; 85; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93], ибо Российская Конституция базируется на концепции естественных прав человека [29; 30; 31; 32; 35; 45; 46; 56; 58; 60; 61; 62; 69; 78; 86], которые даны ему от рождения и он не может быть лишен этих прав со стороны государства. Вот как по этому поводу сказал один из разработчиков Конституции профессор С.М. Шахрай в лекции, прочитанной в Государственной Думе в апреле 2013 года: «Возьмем, к примеру, главу «Права и свободы человека и гражданина». В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность и т.д. Из этого следует, что в отличие от прежних времен государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства. Как вы помните, раньше такая практика была сплошь и рядом» [33, стр. 160].

К одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации относится охрана прав, свобод и законных интересов осужденных (ч. 2 ст. 1 УИК РФ) [2]. При исполнении наказания осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 10 УИК РФ). Относительно общественного контроля Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепляет общественное воздействие в качестве одного из средств исправления осужденных, предусматривает участие общественности в их исправлении (ст. 23 УИК РФ).

Правовое регулирование в области общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [3], иными федеральными законами.

Социальное назначение общественного контроля за обеспечением прав осужденных в местах лишения свободы заключается, прежде всего, в сохранении жизни, здоровья, человеческого достоинства и обеспечении нормального существования осужденных в местах лишения свободы; обеспечении оптимального функционирования исправительных учреждений; создании материальных условий как основы для исправления осужденных, их ресоциализации. Специфика общественного контроля в

рассматриваемой области такова, что от степени ее эффективности во многом зависят как судьбы осужденных, их жизнь, физическое и нравственное здоровье, так и состояние безопасности общества в целом. Своевременное корректирование со стороны общественности исправительного воздействия на осужденных позволяет не только увеличить шансы на возвращение в общество законопослушного человека, но и предупредить рецидив преступлений [4; 6; 7; 43; 48; 49; 68; 72; 73; 79; 80; 84]. Сущность данного контроля заключается в системе наблюдения и проверки соответствия их деятельности требованиям уголовно-исполнительного законодательства и иных нормативных правовых актов с целью выявления и устранения имеющихся нарушений и их предупреждения в будущем. В процессе общественного контроля становится возможным обнаружить и устранить существующие недостатки в работе учреждений и органов УИС, более объективно информировать общественность об условиях ее деятельности, экономических и иных социальных трудностях. Что, в свою очередь, должно способствовать снижению социального напряжения в обществе, вызванного наличием различных взглядов на социальное назначение и эффективность деятельности пенитенциарной системы. Важно здесь и постоянное взаимодействие с различными правоохранительными органами [9; 67].

В настоящее время в России сложилась определенная практика общественного контроля в пенитенциарной сфере. Цели, задачи и формы такого участия в разные исторические периоды имели ряд отличительных особенностей. Следует отметить, что история появления общественного контроля в деятельности мест лишения свободы началась с благотворительной деятельности.

Первым опытом участия населения в деятельности исправительных учреждений стали созданные в первой половине XVI века губные органы. Согласно губным грамотам на местные общины возлагались обязанности устраивать тюремные заведения и организовывать их охрану из своей среды. Кроме того, на содержание заключенных деньги взыскивались с крестьян тех вотчин, на территории которых находились тюрьмы. В исполнении тюремного заключения существенную роль играло население, которое долгое время жертвовало пищу и одежду заключенным.

Существенные изменения в практике управления тюремной системой произошли во время правления Екатерины II. Она отмечала, что наказание должно носить воспитательную функцию, направленную на исправление и коррекцию личности преступника, заключенный должен осмысливать содеянное, раскаиваться. Тем самым императрица констатировала необходимость участия общества в процессе исполнения наказаний. При непосредственном участии Екатерины II был разработан проект «Положения о тюрьмах», в котором предусматривалось раздельное содержание преступников «по роду и важности их преступлений», мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних, осужденных и подследственных [52, стр. 67].

Таким образом, участие общественности в реализации уголовных наказаний на этапе становления российской тюремной системы осуществлялось по целому ряду направлений: непосредственное участие местных сельских и городских общин как разновидность одной из повинностей; пожертвования частных лиц на нужды пенитенциарных учреждений, подача милостыни арестантам; воздействие на процесс наказания наставников из числа монахов; участие в процессе исполнения наказания самодеятельных, построенных на общинных началах, образований из числа арестантов [19; 42; 77].

Известно, что тюремные учреждения России в начале XIX века находились в плачевном состоянии и не получили определенной организации. Управление тюрьмами было разбросано по различным ведомствам; не было и четкой законодательной регламентации пенитенциарных отношений в государстве. В связи с этим император Александр Павлович считал полезным дать простор для деятельности благотворительных организаций в России.

В период правления Александра I в 1816 г. было образовано Человеколюбивое общество [18, стр. 938], члены которого обладали правом посещать заключенных в тюрьмах и опекать их. Большую работу по привлечению внимания власти и общественности к тюремному вопросу провели члены Лондонского общества усовершенствования тюрем. В 1817 г. английский филантроп В. Венинг посетил московские, петербургские и тверские места лишения свободы. По результатам визита мест заключения Венинг представил подробный отчет министру

внутренних дел князю А.Н. Голицыну, в котором излагались замечания и предложения по совершенствованию российской пенитенциарной системы и результатам наблюдений за арестантами. Для улучшения порядка в тюрьмах и исправления преступников Вальтер Венинг рекомендовал использовать опыт работы и правила, регламентирующие деятельность Лондонского общества. В дальнейшем его предложения послужили основанием для создания аналогичного российского общества и легли в основу при разработки «Правил для Попечительного Общества о тюрьмах».

Значительным событием в становлении общественного контроля в пенитенциарной системе Российской империи явилось учреждение в 1819 г. Общества попечительного о тюрьмах (далее – Общество) и утверждение «Правил для Попечительного Общества о тюрьмах» [53] (далее – Правила). В основные задачи Общества входили: нравственное исправление преступников и улучшение состояния заключенных за долги и по другим делам людей. Общество было призвано оказывать содействие тюремной администрации в улучшении хозяйственной деятельности, коммунально-бытового, продовольственного обеспечения арестантов, а также в организации нравственного воздействия на них. В 1822 г. были созданы региональные и уездные комитеты и отделения, которые стали действовать по всей России.

Для реализации своих функций члены Общества могли посещать места заключения и осматривать их в любое время суток без согласования с должностными лицами учреждения и губернскими властями. Таким образом, помимо задач оказания материальной помощи и религиозно-нравственного воздействия Общество наделялось и довольно широкими контрольными полномочиями. Надзиратель и смотрители обязаны были оказывать членам комитета содействие в их деятельности, особенно в распределении заключенных по степени их вины и виду преступления. О выявленных при посещении недостатках, упущениях и злоупотреблениях члены Общества докладывали начальству, после чего замечания доводились до сведения руководства мест заключения [94, стр. 55].

Благодаря деятельности Общества в 1820 г. был введен запрет на содержание заключенных в ошейниках; с 1822 г. стали применяться облегченные кандалы; в 1826 г. запретили применять к арестованным цепи; в 1828 г. введен запрет на использование колодок и связывание рук [82, стр. 59]. К середине 20-х годов XIX века Общество достигло значительных успехов в своей деятельности, в числе которых обязательное обучение грамоте в тюрьме, а также расширение рабочих мастерских. Решающим фактором определения эффективности деятельности Общества явилось решение за довольно короткий отрезок времени вопросов организации тюремной части, привлечения внимания императора к существующим проблемам. Благодаря деятельности Общества многие отечественные пенитенциарные проблемы оказались в центре внимания общественности, а традиционная российская благотворительность приняла организационные формы [51, стр. 37]. С 1827 года Общество стало распоряжаться «кормовыми» деньгами арестантов, выделяемыми из казны, привлекая для этого и дополнительные средства. Общество приобретало за счет собственных средств для арестантов недостающую одежду и белье, организовывало помывку в бане, открывало мастерские для занятия арестантов трудом и специальные магазины, где реализовывалась произведенная ими продукция, причем две трети от прибыли выплачивалось работавшим арестантам. Благотворительная деятельность выражалась также в открытии лазаретов и больниц, специальных кухонь и столовых. Лечение больных заключенных осуществлялось за счет государства, для оказания им медицинской помощи врачами выписывались необходимые медикаменты из аптек военного ведомства. С 1830 года усилиями Общества была введена одежда единого образца для заключенных [25, стр. 39].

Помимо хозяйственных и бытовых сфер в поле зрения Общества находились и режимные вопросы. В 1831 году при непосредственном участии Общества была составлена Инструкция, которая представляла собой первые правила внутреннего распорядка. Указанная Инструкция закрепляла не только обязанности смотрителя и надзирателей, но и весь комплекс мер, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы. По инициативе Общества принимались меры по пресечению проникновения к заключенным запрещенных предметов, устанавливались строго определенные дни и часы для

посещения заключенных их родственниками, вводилось время для обучения, работы, отдыха, предпринимались усилия для раздельного содержания осужденных в зависимости от состава преступления и пола. Позднее большинство норм Инструкции вошли в первый систематизированный законодательный акт об исполнении лишения свободы «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных 1832 г».

Таким образом, деятельность Общества положила начало новому направлению в российской пенитенциарной системе. Помимо религиозной пропаганды, улучшения материальных и коммунально-бытовых условий содержания арестантов, организации режима отбывания наказания в виде лишения свободы, трудоиспользования арестантов, было введено обучение ремеслу, открыты специальные школы грамотности, впервые в пенитенциарной практике была поставлена задача создания тюремных библиотек [36, стр. 63].

Со временем деятельность и эффективность Общества стала снижаться. Его члены все больше стали заниматься административно-хозяйственными вопросами, подменяя при этом некоторые полномочия тюремного руководства. Для изменения возникшей ситуации в 1851 году было принято новое Положение об Обществе попечительном о тюрьмах и внесен ряд изменений в Устав о содержащихся под стражей. Согласно ст. 15, 29 Устава Обществу поручалось главное – попечение за местами лишения свободы, а решением вопросов исполнения лишения свободы, изоляции, охраны заключенных, надзора за ними и другими занималась тюремная администрация [81]. С этого момента отсчитывается второй период в развитии Общества.

Отличительной чертой деятельности Общества после 1851 г. было то, что вице-президентами комитетов на местах являлись главный начальник губернии, епархиальный архиерей и губернатор. Прокурорам судебных палат присваивались обязанности и звание вице-президентов всех губернских тюремных комитетом округа, находившихся в их ведении. Согласно ст. 76, 77 Устава Общества попечительного о тюрьмах в состав директоров комитетов или отделений входили губернский предводитель дворянства, уездный предводитель дворянства, вице-губернатор, председатели и управляющие губернскими присутственными местами, товарищи прокурора Судебной палаты, прокурор окружного Суда, городской голова, председатели земских управ, уездные члены окружных судов, городские судьи, полицмейстеры, находящийся в уезде товарищ прокурора окружного суда, уездный врач и т.п. Таким образом, указанным должностным лицам помимо основных обязанностей по должности вменялись и обязанности по контролю за деятельностью тюрем, содействию улучшению положения заключенных и их исправлению. Каждое из состоявших в ведении Общества мест заключения поручалось надзору одного из директоров.

Директорам тюремного комитета или отделения предоставлялось право беспрепятственно входить в места заключения. Для посещения им выдавался особый печатный билет за подписью губернатора либо полицмейстера или исправника. При посещении тюремных заведений директора должны были следить за тем, чтобы:

- со стороны тюремных смотрителей соблюдались установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами и правильному размещению их по званию, полу, возрасту и роду преступлений или обвинений;
- проводилось воспитание заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности;
- в установленные дни в тюремных церквях совершалось богослужение, а в арестантских камерах – молитвословия;
- во время постов арестанты говели;
- места заключения были снабжены книгами духовно-нравственного содержания, чтобы воскресные и праздничные дни арестанты проводили в благочестивых чтениях, беседах и молитве;
- обвиненные судом сразу по объявлении им приговора немедленно были устранены от сообщества с другими арестантами, и чтобы духовный отец наедине приготовил их назиданием к принятию заслуженного наказания [26, стр. 56].

После посещения мест заключения свои замечания директора доводили до сведения тюремных комитетов или их отделений, которые в свою очередь требовали объяснения от смотрителя тюремного заведения, где были выявлены недостатки. Комитеты или отделения принимали

соответствующее постановление, которое было обязательным к исполнению тюремным начальством. По результатам доклада надзиравших директоров вице-президент Губернского комитета и старший директор уездного отделения направляли предписание смотрителям тюрем или обращались к местному начальству для принятия мер по устранению нарушений.

Общество также осуществляло бухгалтерскую отчетность, ревизию и контроль за расходованием денежных средств, выделяемых на тюремные нужды и исправление осужденных. В распоряжении тюремных комитетов и отделений поступали денежные суммы из государственного казначейства на содержание, лечение арестантов, коммунально-бытовые расходы; от кредиторов на содержание должников, ежегодные и единовременные пожертвования от членов и благотворителей и т.д. Существовала и практика ведения благотворительных торгов, на которых предполагалось «выкупить» и принять на себя обязанности на покрытие различных расходов на тюремные нужды.

Однако на практике работа тюремных комитетов Общества из-за широкого спектра полномочий была фиктивна и, как правило, осуществлялась формально. По отзывам губернского начальства, работа его подразделений в регионах сильно разнилась – от проявления всесторонней заботы до полного равнодушия. Состав тюремных комитетов нередко доходил до 40 членов, но многие из них принимали в работе комитета лишь номинальное участие. Причина этого, по мнению губернаторов, заключалась в следующем: комитетами руководили люди на общественных началах, не получающие вознаграждения, вследствие чего у большинства из них отсутствовало «теплое сочувствие» к тюремному делу; деятельность обеспеченных членов комитетов ограничивалась взносами, а менее обеспеченные были заняты изысканием возможностей для существования своих семей [44, стр. 30].

Руководители тюремных комитетов и отделений были слишком заняты непосредственными обязанностями по своей государственной должности, поэтому уделять должного внимания общественным делам не могли. В связи с этим чаще всего кто-либо из обеспеченных членов Общества принимал на себя функции директора отделения и распорядителя уездными тюрьмами. Нередко чиновники, которым передавались полномочия по ведению тюремных дел, пользуясь покровительством, злоупотребляли оказанным им доверием. Неэффективность тюремных комитетов стала возможной еще и потому, что государство пыталось вернуть Обществу изначальную благотворительную направленность. К 1890 г. тюремные комитеты Общества полностью себя исчерпали.

В конце XIX в. берет свое начало новая организация, которая занималась общественным контролем за тюремной системой. Во исполнение рекомендации Стокгольмского международного тюремного конгресса о создании наблюдательных советов (комиссий) при каждой тюрьме как «органа совершенно отдельного от тюремной администрации» в 1884 г. были учреждены наблюдательные комиссии за местами заключения [17]. Комиссии должны были надзирать за всеми сторонами управления, принимать от арестантов просьбы, заявления и жалобы, касавшиеся порядка содержания в тюрьмах; при этом они не должны были участвовать в управлении вверенными им тюрьмами. В круг обязанностей входило взаимодействие с Обществом попечительным о тюрьмах и частными обществами по вопросам, касавшимся попечения об освобождаемых из тюрем и детях арестантов; содействия организации труда заключенных, их нравственному и религиозному образованию; внесения в соответствующие инстанции предложений по реформированию тюремной системы, помилования заключенных, смягчения им наказания, досрочного освобождения; оказания помощи освобождаемым от наказания в трудовом и бытовом устройстве.

Действовали данные комиссии под контролем Главного тюремного управления, а создавались они по принципу общественных организаций на основе добровольного участия. Члены комиссии имели право в любое время беспрепятственно посещать подведомственные им пенитенциарные учреждения, проводить осмотр тюремных помещений, осуществлять проверку законности действий и распоряжений тюремной администрации. При обнаружении нарушений или злоупотреблений члены наблюдательной комиссии доводили информацию начальнику места заключения. В случае неустранения или непринятия мер к их устранению они докладывали начальнику Главного тюремного управления, а с 1904 г. – губернатору. Первые наблюдательные

комиссии были созданы при тюрьмах в Санкт-Петербурге, Москве и Царском Селе, но повсеместного распространения они в дореволюционный период так и не нашли. Революционные события 1917 года во многом изменили государственное управление и стали началом новой эпохи в отечественной истории, ознаменовав новый этап в истории общественного контроля, что в дальнейшем отразилось на организации и функционировании общественного контроля за пенитенциарной системой.

Таким образом, на основании изучения общественного контроля в деятельности пенитенциарной системы, архивных материалов, литературы, следует отметить, что к настоящему времени в России уже сложился некоторый практический опыт общественного контроля в уголовно-исполнительной системе. Анализ особенностей становления общественного контроля в пенитенциарной системе дореволюционного периода позволяет провести соответствующие параллели между опытом прошлого и современной действительностью, а также может послужить теоретической и практической основой для совершенствования нормативно-правового регулирования уголовно-исполнительной системы и выработки оптимальных решений современной действительности. Исторический опыт свидетельствует о наличии прогрессивных средств и методов исправления и перевоспитания преступников в дореволюционной России. Общественный контроль пенитенциарных учреждений со стороны гражданского общества внес значительный вклад в гуманизацию национальной системы исполнения уголовных наказаний, способствовал укреплению в местах лишения свободы законности и правопорядка, гарантировал обеспечение прав и законных интересов заключенных.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что дальнейшее развитие института общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания должно осуществляться с учетом и нынешних условий, и истории становления и развития общественного контроля. Исторический подход поможет не только определить пути совершенствования и повышения эффективности данного института, но и покажет допустимые пределы участия общественности в управлении уголовно-исполнительной системы. Бесспорно, что наличие общественного контроля является важным гарантом соблюдения законности в деятельности УИС, средством оптимальной защиты нарушенных прав и законных интересов осужденных, а также безусловным показателем демократичности нашего государства. Если право имеет в своем происхождении социальные корни, то, безусловно, и общественный контроль за соблюдением прав человека в местах лишения свободы должен развиваться и занимать одно из ведущих мест в уголовно-исполнительной системе России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
3. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.
4. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
5. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
6. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
7. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
8. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и

юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
9. Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 55-71.
10. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
11. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
12. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
13. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
14. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
15. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
16. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
17. Высочайше утвержденное 30 мая 1884 г. мнение Государственного совета, об административном и хозяйственном заведовании Санкт-Петербургскими местами заключения // Полное собрание законов Российской империи (1881-1913). – Т. IX. – № 2267.
18. Высочайше утвержденный проект образования Императорского Человеколюбивого общества от 16 июля 1816 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXXIII. СПб., 1830.
19. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
20. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
21. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
22. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
23. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
24. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
25. Кашпур Л. Человеколюбием исправлять (попечительству тюрем – 180 лет) // Преступление и наказание. – 1999. – № 11.
26. Колодин Р.В. Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний: Дис. … канд. юрид. наук. – Вологда, 2010.
27. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
28. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / Под ред проф. С.А. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.
29. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4.
30. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
31. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
32. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89).
33. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
34. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
35. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defenson pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и Ко, 2014. – 656 с.
36. Матвеев А.П. Теоретические и организационно-правовые аспекты взаимодействия уголовно-исполнительной

системы с общественными объединениями: Дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2005.
37. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
38. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
39. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
40. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
41. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: одобрены Экономическим и Социальным Советом в резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.
42. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
43. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87.
44. О настоящем положении тюремного вопроса. – СПб., 1867.
45. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
46. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
47. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
48. Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А, Экологическая преступность в Ленинградской области: общее и особенное // Региональная экология. – 2004. – № 3-4. – С.63-66.
49. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
50. Пертли Л.Ф. Материально-бытовое обеспечение осужденных в исправительных учреждениях России: Практическое пособие. – Москва, 2006.
51. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России // под научной редакцией доктора юрид. наук, профессора С.И. Кузьмина: Монография. – Москва, 2011.
52. Пертли Л.Ф., Кузьмин С.И., Яковлева О.Н., Макарчук О.И., Железная Ю.Ю. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: Учебное пособие. – Москва, 2010.
53. Положение об Обществе попечительном о тюрьмах. 19 июля 1819 г. // Полное собрание Российской империи. – Т. XXXVII. – № 27895.
54. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
55. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
56. Разуваев В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 528 с.
57. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
58. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
59. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
60. Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Проблемы правопонимания в современной отечественной юриспруденции // Право как явление культуры: Сб. научн. трудов. – Краснодар: Кубанский ун-т, 2002.
61. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
62. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
63. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства //

Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
64. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
65. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
66. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Секция: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
67. Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218.
68. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
69. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
70. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
71. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
72. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 110.
73. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.
74. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
75. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
76. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
77. Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 49.
78. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10.
79. Смирнов А.М. Латентная преступность в России: Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
80. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 464 с.
81. Устав о содержащихся под стражей: изд. 1857 г., по прод. 1886 г., 1895 г. – СПб., 1896.
82. Фумм А.М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // История государства и права. – 2015. – № 11.
83. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
84. Холманский В.И. Федеральный закон о наказании в виде ограничения свободы: недостатки в использовании в борьбе с ростом рецидивной преступности и пути совершенствования // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 85-89.
85. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
86. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004.
87. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
88. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отдние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
89. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
90. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
91. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
92. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности.

– М., 2007.
93. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
94. Яковлева О.Н. Контроль и надзор как способы обеспечения законности в деятельности Министерства юстиции Российской империи // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3(37).

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по физической культуре, спорту и делам молодежи (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

КАЙНОВ Владимир Иванович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: kaynov_v@mail.ru

ШЕЛЕПОВА Мэри Амирановна,
начальник кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат педагогических наук (г. Тюмень, Россия)
E-mail: chislov111@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право

КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется правовые основы конституционного судопроизводства в Российской Федерации. Раскрывается деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как судебного органа. Анализируются его особенности и принципы.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации; судебный орган; правоприменение; принципы правоприменения.*

ANANSKIKH I.A.
KAYNOV V.I.
SHELEPOVA M.A.

CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS IN MODERN RUSSIA

The summary. *The article examines the legal framework of the constitutional justice in the Russian Federation. The author reveals the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation as a judicial body. Its features and principles are analyzed.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation; The Constitutional Court of the Russian Federation; judicial authority; law enforcement; principles of enforcement.*

Федеральный конституционный закон от 12 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] выделяет конституционное судопроизводство в самостоятельный вид наряду с другим производством. «Конституционный Суд Российской Федерации – говорится в статье 1 данного закона, – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства».

Конституционное судопроизводство – это «урегулированная нормами конституционного права деятельность Конституционного Суда и участвующих в деле лиц и других участников процесса по поводу разрешения дел, являющихся предметом разбирательства федерального органа конституционной юстиции» [75]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что конституционное судопроизводство представляет собой совокупность юридических процедур рассмотрения дела и вынесения конституционного решения [9; 10; 11; 13; 14; 21; 22; 23; 33; 34; 35; 65; 69; 70; 73; 74].

Следует выделить следующие особенности конституционного судопроизводства:

1. Конституционный процесс завершается принятием правового акта, который имеет публичное, то есть всеобщее значение. Так, если по жалобе конкретного лица Конституционный Суд Российской Федерации признает определённое положение закона не соответствующим Конституции России, то это решение будет применено ко всем лицам, которые окажутся в правовой ситуации, сходной с правовой ситуацией заявителя. Это влияет на оценку доводов, приводимых сторонами в процессе производства по делу, на характер принимаемых Конституционным судом Российской Федерации решений.

Данное обстоятельство имеет особо важное значение в связи с тем, что Конституция Российской Федерации определяет человека, его права и свободы как высшую ценность государства и общества (статья 2). Здесь же констатируется обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. В российской юридической литературе указанное конституционное положение находит свою тщательную разработку [4; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 27; 28; 36; 37; 38; 39; 40; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 71; 72; 73; 74]. Этому же по существу посвящено и конституционное судопроизводство в России [7; 62], да и в других странах [5; 6; 8; 24; 25; 26; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47].

2. Судопроизводство направлено на решение вопросов права. Конституционный Суд Российской Федерации воздерживается от установки фактических обстоятельств дела – он занимается этим только в той мере, в какой данные обстоятельства могут повлиять на оценку конституционности оспариваемого закона (договора) или отдельных его положений. Это также оказывает влияние на оценку Конституционным Судом Российской Федерации доводов сторон. Они должны иметь строго аргументированный, научный характер. Не случайно, представителями заявляющей стороны должны быть лица, имеющие научные звания.

О том, что конституционное судопроизводство направлено на решение вопросов права говорит, в качестве примера, решение Конституционного суда Российской Федерации по жалобам избирателей, наблюдателей на выборах, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, членов «Справедливой России» из Воронежской области. Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пунктов 2 и 3 статьи 77 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также частей 4 и 5 статьи 92 Федерального Закона «О выборах депутатов Госдумы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствующими Конституции России, так как они «создавали некоторую неопределенность, которая мешает обычному избирателю, только что проголосовавшему на участке, и обнаружившему нарушение, пойти пожаловаться в суд» По мнению

судьи-докладчика по делу Николая Бондаря «Возможность защиты избирательных прав не может заканчиваться у порога избирательного участка или у избирательного ящика, после того как избиратель опустил бюллетень, его электоральные интересы не заканчиваются, как это представлялось в судебной практике до сегодняшнего дня. … Конституционный суд, – подчеркнул он, – сделал вывод, исходя из самой природы избирательных прав, соотношения активного и пассивного избирательного права». Избирателям разрешили обжаловать результаты выборов в судах [3].

3. Конституционное судопроизводство производится только в одной инстанции. Решение Конституционного Суда Российской Федерации не подлежат обжалованию, оно имеет окончательный характер. Это затрудняет защиту своих интересов заявителем.

4. Несмотря на равенство сторон в конституционном судопроизводстве, их возможности неодинаковы. Это объясняется тем, что если оспаривается закон, то интересы гражданина-заявителя защищает адвокат, а законодателя – представитель Государственной Думы Российской Федерации, представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и представитель Президента России.

5. Если уголовное, гражданское, административное судопроизводство осуществляются на основании соответствующих процессуальных кодексов, то основой конституционного судопроизводства является Федеральный конституционный закон от 12 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации».

6. В Конституционном Суде Российской Федерации не допускается рассмотрение дел судьями единолично (как в суде общей юрисдикции). Статья 30 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что «Рассмотрение дел и вопросов и принятие решений по ним производятся Конституционным Судом Российской Федерации коллегиально».

7. Для конституционного судопроизводства характерно наличие особого института допустимого обращения. Поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является обращение в виде запроса, ходатайства, жалобы. В обращении должны быть указаны конкретные основания к рассмотрению обращения Конституционным Судом Российской Федерации; позиция заявителя по поставленному им вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции России; требование, обращенное к Конституционному Суду Российской Федерации.

8. В конституционном судопроизводстве основанием к рассмотрению дела является:

- «обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор»;
- «обнаружившиеся противоречия в позициях сторон о принадлежности полномочий в спорах о компетенции»;
- «обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации, а также при выдвижении Государственной Думой обвинения Президента России в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» (согласно части 2 статьи 36 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации).

9. В рассматриваемом виде судопроизводства большую роль играют специфические субъекты конституционных процессуальных правоотношений – эксперты, специалисты, приглашенные лица. Круг приглашенных лиц, – ими могут быть представители различных органов государственной власти и должностные лица, – определяет судья-докладчик в каждом конкретном деле. Данные субъекты приглашаются в Конституционный Суд Российской Федерации для выяснения их мнения о соответствии Конституции исследуемых положений нормативных правовых актов.

10. В конституционном судопроизводстве показания свидетелей не играют такую роль, как в других видах производства. Основным источником доказательств в конституционном судопроизводстве являются объяснения сторон или их представителей, заключение эксперта, документы, разъяснения представителей, мнения специалистов.

11. Общим правилом рассмотрения дела в Конституционном Суде Российской Федерации является устное производство. «Целесообразно применять письменное

производство при рассмотрении подведомственных Конституционному Суду нормативных актов на соответствие Конституции России, если с запросом обращается государственный орган, но только в том случае, если заявитель (его представитель) отсутствует, а ответчик не заявил ходатайства об устном рассмотрении дела» [48].

Конституционное судопроизводство в Российской Федерации основывается на определенных принципах. Принципы конституционного судопроизводства представляют собой базовые процессуальные положения, определяющие характер, особенности и способы осуществления конституционного правосудия. Нельзя их путать с принципами уголовного судопроизводства, на которых базируется уголовный процесс [29; 30; 31; 32].

Существующая классификация принципов конституционного судопроизводства использует такой классификационный критерий как способ институирования (закрепления) этих принципов. Согласно данной классификации принципы конституционного судопроизводства делятся на формализованные, которые непосредственно закреплены в нормативном акте (прежде всего – в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 1-ФКЗ) и обусловленные природой Конституционного Суда Российской Федерации (институциональные принципы).

1. Институциональные принципы конституционного судопроизводства в Российской Федерации. К данным принципам следует отнести:

- принцип конституционности (законности), то есть принятии решений в соответствии с конституцией и конституционными законами;
- принцип диспозитивности, то есть отрицания императивного вмешательства Конституционного суда Российской Федерации в сферу отраслевого правового регулирования. Принцип диспозитивности означает минимизацию инициативы Конституционного суда Российской Федерации в области конституционного контроля, то есть осуществление этого контроля преимущественно по запросам заинтересованных лиц и сторон. Данный принцип не должен вступать в противоречие с принципом законности;
- принцип объективности конституционного судопроизводства;
- принцип процессуальной экономии конституционного судопроизводства. Этот принцип выражается в соединении Конституционным Судом Российской Федерации дел в одно производство. Статья 48 («Соединение дел») ФКЗ № 1 гласит: «Рассмотрение каждого дела образует предмет особого заседания. Конституционный Суд Российской Федерации может соединить в одном производстве дела по обращениям, касающимся одного и того же предмета».

2. Формализованные принципы конституционного судопроизводства в Российской Федерации. К формализованным принципам, изложенным в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 1-ФКЗ, относятся принципы, которые приведены в главе IV данного закона («Принципы конституционного судопроизводства»).

В этой главе закреплены (позитивированы) следующие принципы конституционного судопроизводства:

а) принцип независимости Конституционного Суда Российской Федерации и его судей;
б) принцип коллегиальности при принятии решений;
в) принцип гласности при рассмотрении дел;
г) принцип устного разбирательства;
е) принцип состязательности и равноправия сторон.

Содержание принципов конституционного судопроизводства:

- Принцип независимости (ст. 29). В указанной статье говорится, что «Судьи Конституционного Суда Российской Федерации независимы и руководствуются при осуществлении своих полномочий только Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом. В своей деятельности судьи Конституционного Суда Российской Федерации выступают в личном качестве и не представляют каких бы то ни было государственных или общественных органов, политических партий и движений, государственных,

общественных, иных предприятий, учреждений и организаций, должностных лиц, государственных и территориальных образований, наций, социальных групп.

Решения и другие акты Конституционного Суда Российской Федерации выражают соответствующую Конституции Российской Федерации правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации принимают решения в условиях, исключающих постороннее воздействие на свободу их волеизъявления. Они не вправе запрашивать или получать от кого бы то ни было указания по вопросам, принятым к предварительному изучению либо рассматриваемым Конституционным Судом Российской Федерации.

Какое бы то ни было вмешательство в деятельность Конституционного Суда Российской Федерации не допускается и влечет за собой предусмотренную законом ответственность».

- Принцип коллегиальности (ст. 30). В данной статье законодателем установлено, что «Рассмотрение дел и вопросов и принятие решений по ним производятся Конституционным Судом Российской Федерации коллегиально. Решение принимается только теми судьями, которые участвовали в рассмотрении дела в судебном заседании.

  Конституционный Суд Российской Федерации правомочен принимать решения в заседаниях при наличии не менее двух третей от общего числа судей.

  При определении кворума не принимаются в расчет судьи, отстраненные от участия в рассмотрении дела, и судьи, полномочия которых приостановлены».
- Принцип гласности (ст. 31). В данной статье говорится: «Рассмотрение дел, назначенных к слушанию в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, является открытым. Проведение закрытых заседаний допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом. Решения, принятые как в открытых, так и в закрытых заседаниях, провозглашаются публично»;
- Принцип устного разбирательства (ст. 32). Данная статья устанавливает: «Разбирательство по делам, назначенным к слушанию в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, происходит устно. В ходе устного разбирательства Конституционный Суд Российской Федерации заслушивает объяснения сторон, показания экспертов и свидетелей, оглашает имеющиеся документы. В заседании Конституционного Суда Российской Федерации могут оглашаться документы, которые были представлены для ознакомления судьям и сторонам либо содержание которых излагалось в заседании по данному делу».
- Принцип предоставления права пользоваться в конституционно-судебном процессе родным языком (ст. 33). Статья 33 («Язык конституционного судопроизводства») определяет, что «Производство в Конституционном Суде Российской Федерации ведется на русском языке. Участникам процесса, не владеющим русским языком, обеспечивается право давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика»
- Принцип непрерывности судебного заседания (ст. 34) устанавливает, что «Заседание Конституционного Суда Российской Федерации по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, отведенного для отдыха или необходимого для подготовки участников процесса к дальнейшему разбирательству, а также для устранения обстоятельств, препятствующих нормальному ходу заседания».
- Принцип состязательности и равноправия сторон (ст. 35) устанавливает правило, согласно которого «Стороны пользуются равными правами и возможностями по отстаиванию своей позиции на основе состязательности в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, а также в случае разрешения дел Конституционным Судом Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьей 47.1 настоящего Федерального конституционного закона».

Дальнейшее совершенствование конститу-

ционного судопроизводства как самостоятельного вида судопроизводства в Российской Федерации будет способствовать дальнейшему укреплению законности в деятельности органов правосудия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Решение Конституционного суда Российской Федерации по жалобам избирателей, наблюдателей на выборах, уполномоченного по правам человека в РФ, членов «Справедливой России» из Воронежской области. – RG.RU. – 2013. – 24 апреля. – http://www.rg.ru/2013/04/22/izbirateli-site.html
4. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
5. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Конституционный контроль в странах Латинской Америки: процедура ампаро как основная процессуальная форма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 55-58.
6. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Органы федеральной судебной власти Мексиканских Соединенных Штатов: юрисдикция по разрешению коллизий конституционно-правового характера // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 27-31.
7. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Права человека, политическая стабильность и конституционный контроль: некоторые вопросы взаимообусловленности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 27-30.
8. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
9. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
10. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
11. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
12. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
13. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
14. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
15. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
16. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
17. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
18. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
19. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
20. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
21. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
22. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – 400 с.
23. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
24. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах: Монография /Отв. ред. В.В. Еремян. – М.:

Международные отношения, 2004. – 288 с.
25. Клишас А.А. Конституционный контроль в зарубежных странах: конституционная юстиция в механизме осуществления публичной власти: Учебное пособие. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2006. – 100 с.
26. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование: Монография / Под общей ред. д.ю.н., проф. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007. – 496 с.
27. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
28. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / Под ред проф. С.А. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.
29. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
30. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
31. Кондрат И.Н. Принципы, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 7-13.
32. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
33. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.
34. Лекция Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
35. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
36. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
37. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
38. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
39. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
40. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
41. Мирзоев С.Б. Институт конституционного либерализма, нелиберализма и свобода слова в Венгрии (опыт зарубежных стран) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 120-138.
42. Мирзоев С.Б. Конституционная жалоба в Республике Латвия: основные проблемы и тенденции развития (зарубежный опыт) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 22-28.
43. Мирзоев С.Б. О практике Конституционного Совета Республики Казахстан по обеспечению верховенства и стабильности Конституции (опыт зарубежных стран) // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 30-35.
44. Мирзоев С.Б. Роль Конституционного Суда в обеспечении конституционных принципов формирования органов государственной власти в Грузии (опыт зарубежных стран) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 169-173.
45. Мирзоев С.Б., Холиков К.Н. Верховная власть и конституционное правосудие в Республике Таджикистан // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 147-155.
46. Мирзоев С.Б., Холиков К.Н. Конституционная юстиция в Таджикистане: научная разработанность и актуальность проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 154-164.
47. Мирзоев С.Б., Холиков К.Н. Конституционный суд и конституционный контроль в Республике Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 25-34.
48. Назарова И.С. Конституционное судопроизводство: На материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2000.
49. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового

государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
50. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
51. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
52. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
53. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
54. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
55. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
56. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Секция: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
57. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
58. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
59. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
60. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
61. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
62. Султыгов М.М., Андрейцо С.Ю. Конституционное правосудие в системе средств публичной политической власти // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 25-27.
63. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
64. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
65. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
66. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
67. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
68. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
69. Эбзеев Б.С. Конституционный суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции: Вступ. ст. // Комментарии к постановлениям Конституционного суда Российской Федерации. Т. 1. – М., 2000.
70. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014.
71. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
72. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
73. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
74. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
75. Элементарные начала общей теории права: Учебное пособие для вузов / Под общей ред. докт. юрид. наук, проф. В.И. Червонюка. – М.: Право и закон, КолосС, 2003.

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

НАЗАРОВА Надежда Леонтьевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им.Н.И.Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: 89331@list.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
профессор кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
E-mail: chislov111@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ДЕКОНФЛИКТАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. *Рассматриваются факторы детерминации коррупционным проявлениям в макросреде государственной службы. Исследуются вопросы реализации Концепции административной реформы в РФ, превентивного противодействия коррупции в государственном управлении, разрешения конфликтных интересов на государственной службе.*

Ключевые слова: *государственная служба; государственный служащий; коррупционные проявления; конфликтация интересов; административная реформа; исполнительная власть; институциональная политика.*

ISMAGILOV R.F.
NAZAROVA N.L.
SAL'NIKOV S.P.
CHISLOV A.I.

NON-CONFLICT INTERESTS IN THE PUBLIC SERVICE AS A MAJOR FACTOR OF COUNTERACTION OF CORRUPTION

The summary. *Examines the factors determining corruption in the macro environment of the public service. Explores the issues of implementation of the Concept of administrative reform in the Russian Federation, preventive combating corruption in public administration, resolving conflict of interests in public service.*

Key words: *public service, civil servant, corruption manifestations, conflict interests, administrative reform, institutional policies.*

Для эффективного противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации необходимо использовать всю совокупность правовых средств. Очевидно, что понятие коррупции не идентично понятию преступлений коррупционной направленности. Коррупция – это обобщающая категория, объединяющая достаточно широкий круг коррупционных действий [13, стр. 470].

Данная категория означает злоупотребление публичной властью или превышение должностных полномочий ради частной выгоды (покровительство, протекционизм, лоббизм, кумовство, взяточничество, хищения на службе). В узко-нормативном аспекте юридическая сущность коррупции сводится к взяточничеству [3; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 17; 18; 19; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 46; 47; 48; 49; 50].

В 2012 г. было зарегистрировано 49513 коррупционных преступлений, в январе – марте 2013 г. – 17875. При этом получение и дача взятки составляют лишь незначительную часть всех зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. В частности, в 2012 г. на территории Российской Федерации было выявлено 9758 фактов взяточничества (получение и дача взятки), а в январе – марте 2013 г. – 3899, что соответственно составляет 19,7 и 21,8% от всех преступлений коррупционной направленности. Принимаемые меры позволили сохранить тенденцию снижения количества преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками системы МВД России. Так, в 2013 году совершено 4634 (-2,6%) преступления, из них коррупционной направленности – 2642 (-4,3%), в том числе взяточничество – 629 (-1,9%) [16]. Помимо репрессивных мер уголовно-правового характера, должны использоваться и административно-правовые средства. К числу административно-правовых средств противодействия коррупции можно отнести: административные запреты; средства урегулирования «конфликта интересов» на государственной службе; четкий должностной регламент государственного служащего и др. На сегодняшний день административная реформа является одной из основных задач Российского государства, и дальнейшее развитие государственных институтов находится в неразрывной связи с совершенствованием государственного управления. Задачу эффективного управления в современной России, как известно, призвана решить административная реформа, основная цель которой провозглашена как повышение результативности, качества и уровня прозрачности работы государственного аппарата, сокращение административных барьеров и снижение уровня коррупции. Исходя из содержания реформы, можно заключить, что подходы к модернизации исполнительной власти требуют соответствующего правового регулирования.

Государственное управление представляет собой сложную социотехническую деятельность, объединяющую в себе большое количество субъектов и объектов управления, процессы их взаимодействия и взаимного влияния, формальные и неформальные связи. Государственная служба охватывает все сферы жизнедеятельности государства и общества, оказывая, в конечном счете внешне управленческое воздействие на происходящие общественные процессы. Обладание госслужащим властно-распорядительными полномочиями влечет за собой политические, экономические и социальные последствия для членов общества и государства в целом. Государственный служащий находится одновременно во внешней и внутренних социальных средах. Внешняя социальная среда переставляет собой совокупность социальных факторов, объединенных в социетальное сообщество, складывающихся между ними институциональных связей и отношений, общественных норм, правил, принципов ценностей и др. Это позволяет рассматривать государственную службу как обособленную часть общественной системы во взаимодействии с ее элементами в рамках реализации поставленных перед ней задач. Внешняя социальная среда определяет такие характеристики государственной службы, как ее социальный состав, структуру, систему ценностей и принципов. Внутренняя социальная среда государственной службы подразделяется на микросреду и макросреду. Макросреда представляет собой институциональную основу государственной службы и профессиональной деятельности государственного служащего. В свою очередь микросреда представляет собой ближайшее социальное окружение государственного служащего, как в системе государственной власти, так и в его личной жизни [14, стр. 165].

Коррупционные проявления более заметны в

макросреде государственной службы. Коррупция приобрела массовый системный характер и высокую общественную опасность в современной России. «Бытовая» коррупция (взятки чиновникам, сотрудникам милиции, работникам образовательных и медицинских учреждений) дополнилась «верхушечной» – коррупционными сетями, опутавшими все ветви власти, министерства и ведомства [43, стр. 24]. Коррупция теснейшим образом связана с неэффективностью государственного управления, общественных отношений, морали и совести, она накладывает отпечаток и на функционирование всей политической, экономической и социальной системы в целом. Она порождается этой неэффективностью и сама усугубляет ее. Подменяя публично – правовые решения и действия коррупционными проявлениями, основанными на удовлетворении в обход закона частных противоправных интересов, она оказывает разрушительное воздействие на структуры власти и управления, становится существенным тормозом экономического социального развития, препятствует успешной реализации приоритетных и национальных проектов.

Ядро коррупции, как известно, составляет взяточничество, однако наряду с этим опасным преступлением она имеет широкую обширную периферию, включающую множество самых разнообразных деяний противоправного и аморального характера. При этом следует учитывать, что не все формы коррупционного поведения могут попадать под понятие преступления, а сама уголовно-правовая криминализация тех или иных форм коррупционного проявления есть результат, зависящий от множества факторов: от традиций правовой системы, уровня правовой грамотности и правосознания граждан, развитости институтов гражданского общества, от особенностей политического режима, от специфики исторических, социокультурно детерминированных традиций, обычаев и т.д. [6; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42].

Проводимые в России реформы системы и структуры органов государственной власти актуализировали вопрос оптимизации взаимоотношений власти и общества. Для коррупционных проявлений характерна глубокая и разветвленная корневая система, сложная, многофакторная ее детерминация. Причинный комплекс коррупции достаточно сложен и требует отдельного рассмотрения, мы же считаем необходимым сказать об одной группе факторов детерминации этого явления.

Рассмотрим одну из детерминирующих первопричин – конфликтакцию интересов на государственной службе, а именно в системе исполнительной власти, самостоятельной, независимой ветви власти, органы которой наделены государственными полномочиями по исполнению и реализации законов, защите интересов и обеспечению безопасности государства, общества, личности [9; 26]. Ситуации, при которых возникают конфликты интересов можно условно разделить на несколько групп:

1.Возникновение конфликта при исполнении должностных обязанностей;

2.Возникновение конфликта при формировании состава комиссии по урегулированию конфликта интересов, конкурсной и аттестационной комиссии.

Конфликт власти и общества, возникает в ситуации, когда «личная заинтересованность гражданского служащего преобладает над общественными и государственными интересами, может повлиять или влияет на объективное исполнение им должностных обязанностей» [2]. Наличие конфликтов интересов – показатель не только многочисленных издержек в системе и структуре государственной власти, но и проблем профессиональной этики, служебного поведения, специфики личностных качеств чиновников. Вся служебная деятельность гражданского служащего, в ходе исполнения которой может возникнуть конфликт интересов, вызванный его личной заинтересованностью, ограничена его должностными обязанностями, осуществляемыми в рамках компетенции того государственного органа, в котором оно осуществляет свою служебную деятельность. Это означает, что при конфликте интересов противоречия возникают не только между личными интересами гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, но и противоречия между ним и интересами службы. Острота проблем, связанных с конфликтами интересов на государственной службе, признана на официальном уровне. Одной из основных целей Федеральной программы «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)», является «внедрение механизмов выявления и разрешения конфликта интересов на государственной

службе» [1]. По свидетельству международных экспертов, по эффективности государственного управления и качеству публичных услуг Российская Федерация находится на одном уровне со странами, намного уступающими ей в экономическом развитии. Согласно индексу GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), который определяется 1 раз в 2 года Всемирным Банком и оценивает эффективность государственного управления в 209 странах, Россия по таким показателям, как эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство закона и контроль над коррупцией, находится в нижней части рейтинга. По данным международных исследований, по индексу непрозрачности (Opakity Index) Россия среди 48 крупнейших держав занимает 35-е место [52]. По индексу восприятия коррупции, рассчитываемому международной организацией «Транспэренси Интернэшнл», в 2004 году Россия среди 146 стран занимала 90-е место, в 2006 г. уже 127 место с индексом 2,7. В 2014 году Россия получила 27 баллов (на один балл меньше, чем в 2013 году) и заняла 136 место, поделив его с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном*.

Конфликтация интересов на государственной службе, связанная с пониманием чиновниками своего служебного долга, усиливает отчуждение во взаимоотношениях исполнительной власти и общества, сдерживает реформирование государственной службы. Сущность данного вида конфликта заключается в несоответствии интересов чиновников интересам населения, ради блага которого они собственно, и существуют.

В разные исторические этапы развития общества и государства в среде госслужащих подразумевалось служение не народу, а Отечеству, монарху, государству. В этой связи возможности урегулирования конфликтов интересов на государственной службе ограниченны в силу исторических традиций, сложившихся стереотипов поведения госслужащих, обесценивания важных норм профессиональной этики и личностных качеств чиновников. Известно, что проблема причин девиантного поведения в конечном итоге сводится к проблеме соотношения личности и социальной среды. При этом особенно значимым является правовое воздействие на индивида и общество [15].

Это обусловило появление устойчивого конфликта интересов, который подкрепляется во многом тем, что чиновники видят эффективность своей службы в исполнении канцелярских и бюрократических процедур, в основном не связанных с реализацией государственных интересов и тем более с оказанием государственных услуг гражданам [45]. Получается, что с одной стороны декларируется социальная значимость государственной службы, а с другой стороны – налицо некачественность предоставляемых услуг, неразвитость властных отношений и, как следствие наличие конфликтов интересов, связанного с пониманием своего служебного долга. Поэтому в большинстве случаев население чувствует себя беспомощным перед государственным аппаратом и административным давлением, у него нет возможности (а в ряде случаев и желания) влиять на действия органов государственной власти. Наличие подобного конфликта провоцирует сомнения в легитимности исполнительной власти (сомнения населения в принятии власти, признании ее права управлять социальными процессами), обусловливает негативное отношение населения к чиновникам, обеспечивая низкий уровень авторитета органов власти.

Урегулирование данного вида конфликта становится задачей первостепенной важности на фоне оформления независимой от общественного контроля бюрократической корпорации, с ее особой системой ценностей и норм профессиональной этики [5, стр. 133].

Сегодня ситуация меняется. Современный чиновник должен координировать и устанавливать взаимодействие во внутренней и внешней среде. Суть современных органов исполнительной власти заключается в обеспечении, формировании, поддержании и развитии отношений, важных для населения. Эта функция обусловлена социальным характером государства и предназначением государственной службы как социального института.

Деконфликтация интересов на государственной службе – один из факторов противодействия коррупции. Противодействие коррупционным проявлениям не может сводиться только к привлечению к ответственности лиц, виновных в коррупционных преступлениях и к кратковременным кампаниям по решению частных вопросов, она должна включать хорошо продуманную систему разноплановых усилий и осуществляемых множеством субъектов. В

связи с этим в деле превентивного противодействия коррупции, важное значение имеет реализация Концепции административной реформы в РФ, наведение надлежащего порядка в деятельности государственных муниципальных и иных учреждений, стимулирование антикоррупционной активности широких слоев общественности, устранению избыточного административного давления на граждан и организации.

В деле формирования концептуальных основ наиболее эффективное противодействие этому явлению (конфликт интересов) может быть обеспечено на пути возможностей воздействия именно на условия и причины детерминации этого явления, то есть на систему общественных отношений. Некоторые авторы предлагают внедрение медиативных технологий в программу подготовки специалистов различных профессиональных групп [44, стр. 189]. В этих же целях деконфликтации интересов может оказать система мер общесоциального предупреждения. В ее состав можно включить, меры институциональной политики, предусматривающей создание криминологически здоровой системы общественных отношений в различных сферах, в том числе и в сфере государственного и политического управления и власти. В частности, речь может идти о применении следующих мер:

- антикорупционная подготовка кадров для системы государственной и муниципальной службы, введение в вузах, на курсах повышения квалификации руководящих кадров специальных курсов по антикоррупционной политике для подготовки юристов, политологов, социологов, экономистов (на юридическом факультете ННГУ им.Н.И.Лобачевского этот курс введен);
- укомплектование опытными кадрами аппараты государственных органов (с надлежащей проффесиональной подготовкой, необходимыми деловыми и моральными качествами, правильным пониманием служебного долга);
- разграничение функций (избавить от избыточных) государственных чиновников и которые могут осуществляться другими субъектами (общественными организациями, самоокупаемыми, саморегулируемыми);
- формирование действенного правового механизма по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Институциональная политика в общесоциальном предупреждении не может проводиться без учета иных антикоррупционных мер (политических, экономических, правовых).

Примечания

* Как и прежде, страны мира ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, где ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – самый низкий. Первые три места в общем рейтинге заняли Дания, Новая Зеландия и Финляндия (92, 91 и 89 баллов соответственно) [51].

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. N 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2009. – № 11. – Ст. 1277.
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст.3215.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
4. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
5. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон и практика: Монография, – М.: РАГС, 2003.
6. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского

государственного университета. – 2014. – № 4-2(33). – С. 86-89.
7. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
8. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
9. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
10. Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. – 357 с.
11. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 9-10 сентября 1999 г.). – М.: ЮристЪ, 2001.
12. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: «Юриспруденция», 2012.
13. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: Учебник: В 2 т. Т. II. – М., 2011.
14. Меркурьев А.В. Изменения личностных и профессиональных качеств государственного служащего в ходе его профессиональной деятельности // Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. Том 2 / Под общей редакцией проф. З.Х Саралиевой.- Н.Новгород: НИСОЦ, 2006.
15. Назарова Н.Л., Романовская В.Б. Причины административных правонарушений: применительно к проблемам мелких хищений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1.- С. 153.
16. Официальный сайт МВД РФ: URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 02.02.2015);
17. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М., КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010.
18. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, В.П. Кашепов и др.; Отв. ред. О.И. Тиунов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012.
19. Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 310 с.
20. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
21. Романовская В.Б. Новое исследование по теории правового сознания личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 5-6. – С. 320-321.
22. Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 47-50.
23. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Фомичев М.Н. Понятие традиции в общественных науках // Юридическая мысль. – 2014. – № 6(86). – С. 50-53.
24. Романовская Л.Р. Актуальные проблемы развития концепции гражданского общества в России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 99-102.
25. Романовская Л.Р. Правовые средства защиты действий и достоинства личности: история и современность // Юридический мир. – 2009. – № 7. – С. 57-62.
26. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
27. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
28. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
29. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
30. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
31. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
32. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институционализации // Правовые средства

противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
33. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
34. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
35. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
36. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
37. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
38. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
39. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
40. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
41. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
42. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
43. Сатаров Г. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. – М: ИНДЕМ,2002.
44. Соловьева С.В. Медиативный подход к договороспособности российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2013. – № 3.Часть 2.
45. Социология власти. – 2003. – № 1. – С.22.
46. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
47. Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.- С. 27.
48. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 160 с.
49. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.
50. Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г.- М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 150-155.
51. http//www.trasparency.ru .
52. newsruss.ru/doc/|index/php/|grics

ЛЫСОВ Павел Константинович,
юрисконсульт правового отделения Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: panya-sil@mail.ru

АНАШКИНА Юлия Николаевна,
директор по юридическим вопросам Калужского турбинного завода (г. Калуга, Россия)
E-mail: uana_2000@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И РАЗРАБОТАННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Рассматриваются конституционно-правовые основы судебной власти и судебной деятельности в Российской Федерации. Подчеркивается правовая природа судебной власти в рамках теории разделения властей. На базе проведенного исследования с использованием материалов правоприменительной практики формулируются конкретные предложения по совершенствованию конституционно-правовых основ судебной власти и системы в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *судебная власть; судопроизводство; Конституция; конституционные основы; система разделения властей.*

LYSOV P.K.
ANASHKINA Yu.N.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE JUDICIARY IN MODERN RUSSIA: RELEVANCE AND ELABORATION OF THE PROBLEM

The summary. *We consider the constitutional and legal framework of the judiciary and judicial activities in the Russian Federation. It emphasizes the legal nature of the judiciary in terms of the theory of separation of powers.On the basis of the study using materials law enforcement formulate specific proposals to improve the constitutional and legal framework and judiciary system in the Russian Federation.*

Key words: *the judiciary; legal proceedings; the Constitution; the constitutional framework; a system of separation of powers.*

Эффективная реализация на практике конституционных норм, определяющих статус судебной власти и системы, регулирующих процесс судопроизводства – неотъемлемое требование правового государства с реальными принципами народовластия и примата прав и свобод человека и гражданина [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46]. В теории конституционализма в отношении

феномена суда и его функционирования используются различные термины. Доминирует позиция, согласно которой суд как орган государственной власти осуществляет судебную власть посредством установленных российской Конституцией видов судопроизводства. Вместе с тем, необходимо дать научную оценку тех явлений, которые «сопровождают» процесс отправления правосудия и, не всегда являясь властными деяниями, во многом, определяют сущность и, главное, эффективность судебной власти в Российской Федерации. Соответственно, своевременной является научная задача анализа судебной власти и судебной деятельности в их совокупности, уяснения и характеристики их конституционно-правовых основ. Если в теории конституционализма так называемый расширительный подход к предмету конституционного права вызывает научные споры, то при определении «границ» конституционно-правового регулирования изучаемых в монографическом исследовании феноменов эта проблема приобретает важное прикладное значение в силу того обстоятельства, что суд является основным правоприменителем, важнейшим и, зачастую, единственным органом разрешения социальных и иных конфликтов. Конституция Российской Федерации и Федеральные конституционные законы, безусловно, составляют основы соответствующего правового регулирования; значительно больше вопросов у конституционалистов вызывает применение норм федеральных законов, в отношении которых имеет место правовая позиция Конституционного Суда России, фактически существенно изменяющая их смысл, подзаконных актов, актов органов судебного департамента, квалификационных коллегий судей и т.п.

В российском конституционализме можно констатировать положительное явление, связанное с реальным уважением к нормам Конституции Российской Федерации, стремлением в полном объеме реализовать их во всех сферах общественных отношений, в том числе при отправлении правосудия. Тем не менее, текст Основного закона не может не отвечать государственно-правовым реалиям: предполагаемые изменения в 2014 г. конституционных основ судебной системы, связанное с формированием единого высшего судебного органа по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, ставит перед наукой конституционного права новые вопросы, связанные с необходимостью координировать работу, по прежнему, двух различных звеньев судебной системы – судов общей юрисдикции и арбитражных судов; причем, последние осуществляют непредусмотренный российской Конституцией вид судопроизводства (арбитражный).

Изложенное подтверждает актуальность дальнейшей разработки тех положений теории конституционализма, которые позволят повысить эффективность судебной власти и судебной деятельности на современном этапе развития российского государства, совершенствовать и, главное, неукоснительно исполнять на практике нормы, образующие конституционно-правовые основы статуса и функционирования изучаемых нами феноменов.

Правовая природа судебной власти в рамках теории разделения властей в отечественной юриспруденции исследовалась такими российскими учеными XIX – начала XX вв., как Е.В. Васьковский, В.М. Гессен, Н.П. Загоскин, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, И.А. Покровский, И.Я. Фойницкий, Г.Ф. Шершеневич и другими авторами.

Вопросы, связанные с конституционно-правовым положением судебных органов, их местом и ролью в системе органов государственной власти в литературе советского периода рассматривались в трудах С.С. Алексеева, М.И. Байтина, Г.В. Барабашева, Р.Ф. Васильева, Л.Д. Воеводина, Б.В. Виленского, В.Е.Гулиева, А.И.Денисова, Т.Н. Добровольской, С.А. Егорова, Д.Л. Златопольского, А.М. Ларина, В.Т. Кабышева, В.П. Кашепова, В.Ф. Котока, А.И. Лепешкина, Ф.М. Рудинского, В.М. Савицкого, В.М. Семенова, Ю.И. Стецовского, М.С. Строговича, К.Ф. Шеремета, Н.В. Черноголовкина, Л.С. Явича и других ученых.

В современной отечественной юридической науке проблемы конституционных основ судебной власти, отдельные аспекты судебной деятельности исследовались в работах Т.Е. Абовой, Е.Б. Абросимовой, С.А. Авакьяна, В.И. Анишиной, А.А. Безуглова, М.В. Баглая, Н.В. Богдановой, В.П. Божьева, А.Д. Бойкова, Н.С. Бондаря, А.Б. Венгерова, Л.Д. Воеводина, Б.Н. Габричидзе, К.Ф. Гуценко, И.Н. Глебова, Ю.А. Дмитриева, А.В. Ендольцевой,

В.М. Жуйкова, В.Д. Зорькина, А.А. Капикранян, М.И. Клеандрова, А.С. Кобликова, Е.И. Козловой, Е.М. Ковешникова, А.Е. Козлова, В.Н. Кудрявцева, О.Е. Кутафина, Л.В. Лазарева, И.А. Ледяха, В.В. Лазарева, В.М. Лебедева, А.Г. Мамонтова, М.Н. Марченко, И.Б. Михайловской, С.Г. Павликова, А.С. Пиголкина, И.Л. Петрухина, А.С. Прудникова, Л.Н. Пугиной, В.А. Ржевского, Ф.М. Рудинского, Б.Н. Страшуна, Б.Н. Топорнина, В.Е. Чиркина, Н.М. Чепурновой, Г.Г. Черемных, В.И. Червонюка, Т.Я. Хабриевой, Е.Н. Хазова, Н.Ю. Хаманевой, О.В. Химичевой, и других мыслителей.

Изучению вопросов, связанных с организацией и деятельностью судебной власти в федеративном государстве посвящены научные труды Е.Б. Абросимовой, С.В. Боботова, Е.А. Борисовой, В.М. Власова, Н.В. Витрука, В.В. Демидова, В.В. Дорошкова, Б.Д. Завидова, А.Ф. Ефимова, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, А.Ф. Извариной, В.М. Лебедева, В.А. Кряжкова, М.А. Митюкова, Т.Г. Морщаковой, Ж.И. Овсепян, И.К.Пискарева, В.И. Полуднякова, А.Н. Разинкиной, А.В. Смирнова, И.В. Решетниковой, И.Г. Шарковой, Р.В. Шатовкиной, О.Н. Шеменевой, В.А. Устюжанинова, В.В. Яркова и других ученых.

Проблемы, связанные с конституционными основами осуществления судебной власти, в последние годы получили дальнейшее освещение: в современной литературе судебная власть рассматривается в качестве необходимой составляющей конституционного закрепления системы разделения властей, обосновываются ее важнейшие признаки и функции в условиях правового государства. Вместе с тем, существует потребность в дальнейшем научном осмыслении конституционных механизмов судебной власти и судебной деятельности, выявлением тенденций и перспектив их развития в современной России.

Важный комплексный анализ конституционных основ судебной власти и судебной деятельности в Российской Федерации, выявление тенденций и перспектив их дальнейшего развития и выработка на этой основе предложений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

В соответствии с объектом, предметом и целью исследования необходимо разрешить задачи:

- определить понятие, правовую сущность и функциональное содержание судебной власти и судебной деятельности;
- уточнить место и роль судебной власти и судебной деятельности в системе государственной (судебной) защиты и в целом, в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина;
- выявить специфику реализации принципа федеративной организации судебной власти в Российской Федерации, изучив особенности развития института мировых судей в Российской Федерации и охарактеризовав основные направления и тенденция развития конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации;
- выявить перспективы совершенствования конституционно-правового статуса судьи, прежде всего, в контексте крепления гарантий его независимости и минимизации совершения судебных ошибок;
- определить основные направления совершенствования практической реализации механизмов конституционного – правового регулирования судебной власти и судебной деятельности в Российской Федерации на современном этапе развития государства.

Объектом исследования в этом случаи выступает судебная власть в Российской Федерации в целом.

Предметом исследования являются особенности организации и конституционно-правового обеспечения функционирования судебной власти в Российской Федерации.

Нормативной основой исследования выступает:

- Конституция Российской Федерации 1993 г. [1] и международные документы, в числе которых Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и др.;
- федеральные конституционные и федеральные законы и, прежде всего, Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [6], Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [5] и т.д. [2; 3; 4];
- правовые позиции высших судебных

инстанций и, прежде всего, Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда России от 1 февраля 1996 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области» и др.);

В качестве эмпирической базы исследования могут служить материалы правоприменительной практики и, в том числе результаты изучения автором более 50 уголовных, гражданских и административных дел; официальные статистические данные обнародованные органами государственной власти и международными организациями; практика зарубежного судебного законодательства.

Теоретическую основу исследования составляют научные положения, выводы, оценки, содержащиеся в трудах отечественных ученых в области конституционного права, российского федерализма и судебного строительства: С.А. Авакьяна, М.В. Баглая, И.Н. Барцица, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, В.В. Еремяна, В.Д. Зорькина, А.Д. Керимова, А.Е. Козловой, О.Е. Кутафина, Л.В. Лазарева, В.О. Лучина, В.Е. Сафонова, Б.А. Страшуна, В.Е. Чиркина, Т.Я. Хабриевой, Б.Б. Эбзеева и других ученых.

Методологической основой исследования может стать диалектический метод познания и основанные на нем общенаучные методы: анализ, синтез, аналогия, индукция и другие, а также специальные научные методы: исторический, конкретно-социологический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой и другие методы исследования.

Научная новизна предполагаемого исследования связана с авторским теоретическим подходом как к содержанию и разграничению понятий «судебная власть» и «судебная деятельность», так и к научной характеристике конституционно – правовых основ судебной власти и деятельности, перспективам трансформации данных феноменов в Российской Федерации. Представлена и аргументирована позиция, согласно которой судебная власть лишь вкупе с судебной деятельностью обеспечивает основную конституционную миссию – «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека» (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Внесен определенный вклад в разрешение актуальной для теории конституционализма проблемы развития института конституционного судопроизводства в субъектах Российской Федерации на основе обоснования вывода о том, что новый импульс для развития этого института может стать создание конституционных судов в тех субъектах России, где их еще по разным причинам нет.

Одним из первых в юридической литературе автор обосновывает суждение о том, что изменения предполагаемые в 2014 г. российской Конституции в части формирования «объединенной» судебной инстанции – Верховного Суда России – не разрешают проблемы обеспечения единства судебной практики в силу наличия системы арбитражных судов, функционирующих по особым правилам арбитражного судопроизводства. В силу прямого указания ч. 2 ст. 118 Конституции России, не выделяющей арбитражное судопроизводство в качестве самостоятельного, необходимо поэтапное унифицирование процессуальных правил судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Научная новизна определяется также комплексным характером исследования, содержащего конкретные предложения по совершенствованию конституционно-правовых основ судебной власти и системы в Российской Федерации.

Автором предлагаются следующие основные положения и выводы исследования, обладающие элементами научной новизны:

1. Вывод о том, что неуклонное соблюдение Конституции Российской Федерации и следование ее нормам, необходимость превалирования прав и свобод человека над любыми иными ценностями обусловливают целесообразность использования в науке конституционного права России термина «судебная деятельность». Аргументировать это суждение позволяет структурирование конституционных норм о судебной власти, их «объединение» с нормами, устанавливающими статус иных структур (глава 7 российской Конституции), использование в Основном законе различных понятий – «судебная власть», «судебная система», «правосудие», «разбирательство дел» и т.д. Кроме того, конечный результат и эффективность судебной власти не всегда зависит от «властных» деяний суда (примирение сторон, добровольное исполнение судебных актов и т.п.). Доказывается, что судебная власть вкупе с судебной деятельностью обеспечивают

основную конституционную миссию признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека, ибо, к примеру, судебный акт может остаться не исполненным, а властный механизм в силу судебной ошибки или по иным причинам может не способствовать реализации основных принципов конституционализма.

2. Изменения предполагаемые в 2014 г. российской Конституции в части формирования новой «объединенной» судебной инстанции – Верховного Суда России – не разрешает проблемы обеспечения единства судебной практики в силу наличия системы арбитражных судов, функционирующих по особым правилам арбитражного судопроизводства. Доказывается, что в силу прямого указания ч. 2 ст. 118 Конституции России, не выделяющей арбитражное судопроизводство в качестве самостоятельного необходимо поэтапное унифицирование процессуальных правил судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

3. Установлено, что негативные явления в части развития института конституционного судопроизводства в субъектах Российской Федерации во многом обусловлены нежеланием российских регионов создавать конституционные (уставные) суды. Обосновывается вывод о том, что новым импульсом для развития института регионального судебного конституционного контроля может стать создание конституционных уставных судов в субъектах России, где они еще не созданы.

4. Вывод о том, что совершенствование конституционно-правовых основ судебной власти в Российской Федерации предполагает, в первую очередь, повышение реальной самостоятельности судьи, минимизацию воздействия на него «административного ресурса» в лице председателей судов, в том числе вышестоящего звена. Для аргументации этого суждения достаточно обратиться к судебной статистике, подтверждающей практически полное отсутствие оправдательных приговоров и максимальный процент удовлетворения публичных требований при спорах «администрации» с частными лицами. Статья 120 российской Конституции, согласно которой «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» должна найти свое реальное воплощение, в том числе путем обнародования указанной статистики в соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и ее анализа органами судейского сообщества.

5. Конституционно-правовые основы регулирования судебной власти и деятельности не могут игнорировать институт судебной ошибки. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» целесообразно дополнить ст. 17 следующего содержания: «Судья должен избегать в своей деятельности совершения судебных ошибок, которые подтверждаются не только отменой его акта вышестоящей судебной инстанцией, но и фактической «отменой» в силу формирования правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, либо наднациональной судебной инстанции (Европейского Суда по правам человека»).

6. Установлено, что предусмотренную возможность избрания мировых судей, изложенную в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и в Федеральном законе от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» – следует отменить, что связано с невозможностью применения выборного порядка и принципов избирательного права к формированию корпуса мировых судей, обусловленную как спецификой судебной власти, так и наличием комплекса трудноразрешимых проблем, возникающих при выборах мировых судей.

Теоретическую значимость исследования определяют содержащиеся в нем выводы и предложения, а также тот фактический материал, на который они опираются. Сформулированные в работе выводы развивают и дополняют теоретические основы конституционного права в части развития теории разделения властей, конституционных основ судебной власти и судебной деятельности, тенденций и перспектив их развития в Российской Федерации.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на укрепление конституционных основ судебной власти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Федеральный закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № СФ-6 о «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – № 6249. – 4 декабря .
3. Федеральный закон Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 02.07.2013 г. № 185-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.
4. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. -1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
6. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
7. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012 г. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
8. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. – 2013. – № 11. – С. 5-7.
9. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
10. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека конституционным судом российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
11. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. Учебное пособие. – М.: Городец, 2004. – 352 с.
12. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в Контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6(12).
13. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов на Дону, 1998. – 328 с.
14. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Ростов на Дону, 1997.
15. Булатов Р.Б. Правовая основа государственно-организованного общества // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 38-43.
16. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008.
17. Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // Законодательство и экономика. – 2003. – № 8.
18. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М., 1997.
19. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: ФОРУМ, 2011. – 176 с.
20. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 109-129.
21. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
22. Кондрат И.Н. права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012 – 320 с.
23. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. науч-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 296 с.
24. Лукащева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М., 2013.
25. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16.
26. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1.
27. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества).
28. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.

29. Морозова Л.А. Права человека в условиях становления гражданского общества (международная научно-практическая конференция) // Государство и право. – 1997. – № 10.
30. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формулирующегося в условиях политической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 21-28.
31. Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
32. Романовская В.Б. Постановление Европейского суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
33. Российская Конституция: первые 20 лет Цикл лекции в Государственной думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., Издание Государственной Думы, 2013. – 216 с.
34. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – №2. – С. 118-122.
35. Сальников В.П. Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
36. Сальников В.П. Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – №4(8). – С. 19-22.
37. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
38. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – с. 153-156.
39. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмурского государственного ун-та. – 2000. – № 2.-С.17.
40. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
41. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2003. – №1 (17). – С.103-104.
42. Шахрай С.М. К 20-летию Конституции России: из истории российского конституционализма и государственного строительства // Вопросы правоведения. – 2013. – №2 (18). – С.13-37.
43. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitution incognita. – М.: Красная Звезда, 2013. – 320 с.
44. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как институт правовых и социально-политических преобразований // Отделение политических наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
45. Шевцов В.С. Права человека и государство в российской Федерации. – М., 2002.
46. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

НЕСТЕРОВА Эвелина Эдуардовна,
старший юрисконсульт ООО «ДЛЛ Лизинг»,
Вице-президент и руководитель Юридического комитета Объединенной Лизинговой Ассоциации,
кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: eveli@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ: НОВЫЙ «ТРЕНД» ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Рассматривается понятие добросовестности, её критерии в российском и зарубежном праве, анализируются новеллы Гражданского кодекса РФ, использующие понятие добросовестности, а также новеллы в отношении последствий недобросовестного поведения участников правоотношений. Автор рассматривает, какие положения о добросовестном поведении сторон, выработанные судебной практикой, нашли своё отражении в новых нормах. Исследуются возможные причины введения принципа добросовестности в новые положения гражданского законодательства.*

Ключевые слова: *принципы гражданского права; добросовестность; критерии добросовестности; толкование права; принципы осуществления гражданских прав; ответственность за недобросовестное поведение; судебная практика; свобода договора; астрент.*

NESTEROVA E.E.

GOOD FAITH: NEW “TREND” OF THE LEGAL REGULATION

The summary. *The article deals with the definition of the good faith and its criteria in Russian and foreign law, with the analysis of the new provisions of Civil Code of Russian Federation where the good faith is used, as well as the new provisions related to the consequences of the unfair behavior of the parties; the author outlines which statements on the goof faith of the parties made by the court practice were reflected in the new law; the possible reasons for implementation of the principle of the good faith into the Civil Code are also analyzed.*

Key words: *civil law principles; good faith; criteria of the good faith; interpretation of law; the principles of civil rights execution; liability for unfair behavior; court practice; freedom of contract; astreinte.*

1. История вопроса.

До недавнего времени цивилисты использовали термин «добросовестность» главным образом применительно к институту добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ). Например, Емельянов В.А. в своей монографии указывает, что понятие «добросовестность» используется в ГК применительно к приобретателю (ст. 302), владельцу (ст. 234, 303), лицу, которое изготовило новую движимую вещь для себя путем переработки не принадлежащих ему материалов (ст. 220). Автор указывает, что анализ этих статей, а также ст. 157, 220, 303, 1109 ГК, в которых говорится о недобросовестности участников гражданских правоотношений, приводит к выводу о том, что лицо следует считать добросовестным в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда. Такое определение следует из содержания ст. 302 ГК, согласно которой добросовестным приобретателем является лицо, «которое не знало и не могло знать о том, что приобретает имущество у лица, не имеющего права его отчуждать» [11, стр. 84].

Однако сейчас добросовестность – это не только общий принцип, обозначенный с 1 марта 2013 года в статье 1 ГК РФ, но и принцип обязательственного права, указанный в п.3 ст. 307 ГК РФ, которая введена в действие с 1 июня 2015г.

Более того, Пленум Верховного суда РФ в своем проекте Постановления «О некоторых вопросах применения общих положений части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», принятие которого ожидается в июле 2015 года, посвятил принципу добросовестности первый же пункт этого постановления [9].

В европейском частном праве добросовестность рассматривают как регулирующий принцип, призванный ограничить свободу договора, и используемый во-первых, как инструмент толкования, во-вторых, как стандарт поведения и в третьих, как основа для защиты в случаях заблуждения. При этом подчеркивают такие составляющие принципа добросовестности как «duty of loyalty» (обязанность лояльности или воздержания от недобросовестного поведения) и «duty of cooperation» (обязанность сотрудничества или позитивная обязанность совершить действие) [12, стр. 151-197].

2. Каковы критерии добросовестности в российском праве, и можно ли дать этому принципу дефиницию?

2.1. Если мы обратимся к общей части ГК РФ, то увидим, что законодатель применительно к добросовестности установил следующее:

- «участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» (п.3 ст. 1 ГК РФ);
- «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» (п.4 ст. 1 ГК РФ).
- «не допускаются… иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» (п.1 ст. 10 ГК РФ).
- «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» (п.5 ст. 10 ГК РФ)

Как видно из указанных норм, вести себя добросовестно – это обязанность участников гражданских правоотношений, однако каких-либо определений или конкретных критериев добросовестности законодатель не приводит.

При этом важно отметить, что для законодателя добросовестность – это не только принцип осуществления гражданских прав, что следует из вышеприведенных норм. Для законодателя добросовестность – это также принцип толкования. Это следует из пункта 2 статьи 6 ГК РФ: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости».

Соответственно, если в ходе толкования суд не может подобрать необходимую норму, а также не может обратиться к аналогии закона, то руководствуясь п. 2 ст. 6 ГК РФ суд будет исходить из аналогии права и требований добросовестности (а также требований разумности и справедливости).

Исходя из сказанного, тем более важным видится необходимость того, чтобы определиться понятием добросовестности её критериями.

2.3. Юристы-ученые указывают на существование добросовестности в субъективном и объективном смысле. Добросовестность в

субъективном смысле – это незнание лица об определенных обстоятельствах. Классический пример – ст. 302 ГК РФ, которая определяет добросовестного приобретателя как того, кто не знал и не мог знать о том, что имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать. Егоров А.В. отмечает, что когда в Гражданском кодексе имеется в виду такая субъективная добросовестность, само слово «добросовестность» иногда даже не упоминается, а используется формула: «лицо не знало и не должно было знать» (например, п. 2 ст. 698, п. 1 ст. 901, ст. 903, п. 2 ст. 1019, п. 2 ст. 1022, п. 3 ст. 1044 ГК РФ). Однако добросовестность в объективном смысле – еще более сложное понятие, для которого крайне трудно сформулировать общее определение. Недаром многие специалисты-правоведы уклонялись от такого общего описания и говорили, что легче понять и оценить, добросовестно ли лицо действовало в конкретных обстоятельствах, чем сформулировать общий подход к добросовестности. Но если попытаться кратко объяснить это понятие, то добросовестность в объективном смысле – это некое требование к надлежащему поведению, которое правопорядок предъявляет участникам оборота[10].

2.5. Судебная практика, хотя и не дает определения добросовестности, тем не менее выработала некие её критерии. Вышеуказанный Проект Постановления Пленума Верховного суда РФ отмечает: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации» [9].

В приведенной цитате хотелось бы особое внимание обратить на слова «поведение, ожидаемое от любого участника». Предполагается, что добросовестность – это некий средний стандарт поведения, разумно ожидаемый от участников правоотношений.

Такое понимание добросовестности выработано, в частности, практикой Высшего арбитражного суда РФ, когда отказывая кредиторам в одностороннем изменении условий договора кредита или аренды суд ссылался на то, что новые условия не соответствовали критериям обычного поведения. Так, суд указал, что увеличение банком ставки процентов по кредиту в два раза не может расцениваться как разумное и добросовестное действие, так как в рассматриваемом деле столь резкое увеличение процента по кредиту само по себе не могло привести к защите имущественного интереса банка; новый размер процентов по кредиту существенно превышает среднюю плату по банковским кредитам, установившуюся в месте нахождения банка. Названные обстоятельства, по мнению суда свидетельствуют о наличии в действиях банка признаков злоупотребления правом [4]. Применительно к другому делу суд указал, что если договор аренды предусматривает право арендодателя в одностороннем порядке изменять ее размер, то в случаях, когда будет доказано, что в результате такого одностороннего изменения она увеличилась непропорционально изменению средних рыночных ставок, уплачиваемых за аренду аналогичного имущества в данной местности за соответствующий период, и существенно их превысила, что свидетельствует о злоупотреблении арендодателем своим правом, суд на основании пункта 2 статьи 10 ГК РФ отказывает во взыскании арендной платы в части, превышающей названные средние рыночные ставки» [3].

Ранее судебная практика выработала критерии добросовестности применительно к вещным отношениям. Можно выделить четыре таких критерия. Первый из них – соразмерность встречного предоставления по сделке. Добросовестность таким образом связана с возмездностью [5].

Второй критерий добросовестности применительно к вещным правам – это осмотрительность. Суды вменяют участникам сделки быть осмотрительными при выборе контрагента, проверять публичные реестры (ЕГРОЮЛ, ЕГРИП, реестр залогов и т.п.). Примером может служить совместное Постановление Пленумов Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ №10/22 от 29.04.2010г., пункты 36-39 [1].

Быстрота сделки также может подорвать добросовестность, особенно применительно к сделкам с недвижимостью. В частности, в одном из дел суд указал, что объекты, «находившиеся у одного и того же лица с момента их постройки в 1983 году, за несколько месяцев сменили четырех титульных собственников, два

из которых были созданы и зарегистрированы в качестве юридических лиц непосредственно под сделки о приобретении спорных объектов недвижимости. Исходя из приведенных обстоятельств, а также момента и условий совершения упомянутых сделок, участвовавшие в них лица не могут считаться добросовестными, поскольку не могли не знать о судебных тяжбах в отношении спорных объектов недвижимости и о том, что они или им реализовывали имущество, заведомо не принадлежавшее его отчуждателям» [6].

Аффилированность в некоторых случаях также подрывает добросовестность, и суд отказывает в связи с этим в защите прав соответствующей стороне [7].

Очевидно, эти критерии будут использоваться судами и в дальнейшем, в том числе при толковании обязательственных отношений.

3. Добросовестность в новеллах Гражданского кодекса РФ 2015 г.

3.1. «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию» (п.3 ст. 307 ГК РФ). Эта норма закрепляет принцип добросовестности применительно к обязательственным правоотношениям, к исполнению обязательств, тем самым развивая и конкретизируя общий принцип добросовестности, установленный в п.3 ст. 1 ГК РФ.

Таким образом, добросовестное поведение должно иметь место на всех стадиях обязательства, причем как до его возникновения, так и после. Пример «пост-обязательственной» добросовестности приводит сам законодатель, говоря о предоставлении информации. Соответственно, можно на основании такой нормы теперь обращаться с иском в суд и по окончании сделки, понуждая бывшего контрагента передать какие-либо документы.

В этой норме законодатель также дает еще один пример добросовестного поведения: добросовестность заключается, в частности, в оказании сторонами взаимного необходимого содействия для достижения цели обязательства.

3.2. Помимо установления общего принципа добросовестности в отношении обязательств, Гражданский кодекс теперь содержит немало норм и институтов, в отношении которых упоминается принцип добросовестности, и тем самым этот принцип находит свою конкретизацию в следующих случаях:

- преддоговорная ответственность, в том числе за недобросовестное ведение или прерывание переговоров (ст. 434.1);
- изменение или расторжение договора, которое должно основываться на принципе добросовестности (ст. 450, 450.1)
- внесудебный отказ от исполнения договора при неполучении встречного предоставления (п.2 ст. 328);
- отказ от прав; можно провести аналогию с английским «waiver» (пункты 6, 7 ст. 450.1)
- установление в соглашении сторон заверений об обстоятельствах; это то, что в договорах с иностранным элементом обычно называют «Representations & Warranties» (ст. 431.2);
- при оспаривании сделок (ст. 167,173, 173.1, 174, 174.1)
- эстоппель (п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 431.1, п. 5 ст. 450.1).
- астрент – судебный штраф за неисполнение судебного решения об исполнении обязательства в натуре (ст. 308.3)
- ответственность за неравноценное исполнение, которое приравнивается к неосновательному обогащению (новый абзац п.4 ст. 453 «Последствия изменения или расторжения договора»)

Часть этих новаций является имплементацией наработок Высшего арбитражного суда РФ. Например, астрент (ст. 308.1) явно находит много общего с позицией, выраженной в одном из Постановлений Пленума Высшего арбитражного суда: «В целях побуждения к своевременному исполнению судебного акта по неденежному требованию и компенсации за ожидание соответствующего исполнения суд по требованию истца, заявляемому в исковом заявлении либо в ходатайстве по ходу рассмотрения дела, в резолютивной части решения, обязывающего ответчика совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенного действия, вправе присудить денежные средства на случай неисполнения судебного акта. Размер присуждаемой суммы определяется судом на основе принципов справедливости, соразмерности и

недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ). При этом в результате такого присуждения исполнение судебного акта должно для ответчика оказаться более выгодным, чем его неисполнение. Определяя размер присуждения денежных средств на случай неисполнения судебного акта, суд учитывает степень затруднительности исполнения судебного акта, возможности ответчика по добровольному исполнению судебного акта, его имущественное положение, в частности размер его финансового оборота, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства» [2].

Кроме того, действующей судебной системой этот судебный штраф (астрент) уже начал применяться, хотя его размеры значительно отличаются по аналогичным требованиям и делам у разных судей. Одним из примеров применения этого института может служить дело №А45-10906/2014 Борцова К.Б. к ООО «Премиум» об обязании предоставить информацию и копии документов. Это Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 25.08.2014г. было поддержано апелляционной и кассационной инстанциями [8].

4. Последствия недобросовестного поведения могут выражаться в обязанности возместить убытки контрагенту, в отказе суда от защиты права недобросовестной стороны, а также могут быть приняты «иные меры» (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Например, суд может отказать недобросовестному ответчику в применении срока давности.

Верховный суд РФ в вышеприведенном проекте Постановления Пленума также дает разъяснения, что же может быть такими «иными мерами». Например, суд может признать обстоятельства, наступлению или не наступлению которых содействовала недобросовестная сторона соответственно наступившими или не наступившими; суд также может указать, что заявление недобросовестной стороны о недействительности сделки не имеет правового значения [9].

В качестве краткого вывода можно отметить, что мнение как отечественных, так и зарубежных юристов [10, 12, стр. 173-178] о том, что добросовестность – это принцип, определение которому по большому счету дать невозможно, но можно проявить его лишь на примерах, находит своё отражение и в формулировках Гражданского кодекса РФ, где общий принцип добросовестности, установленный в ст. 1, находит конкретизацию в дальнейшем, в том числе в отдельных институтах обязательственного права.

В связи с этим у юристов появились опасения в отношении неопределенности такого принципа, который даст слишком большую свободу усмотрения судам [10, 12, стр. 199-200]. И эти опасения небеспочвенны, особенно в связи с проектом Постановления Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения общих положений части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где указано на возможность применения судом принципа добросовестности по собственной инициативе: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ)».

Однако, с другой стороны, включение в законодательство принципа добросовестности может помочь избежать чрезмерно позитивистского подхода в праве, когда по мнению участников правоотношений, а зачастую и самих судей, если что-либо не указано в законе, то этого нет и в праве. Соответственно, установление принципа добросовестности на законодательном уровне может нести и некую образовательную функцию для участников правоотношений.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 10 и Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 22 от 29.04.2010г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров,

связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. – 2010. № 6.
2. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» № 22 от 14.04.2014г. Пункт 3 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.
3. Постановление Пленума ВАС № 73 от 17.11.2011 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды». Пункт 22 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 1.
4. Информационное Письмо Президиума ВАС РФ № 147 от 13.09.2011 ««Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре». Пункт 3 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 11.
5. Постановление Президиума ВАС РФ № 8455/10 от 09.12.2010 г. // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.
6. Постановление Президиума ВАС РФ № 15278/10 от 05.04.2011 г. // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 7.
7. Постановление Президиума ВАС РФ № 3990/11 от 27.01.2011 г. // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 11.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.04.2015 г. по делу №-10906/2014 // СПС «Консультант Плюс».
9. Проект Постановления Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения общих положений части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 1 // http://zakon.ru/discussion/2015/6/9/dlya_pervoj_chasti_gk_podgotovili_razyasneniya__vs_obsudil_proekt_postanovleniya_plenuma
10. Егоров А.В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике. Интервью // Юрист компании. – 2013. – № 7.
11. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
12. European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules. – Munich: Selier / European Law Publishers, 2008. – 614 p.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

ЕРОФЕЕВ Константин Борисович,
аспирант кафедры теории государства и права Юридического института (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: antanta1999@mail.ru

Специальность 12.00.01. – Теория и история прав и государства; история учений о праве и государстве

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ»: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье анализируется действующее законодательство Российской Федерации о свободе совести и о религиозных объединениях, в частности, Конституция России, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», другие нормативно-правовые акты Исследуются изменения в законодательстве о свободе совести, различные точки зрения на пределы свободы совести. Отмечается, что развитие федерального законодательства за последние 25 лет уходит от либеральных принципов к политике ограничения правомочий религиозных меньшинств, это особенно касается судебной и правоприменительной практики, а также ведомственных нормативно-правовых актов.*

Автор приходит к выводу о противоречии конституционно-правовых норм и норм федерального законодательства о свободе совести.

Ключевые слова: *конституция; конституционно-правовые нормы; федеральный закон; права и свободы гражданина; свобода совести; свобода вероисповедания; религиозная свобода.*

YEROFEYEV K.B.

FEDERAL LAW «ON FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS»: SOME LESSONS LAW ENFORCEMENT

The summary. *The article analyzes the legislation of the Russian Federation on freedom of conscience and religious associations, in particular, the Constitution of the Russian Federation, Federal law "On freedom of conscience and on religious associations", other normative-legal acts. Examines the changes in the legislation on freedom of conscience, different points of view on the limits of freedom of conscience. It is noted that the development of Federal legislation in the last 25 years away from liberal principles to the policy limits of the powers of religious minorities, especially with regard to judicial and law enforcement practices, and departmental regulations.*

The author comes to the conclusion that the contradiction between the constitutional-legal norms and norms of the Federal legislation on freedom of conscience.

Key words: *Constitution; constitutional law; Federal law; rights and freedoms; freedom of conscience; freedom of religion; religious freedom.*

Современному российскому законодательству о свободе совести восемнадцать лет: Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2] (далее – Закон) вступил в силу 26 сентября 1997 г.

Вышеуказанный Закон явился результатом компромисса политических и общественных структур, имевших подчас противоположное мнение о роли церкви в обществе и о церковно-государственных взаимоотношениях – либеральных и консервативных, клерикальных и секулярных. Несмотря на многие положительные стороны (были определены четкие правила регистрации религиозных объединений, механизмы контроля и надзора за их деятельностью, внесена ясность в критерии членства в религиозных объединениях, раскрыты виды деятельности и др.), Закон оставил не решенным российским законодательством ряд вопросов [7; 17; 28].

Во-первых, не продумана философская концепция места и роли различных религиозных организаций в российском обществе и государстве. В то время как западный мир идет по пути постепенной либерализации религиозного законодательства ко все более полной реализации принципов светского государства и, как следствие, практически полному торжеству светского гуманизма, российский законодатель идет непременным «третьим путем»: от в значительной мере атеистического советского общества ко всплеску интереса к религиозности (в том числе и нетрадиционной) и утверждению ультралиберального Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [5], не учитывавшего традиционных форм религиозной жизни в стране. Наступивший в середине 90-х период укрепления основных религиозных конфессий в России (православие, ислам, буддизм и др.) и осознание ими возможности обрести место в общественной жизни, соответствующее количеству их последователей, привело к принятию более консервативного законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях (в частности, упомянутого Закона). Период определенной экономической стабилизации и укрепления «вертикали власти» (с 2000 г. и до сего дня) привел к принятию более консервативных нормативных правовых актов о контроле за деятельностью религиозных объединений и их государственной регистрации.

Усиление контроля государства над религиозной жизнью не всегда согласуется с либеральными положениями Конституции РФ [1] (в частности, ст. ст. 13, 14, 28) о принципах светского государства, равенстве религиозных объединений и свободе совести российских граждан и находящихся на территории России иностранцев, защите граждан от лиц, возбуждающих религиозную ненависть и вражду.

Во-вторых, Закон не дает правовой оценки терминов «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «традиционные» и «нетрадиционные» религиозные организации, «новые религиозные движения» (далее – НДР) и многих других, тем самым, выводя употребление и применение этих терминов с пределов правового поля, оставляя их в религиоведческом и философском дискурсе. В настоящей статье мы используем термин «деструктивный культ», хотя и не имеющий четкой юридической дефиниции, но часто употребляемый в научной литературе и имеющий однозначную смысловую нагрузку. С одной стороны, данное положение не оставляет возможности для вольных толкований либеральных положений Конституции РФ, с другой – снижает возможность дать четкую правовую оценку негативной деятельности ряда религиозных объединений на территории России, привлечь их к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

В-третьих, у российских и международных правозащитных структур вызывает вполне законную (с точки зрения современного законодательства) критику политика государственных преференций в пользу тех или иных конфессий, де-факто признаваемых «традиционными» (православие, ислам, иудаизм – в общероссийском масштабе; буддизм и традиционные языческие культы – на региональном

уровне), и замалчивание проблем всех остальных. Признавая «особую роль» православия, ислама, буддизма и иудаизма (вполне понятную с точки зрения государственного интереса и общественного мнения) лишь в не имеющей юридической силы преамбуле к Закону, власти вызывают определенное недовольство религиозной политикой в кругах верующих ряда конфессий, также претендующих на признание их «особой роли» в силу своей многовековой истории на территории страны (католицизм, лютеранство), либо большого количества последователей (пятидесятники и неопятидесятнические культы), либо значительной материальной базы (ряд НРД).

Закон имеет ряд «подводных камней», не позволяющих однозначно толковать ряд его положений, что может приводить к недостаточной защите прав и законных интересов верующих в России.

Начнем с Преамбулы к Закону. Следует отметить, что преамбула, являясь ни чем иным как политической декларацией, не свойственна казенному стилю написания нормативных актов. В современном российском законодательстве лишь Конституция содержит такого рода политическое обращение к гражданам. Но Конституция это своего рода политический памфлет, декларирующий переход власти и общества от советского общественно-политического строя к рыночной экономике и либеральному обществу. Закон о свободе совести должен иметь сухой и даже в некоторой степени рутинный характер, соответствующий статике церковно-государственных отношений цивилизованного общества и стабильности прав верующих. Имеющее место фактическое ранжирование религий в России («особая роль» Православия, признание уважения к христианству, исламу, буддизму и иудаизму и неупоминание «прочих») ставит под сомнение принцип равенства религий и конфессий перед законом, позволяя вести полемику о «государственной» и прочих церквях, «традиционных» и «нетрадиционных» религиозных организациях. В условиях провозглашенных в Конституции принципах светского государства эти дискуссии могут носить контрпродуктивный характер. Ранжирование религий и отсутствие исчерпывающего перечня религий и конфессий позволяют чиновникам-правоприменителям на практике отдавать предпочтение некоторым из конфессий, игнорируя интересы других («справедливо» констатируя факт, что они «в списках не значатся»). На наш взгляд, такая неопределенность еще хуже установленного статуса «господствующей церкви» при гарантии реальных прав религиозных меньшинств. Ведь не секрет, что церкви, имеющие статус «государственных» существуют во многих европейских государствах (Великобритания, страны Скандинавии и др.), которые едва ли кто-то может назвать недемократическими. При этом в этих государствах существует четкая церковная политика, религиозные меньшинства имеют максимум прав и свобод. В нашей же стране религиозные меньшинства подчас игнорируются, их права нарушаются (что подтверждается, в частности, тремя выигранными в последний год процессами церквей против государства в Европейском суде по правам человека). Такого рода преамбула не столь безобидна. Воспринимая ее как руководство к действию, можно придти к выводу, например, известного режиссера К.Шахназарова, заявившего недавно: «В конце концов, Россия – страна православная, кому не нравится, тот может найти другую страну» [29, стр. 2].

Несмотря на кажущуюся детальную регламентацию процесса регистрации религиозных организаций, на практике заявители сталкиваются с серьезными проблемами. Положения ст. 12 Закона, регламентирующие отказ в государственной регистрации религиозной организации, носят расплывчатый характер, например, «устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства», на практике добавляют – «устав содержит внутренние противоречия». Такого рода формулировки могут приводить к отказу в регистрации по формальным основаниям, даже если имеют место небольшие недочеты, которые могли бы быть исправлены в «рабочем порядке» в течение месячного срока, установленного для государственной регистрации.

Закон, позволяя обжаловать отказ в государственной регистрации в суде, также разрешает подать весь пакет документов еще раз. В то же время рассмотрение вновь поданных документов не ограничивается проверкой исправления заявителем ошибок согласно предшествующему отказу. Регистрирующий орган оставляет за собой право отказать религиозной организации в государственной регистрации по новым

основаниям (в частности, и по тем, которые не вызывали вопросов при первичном отказе). Уточнение нормы Закона о недопустимости повторного отказа в государственной регистрации религиозной организации по новым основаниям при условиях идентичности поданных заявителем документов помогло бы преодолеть искусственно создаваемую волокиту, которая является благодатной почвой для коррупции. Ярким примером беспомощности положений Закона в деле защиты религиозных организаций является история с государственной регистрацией евангельской церкви «Христова Миссия». Церковь была зарегистрирована зимой 2007 года с 12-го (!) раза после двухлетней борьбы с Росрегистрацией. Все основания отказа были связаны с одной и той же редакцией устава церкви, в котором 11 раз чиновники находили «внутренние противоречия».

Искусственно создаваемые сложности при государственной регистрации фактически выводят инициативные группы верующих с правового поля, способствуя их маргинализации, способствуя росту негативной оценки государства со стороны верующих. Кроме того, государство лишает себя действенных механизмов контроля, которые могут быть применены в отношении зарегистрированного религиозного объединения. Следует отметить, что многие деструктивные религиозные организации (например, сатанисты, вахабиты, коммерческие культы и др.) не ставят государственную регистрацию в качестве религиозной организации своей основной цели. Примечательно, что Советское государство фактически вынуждало церкви регистрироваться (нередко нарушая права и законные интересы верующих), теперь же власть создает немалые трудности тем, кто хочет выполнить все требования закона и получить статус юридического лица.

Известно, что экстремизм (и религиозный экстремизм, в частности) является печальным фактом нашего времени. Не смотря на то, что Закон о свободе совести содержит ряд «экстремистских» признаков, достаточных для ликвидации деструктивной религиозной организации, следует отметить, что на практике ликвидация таких организаций чрезвычайно редка. И это несмотря на эффективность антиэкстремистских мер, что проявляется, в частности, в стремлении адвокатов подсудимых экстремистов переквалифицировать действия последних в бытовое хулиганство. Регистрирующие или правоохранительные органы сталкиваются со сложностью добычи доказательств (например, склонения к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи адептам сект, склонения к самоубийству, применения наркотических и психотропных средств, гипноза, принуждения к разрушению семьи и др.). Существующее антиэкстремистское законодательство (в частности, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3]) также несовершенно в частности дефиниций признаков экстремизма. Неэффективность борьбы с реально экстремистскими религиозными организациями (например, террористическими исламскими организациями) с лихвой компенсируется попытками давления на «нетрадиционные» церкви, особенности богослужебной практики которых (подчас странные и непривычные для обывателя, но не более) преподносятся безответственными журналистами как проявления «экстремизма». Законодателю еще предстоит проработать эффективные методы защиты деловой репутации церквей и чести и достоинства верующих, чьи права нарушаются недобросовестными СМИ, которые в поисках сенсаций злоупотребляют правом граждан на информацию и вольно или невольно раздувают жупел религиозной нетерпимости. Отметим, что нам еще не приходилось слышать о реальной ответственности СМИ за клеветнические измышления в адрес религиозных организаций.

По приглашениям религиозных организаций ежегодно в Россию прибывают сотни священнослужителей, миссионеров, преподавателей. Еще тысячи пребывают по приглашениям частных лиц либо коммерческих организаций (например, туристических фирм), ставящих задачу прежде всего в извлечении прибыли от оформления приглашений. Определенное ужесточение миграционной политики (с января 2007 года), требование обязательного уведомления миграционных служб о прибытии и убытии иностранных граждан, усиление ответственности приглашающей стороны за соответствие деятельности иностранца его визе, могут привести к ограничению деструктивной религиозной пропаганды. В то же время, получение религиозной визы сопряжено с объективными трудностями и бюрократическими препонами, что вынуждает некоторых миссионеров идти «по пути наименьшего

сопротивления». Ужесточение визового законодательства должно, на мой взгляд, компенсироваться реальной политикой преференций тем религиозным организациям (а их подавляющее большинство), которые стремятся выполнять все требования закона о миссионерской деятельности.

Закон установил контроль за соблюдением религиозными организациями своих уставов относительно целей и порядка их деятельности со стороны Федеральной Регистрационной Службы и надзор прокуратуры за соблюдением религиозными организациями действующего законодательства (ст. 25 Закона). Однако проверки религиозных организаций часто являются формальными, проверяется лишь ведение бухгалтерской и иной (решения органов управления) документации, проверка соответствия действительного места нахождения религиозной организации заявленному в уставе. Регистрирующие органы не пользуются возможностями выездных проверок, предпочитая истребование документов от религиозных организаций. Неэффективность проверок (и их невозможность в отношении подпольных незарегистрированных религиозных организаций) сопровождается временными и финансовыми затратами для контролирующих органов и «нервотрепкой» для церквей, подчас создавая напряженность в церковно-государственных отношениях. Кроме того, установленные в прошлом году формы ежегодной отчетности религиозных и иных некоммерческих организаций фактически дублируют налоговую отчетность. Кажется, Министерство Юстиции, наконец, и само пришло к выводу, что столь сложная система отчетности малоэффективна и лишь вызывает недовольство религиозной общественности: в апреле 2007 года формы отчетности были существенно упрощены (см. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2007 года № 213 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2006 года № 212» [4]).

Многое сделано (но далеко не все) для приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным законодательством о свободе совести и о религиозных объединениях. Законодательство субъектов федерации кавказского региона (Дагестан, Кабардино-Балкария и др.) направлено, прежде всего, на предотвращения проникновения на указанные территории последователей радикального ислама, тесно связанных с международной террористической сетью. Законодательство центральных регионов России (в частности, Белгородской и Смоленской областей и др.) имеет резко выраженный «антимиссионерский» контекст и фактически направлено против западных адептов протестантизма и НРД.

Не решены и другие важнейшие вопросы (установление реальных налоговых льгот церквям и лицам, жертвующим средства на нужды религиозных организаций; регламентация порядка возвращения церковной собственности законным владельцам; наделение церквей земельными участками под строительство культовых зданий и др.).

История России и зарубежных стран накопила богатый опыт сотрудничества государства, его социальных структур с религиозными объединениями [6; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 43; 44; 61; 62]. На протяжении многих веков имелись и сегодня есть достаточные и положительные примеры такого сотрудничества. В его эффективности одинаково заинтересованы и государство, и все его граждане, как верующие, так и неверующие. Важно знать, видеть и использовать данный исторический опыт, и не важно, носит он русский национальный традиционный характер [8; 40; 41; 42; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60] или какой-то иностранный, новаторский. Главное другое – чтобы он был на благо живущим на этой Земле.

В целом, предстоит большая работа по корректировке положений Закона в пользу эффективного сотрудничества и мирного сосуществования государства и религиозных организаций в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях»

// Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
4. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2007 года № 213 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2006 года № 212» // Российская газета. – 2007. – № 4344 (федеральный выпуск).
5. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 (ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 21._- Ст. 240.
6. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
7. Андреев К.М. Право на религиозную тайну в Российской Федерации (вопросы теории и практики): Монография. – М.: Юриспруденция, 2014. – 184 с.
8. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
9. Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97.
10. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Религиозное право и личная жизнь человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индусских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 40-43.
11. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
12. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Стратегия правового регулирования государственно-конфессиональных отношений (новый взгляд) // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 75-79
13. Вишневский А.А. О системе канонического права // Право. – 2010. – № 4. – С. 48-49.
14. Вудс Т. Как Католическая церковь создала западную цивилизацию / Пер. с англ. В. Кошкина. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – С. 67-68.
15. Вычугжанин А.Л. Церковь, деньги, кредит. – Тюмень: Титул, 2014. – 820 с.
16. Глущаченко С.Б., Евдеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право IX – XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
17. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
18. Ерофеев К.Б. Свобода совести в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 107-112.
19. Ерофеев К.Б. Современное законодательство о свободе совести в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 104-112.
20. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
21. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
22. Калмыков С.В., Числов А.И. Забытый опыт участия русской православной церкви в экономически значимых проектах прошлого // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 138-149.
23. Квачадзе О.Б., Романовская В.Б. Влияние канонического права на городскую политико-правовую действительность средневековой Западной Европы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 244-249.
24. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
25. Кипарисов В.О. О свободе совести. – М.: Тип. М.Н.Лаврова, 1883. – 386 с.
26. Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Становление университетского образования как катализатор развития канонического права в средневековой Европе // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 41-45.
27. Минеева Т.Г., Романовская В.Б. Государственно-правовая история средневековой Англии в трудах английских историков XVIII – начала XXI века // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 126-133.
28. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных

объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – 624 с.
29. Носач Р. Мне не нравится // Мирт. – 2007. – № 4(59).
30. Остроумов С.В., Романовская Л.Р., Фомичев М.Н. Охрана религии как функция государства в период древности и античности: историко-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 24-28.
31. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С.161-169.
32. Романовская В.Б., Алборова А.Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 1. – С. 169-175.
33. Романовская В.Б., Данилова Е.В. Правовое регулирование имущественных прав Русской Православной Церкви в имперский период // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2006. – № 1. – С. 421-427.
34. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
35. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
36. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 172-174.
37. Романовская В.Б., Суконкин Д.В. Влияние канонического права на договорное право средневековой Англии // История государства и права. – 2013. – № 13. – С. 23-29.
38. Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
39. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр «Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.
40. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
41. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
42. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
43. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. - С. 48-53.
44. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
45. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
46. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
47. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
48. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
49. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
50. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
51. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
52. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
53. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
54. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
55. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о

соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
56. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
57. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
58. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
59. Сальников М.В., Курзенин Э.Б. Интеллектуальная гуманистическая политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 117-124.
60. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
61. Федюшкина А.И., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 47-51.
62. Цыпин В.А., прот. Церковное право: Курс лекций. – М.: Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной церкви, 1994. – 440 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕГТЯРЕВА Ольга Леонидовна,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: olga001971_2011@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЛИЦ, СОСТОЯВШИХ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ В 2014 ГОДУ

Аннотация. *В статье анализируются основные показатели повторной преступности лиц, в отношении которых уголовно-исполнительными инспекциями территориальных органов ФСИН России в 2014 году исполнялись наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденных от общества.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительные инспекции; криминогенный состав; криминальная активность; уровень повторной преступности.*

DEGTYAREVA O.L.

CHARACTERISTICS OF REPEATED CRIME OF PERSONS REGISTERED IN THE CRIMINAL-EXECUTIVE INSPECTIONS IN 2014

The summary. *The article analyzes the main indicators of repeated crime of persons in respect of whom the criminal-executive inspections of territorial bodies of the FPS of Russia in 2014 year marks of punishment and measures of criminal-legal nature, not connected with isolation from society condemned.*

Key words: *criminal-executive inspection of the crime squad; criminal activity; the level of repeat crime.*

Предупреждение криминальной активности населения вообще и повторной преступности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в отношении которых исполняются наказания, меры уголовно-правового характера без изоляции от общества и мера пресечения в виде домашнего ареста, относится к компетенции всех правоохранительных и судебных органов, а также требует непосредственного участия других государственных институтов (таких как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный

при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и др.), общественных организаций, тесного взаимодействия и координации усилий названных структур и всего общества в указанном направлении [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Согласно ведомственной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, в течение 2010 – 2014 годов наблюдалось снижение абсолютных и относительных показателей преступности в России. Так, в 2011 году число зарегистрированных преступлений сократилось по сравнению с 2010 годом (2 628 799 единиц) на 233 992 единицы или 8,52%; в 2012 году было зарегистрировано на 102 639 (4,27%) преступлений меньше по сравнению с предыдущим годом; в 2013 году данный показатель снизился еще на 95 919 единиц, что составило 4,17%; в 2014 году по сравнению с предыдущим периодом количество зарегистрированных преступлений сократилось на 15 671 или 0,71% и составило 2 190 578 единиц. Таким образом, общее сокращение количества зарегистрированных преступлений с 2010 по 2014 год составило 438 221 единицу или 16,67%. За тот же период времени в Российской Федерации сократилась численность лиц, совершивших преступления, с 1 111 145 до 1 006 003 человек, то есть на 9,46%.

Для объективного сравнения общего состояния преступности в России в целом и повторной преступности среди лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, представляется необходимым использовать не показатель уровня преступности в Российской Федерации, а показатель уровня криминальной активности населения Российской Федерации, то есть количество преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за год, приходящееся на 100 человек активного (старше 10 лет) населения. Даже этот показатель можно использовать с оговоркой, что возраст уголовной ответственности для граждан Российской Федерации наступает с 14 лет, а, следовательно, даже критерий криминальной активности населения не совсем корректен при использовании для сравнения состояний преступности населения России в целом и осужденных, состоящих на учете в УИИ. Тем не менее, ввиду особенностей государственных статистических данных о демографической ситуации в стране (а именно, о распределении населения по возрасту), мы вынуждены использовать показатель криминальной активности населения страны старше 10 лет (рис. 1).

Как продемонстрировано на рис. 1, в течение 2010-2014 годов уровень криминальной активности населения снизился на 0,37%, в то время как уровень повторной преступности подучетных УИИ осужденных снизился на 0,66%. Таким образом, у осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, положительные тенденции к снижению криминальной активности более выражены, чем у активного населения России в целом.

Большей криминальной зараженностью лиц, состоящих на учете в УИИ, по сравнению с общей криминальной зараженностью населения Российской Федерации объясняется и разница в структуре совершенных преступлений (таблица 1).

Осужденные, состоящие на учете в УИИ, по сравнению с населением страны в целом совершают больше преступлений по следующим категориям:

- убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилования (ст.ст. 105, 111, 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [1]) – на величину от 0,9% до 3,7%;
- ограбежи, разбои (ст.ст. 161, 162 УК РФ) – разница составляет от 1,7% до 7,2%;
- упреступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ (ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ) – на величину от 0,1% до 6%.

Осужденные, состоящие на учете в УИИ, по сравнению с населением страны в целом совершают меньше:

- преступлений, квалифицируемых как мошенничество (ст. 159 УК РФ) – разница составляет от 4,1% до 6,2%.

В 2014 году по сравнению с 2010-2013 годами несколько изменилась структура преступлений, совершаемых после постановки на учет осужденными, в отношении которых исполняются наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, а именно увеличилась доля краж (ст. 158 УК РФ) в общем количестве виновно совершенных общественно опасных деяний, запрещенных

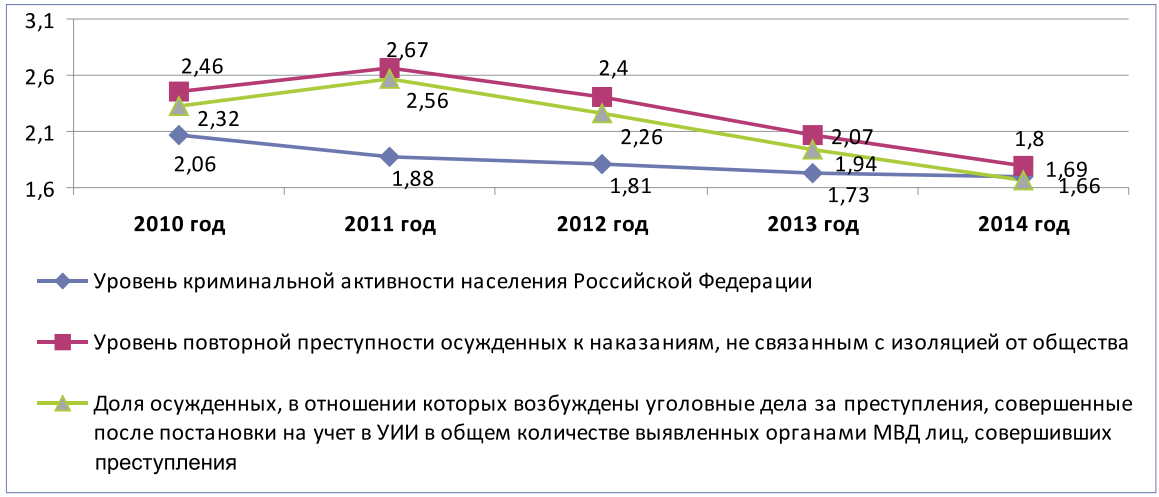

Рис. 1. Динамика уровней преступности активного населения Российской Федерации и осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях

Таблица 1
Структура преступности в Российской Федерации

Годы / Показатели	2010		2011		2012		2013		2014	
	Структура преступности в России[1]	Структура преступности подучетных УИИ осужденных	Структура преступности в России	Структура преступности подучетных УИИ осужденных	Структура преступности в России	Структура преступности подучетных УИИ осужденных	Структура преступности в России	Структура преступности подучетных УИИ осужденных	Структура преступности в России	Структура преступности подучетных УИИ осужденных
Кража - ст. 158 УК РФ (%)	42,2	35,5	43,2	41,9	43,1	37,8	41,8	37,4	41,2	51,9
Убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование - ст. 105, 111, 131 УК РФ (%)	2,3	3,2	2,4	3,9	2,4	3,3	2,3	3,7	2,2	5,9
Грабеж, разбой - ст. 161, 162 УК РФ (%)	7,2	9,9	6,1	9,9	5,6	8,9	4,9	7,6	4,2	11,4
Хулиганство -ст. 213 УК РФ (%)	0,3	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,05	0,2	0,2
Мошенничество-ст. 159 УК РФ (%)	6,1	2	6,1	2	7	1,8	7,5	1,3	7,4	2,6
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств - ст. 228 и 228.1-4УК РФ (%)	8,5	10,3	9	11,2	9,5	11,5	10,5	10,6	11,6	17,6
Прочие (%)	33,4	39	33	31	32,2	36,5	32,8	39,35	33,2	10,4

Уголовным кодексом под угрозой наказания. Если в период с 2010 по 2013 годы тайных хищений чужого имущества населением России в целом совершалось больше по сравнению с подучетными УИИ осужденными на величину от 1,3% до 6,7%; то в 2014 году данный показатель у осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, превысил среднероссийский уровень на 10,7%. Возможно данные изменения объясняются экономическими трудностями, которыми характеризовался 2014 год для Российской Федерации, приведшими к ухудшению материального положения населения страны в целом, поскольку, во-первых, лица, отбывающие наказания, не связанные с изоляцией от общества, более «социально запущены»: если в 2013 году средний уровень занятости населения Российской Федерации был

64,8%*, то из поставленных в этом же году на учет в УИИ лиц заняты социально полезной деятельностью (трудом или учебой) только 51,43%; во-вторых, тайное хищение чужого имущества всегда являлось самым распространенным из виновно совершаемых уголовно наказуемых общественно опасных деяний, в-третьих, осужденные, состоящие на учете УИИ, проявляют большую криминальную активность по сравнению с активным населением страны в целом. Совокупное действие как минимум этих трех факторов привело к тому, что в структуре повторных преступлений лиц, состоящих на учете в УИИ, доля краж превысила аналогичный показатель по Российской Федерации в целом.

Формальное сравнение уровня криминальной активности населения в Российской Федерации и уровня повторной преступности среди лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, приводит к выводу, что осужденные, состоящие на учете УИИ, проявляют большую криминальную активность по сравнению с активным населением страны в целом. Однако это умозаключение достаточно поверхностно, поскольку осужденные, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ, являются стопроцентными «рецидивистами» т.к. уже ранее совершили преступления, за которые и отбывают соответствующие виды наказаний) (Таблица 1).

Более того, следует отметить тот факт, что из общего числа подучетных УИИ лиц, не менее 36,6% ранее совершали преступления. Так, в 2010 году таких было 36,1%, в 2011 – 37,23%, в 2012 – 38,98%, в 2013 – 40,68%, в 2014 – 36,47%***. Что же касается лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет, то доля неоднократно судимых среди них не менее 58,51%. В 2010 году этот показатель составил 64,46%, в 2011 году – 64,39%, в 2012 году – 64,5%, в 2013 году – 59,32%, в 2014 году – 58,51%. Приведенные данные статистически подтверждают чрезвычайно высокую криминальную зараженность осужденных, состоящих на учете в УИИ.

Общая же криминальная зараженность населения Российской Федерации в 4-5 раз меньше аналогичного показателя для осужденных, состоящих на учете УИИ. Так, количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления и их доля в общем количестве преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации в отчетном периоде с 2010 по 2014 годы прогрессирует с 530 742 человек (20,19%) до 635 551 человек (29,01%).

Таким образом, осужденные, состоящие на учете УИИ, проявляют большую криминальную активность по сравнению с активным населением страны в целом. Однако, учитывая, что «законопослушный» социум ежегодно «поставляет» уголовно-исполнительным инспекциям для исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, вдвое больше впервые осужденных (бывших «добропорядочных») граждан по сравнению с ранее совершавшими преступления (по данным 2013 года из 947 656 человек, состоявших на учете УИИ, 608 323 – 64,19% – ранее преступлений не совершали; в 2014 году из 926 431 осужденных, в отношении которых УИИ исполнялись наказания и меры уголовно-правового характера, 588 553 – 63,53% – также ранее вели правопослушный образ жизни), а осужденные, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ, являются стопроцентными «рецидивистами» (т.е. все они ранее уже совершили преступления, а для 58,51% – 64,5% из них повторность даже является неоднократной, что свидетельствует об их большей (в 4-5 раз) криминальной зараженности по сравнению с криминальной зараженностью активного населения страны в целом),

превосходство в уровне преступности осужденных по сравнению с уровнем криминальной активности населения Российской Федерации в целом на величину менее 1% (а именно, 0,39% в 2010 году, 0,79% в 2011 году, 0,59% в 2012 году, 0,34% в 2013 году и 0,11% в 2014 году) представляется весьма несущественным.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 [3], предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекциях, является одной из основных задач УИИ. Кроме того, уровень повторной преступности осужденных является одним из трех основных оценочных показателей, характеризующие деятельность УИИ [4]. С целью определения эффективности исполнения различных уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера и меры пресечения в виде домашнего ареста проанализируем криминальную активность лиц, в отношении которых они исполнялись.

В течение 2014 года на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ) территориальных органов ФСИН России состояло 926 431 осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых исполнялись наказания, меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, и мера пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы содержанию под стражей. Из общего количества лиц, состоявших на учете, 11 914 человек (1,29%) были осуждены к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в качестве основного вида наказания, либо в качестве дополнительного наказания отбывшим основное); 98 411 (10,623%) – к обязательным работам, 137 578 человек (14,85%) – к исправительным работам; в отношении 65 648 человек (7,09%) УИИ исполняли наказание в виде ограничения свободы; традиционной самой многочисленной категорией подучетных УИИ лиц являются осужденные к исправительным работам или лишению свободы на срок до 8 лет, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального наказания и постановил считать назначенное наказание условным – 592 637 человек (63,97%). В отношении 10 721 осужденных (1,16%) суд отсрочил реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста на основании статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации; 278 лицам (0,03%), состоявшим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, осужденным к лишению свободы, признанным больными наркоманией, совершившим впервые преступления, предусмотренные частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 УК РФ, и изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд отсрочил отбывание наказания в виде лишения свободы на основании статьи 82.1 УК РФ. В отношении 9 180 подозреваемых и обвиняемых (0,99%) в 2014 году осуществлялся контроль за исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста.

Постатейная структура лиц, в отношении которых в 2014 году УИИ исполняли наказания и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, такова. Наибольший удельный вес в общем числе состоявших на учете в УИИ в 2014 году лиц составили осужденные по статье 158 УК РФ («Кража») – 27,34%; 15,18% – лица, осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров; 10,89% приходится на осужденных по статье 157 УК РФ («Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»); 5,71% – доля в общем количестве осужденных по статье 161 УК РФ («Грабеж»); 4,29% составили лица, которым суд вынес обвинительный приговор по статье 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»); 4,17% – удельный вес в общей структуре осужденных за по статьям 159-159.6 (различные виды мошенничества); 3,3% были признаны виновными в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); 2,34% осуждены за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); 1,28% – за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ); 1,04% приходится на лиц, отбывающих наказания за разбой (ст. 162 УК РФ), 0,41% составили лица, осужденные по ст. 163 УК РФ («Вымогательство»); 0, 21% – осужденные за хулиганство по статье 213 УК РФ; 0,18%

составили осужденные по статье 131 УК РФ («Изнасилование»), 0,17% – лица, осужденные по ст. 105 УК РФ («Убийство»). Осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления составили 19,10% от общего числа подучетных УИИ лиц. По прочим статьям УК РФ осуждены 22,72% лиц, в отношении которых исполняются наказания и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества.

С 2011 года наблюдается положительная динамика криминальной активности лиц, в отношении которых УИИ исполняют наказания и меры уголовно-правового характера без лишения свободы, а также меру пресечения в виде домашнего ареста к качестве альтернативы содержания под стражей: происходит уменьшение количества лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет. В 2010 году их количество составило 25 867 человек, а в 2011 году данный показатель несколько возрос и стал равняться 26 482 осужденным, что на 615 человек или 2,38% больше по сравнению с результатами 2010 года. В 2012 году число лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ снизилось до 22 885 человек, что на 3 597 единиц (или 13,58%) уступает аналогичным данным за 2011 год. В 2013 году показатель повторной преступности осужденных (19 659 чел.) уменьшился по сравнению с предыдущим периодом на 3 226 человек или 14,10%.

В 2014 году наблюдается наименьшая за последнее пятилетие криминальная активность осужденных, в отношении которых уголовно-исполнительные инспекции исполняют наказания, меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, а также подозреваемых и обвиняемых, которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы содержания под стражей: количество лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет, снизилось по сравнению с 2013 годом на 2 971 человек (15,12%) и достигло значения 16 688 осужденных.

Таким образом, с 2010 года количество осужденных, совершивших повторные преступления после постановки на учет в УИИ, уменьшилось на 9 179 человек или 35,49%, что свидетельствует об успешной целенаправленной деятельности УИИ в направлении профилактики повторной преступности подучетных лиц (Рис. 2).

В 2010-2014 годах основное количество повторных преступлений, совершенных после постановки на учет в УИИ (рис. 2), приходится на лиц, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального отбывания наказания и постановил считать назначенное наказание условным (95 398 или 85% от общего числа). В 2014 году также наибольшее количество повторных преступлений после постановки на учет также совершили лица, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального отбывания наказания и постановил считать назначенное наказание условным (78%) – таблица 2.

Как видно из таблицы 2, самый высокий УПП в 2014 году (так же, как и в предыдущие 2 года – с момента начала применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией на основании ст. 82.1 УК РФ, введенной Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ [2]) продемонстрировали осужденные с отсрочкой отбывания наказания до окончания лечения от наркомании и прохождения курса медицинской и социальной реабилитации – 6,47. Ввиду своей малой численности данная категория осужденных вносит небольшой «вклад» в общее количество повторных преступлений, совершаемых подучетными УИИ лицами (в 2014 году их удельный вес равнялся 0,11%). Высокая криминальная активность наркоманов связана с особенностями протекания данного заболевания, характеризующегося поражением волевой сферы личности, что с наступлением абстинентного состояния приводит к совершению повторных преступлений.

Следующими в этом «антирейтинге» криминальной активности являются лица, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального отбывания наказания и постановил считать назначенное наказание условным. Условное осуждение по сути является мерой доверия государства гражданину, виновно совершившему общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания, предоставляющей возможность данному лицу поведением

Рис. 2. Удельный вес осужденных к различным видам наказаний и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества в общем количестве осужденных, в отношении которых возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ, в 2010-2014 годах.

Таблица 2
Структура повторной преступности лиц, состоявших на учете в УИИ в 2014 году

Показатель	Количество лиц, совершивших повторные преступления (% от общего числа)	УПП
Общая численность лиц, совершивших повторные преступления после постановки на учет в УИИ	16688	1,82
Осуждены к лишению права заниматься определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в качестве основного вида наказания)	25 (0,15)	0,21
Осуждены к обязательным работам	884 (5,30)	0,9
Осуждены к исправительным работам	1561 (9,35)	1,13
Осуждены к ограничению свободы в качестве основного вида наказания	1024 (6,14)	1,56
Осуждены условно	13017 (78,0)	2,2
Осуждены с отсрочкой отбывания наказания до достижения ребенком возраста 14 лет (ст. 82 УК РФ)	144 (0,86)	1,34
Осуждены с отсрочкой отбывания наказания до окончания лечения от наркомании (ст. 82.1 УК РФ)	18 (0,11)	6,47
Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста	15 (0,09)	0, 16

доказать свое исправление (полностью или частично возместить вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда; соблюдать общественный порядок (не привлекаться к административной ответственности), добросовестно и полностью исполнять возложенные на него судом обязанности). Данная уголовно-правовая мера позволяет осужденному сохранить социально полезные связи с семьей, ресоциализироваться, препятствует распространению криминальной субкультуры среди (не секрет, что в местах лишения свободы, где наблюдается большая «концентрация» преступников, более «опытные» осужденные насаждают криминальные традиции в среде спецконтингента) и т.д.

Одной из причин сравнительно высокой криминальной активности лиц, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального отбывания наказания и постановил считать назначенное наказание условным, является их недостаточная способность осознать и оценить предоставленную государством возможность, скорректировать поведение и доказать свое исправление, вследствие того, что для осужденных вообще и отбывающих наказание условно в частности характерны а- или антисоциальная направленность, дефекты правосознания и морально-волевой сферы, другие социально-негативные особенности личности. Согласно части 5 статьи 73 УК РФ, суд, назначая условное отбывание реального наказания, возлагает на осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей, таких как: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления УИИ, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации и другие обязанности, способствующие его исправлению. Однако перечисленные обязанности могут налагаться как полностью, так и частично, и большинство из них являются необременительными, практически не меняют жизненный уклад условно осужденного (исключение составляет разве что обязанность пройти курс лечения от социально значимых заболеваний, но в 2010-2014 годах на учете в УИИ состояло не более 1,94% лиц, имевших обязанность пройти курс лечения от наркомании, и не более 1,35% лиц, имевших обязанность пройти курс лечения от алкоголизма). Поскольку в жизни большинства осужденных данной категории радикально ничего не меняется, у них отсутствует ощущение наказания, что, вследствие вышеуказанных личностных особенностей (дефектов социализации), некоторыми из них воспринимается как безнаказанность и не способствует исправлению.

При назначении других видов наказания без изоляции от общества лица, в отношении которых они исполняются, претерпевают большие «лишения»: осужденные к исправительным работам несут материальное наказание в виде удержания части заработной платы в пользу государства, осужденные к обязательным работам лишаются части своего свободного времени, которое они тратят на общественно полезный труд (считать наказанием собственно труд в обоих случаях считаю неверным – иначе невиновно отбывающими наказание придется признать миллионы законопослушных граждан, всю свою сознательную жизнь добросовестно трудящихся на благо семьи, общества и государства). На осужденных к ограничению свободы налагается больше ограничений и уголовно-исполнительным инспекциям предоставляются более широкие полномочия по контролю за исполнением осужденными к данному виду наказания установленных судом ограничений. Кроме того, только для данного вида наказания УИК РФ (ст. 60) предусматривает для уголовно-исполнительных инспекций право использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, посещать в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного. Применение системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) при отбывании наказания в виде ограничения свободы позволяет не только контролировать исполнение наложенных судом ограничений, но и создает у отбывающего его осужденного ощущение постоянного надзора за его поведенпием (что является дополнительным средством профилактики криминальной активности).

Располагая накопленными с момента начала применения систем электронного мониторинга подконтрольных лиц данными, необходимо

отметить более низкий уровень повторной преступности среди лиц, к которым применялись средства электронного надзора и контроля, по сравнению с осужденными, к которым данное оборудование не применялось.

Так, согласно ведомственным статистическим данным, в течение 2014 года 27 768 осужденных к ограничению свободы отбывали наказание с применением электронных средств персонального надзора и контроля (то есть 42,30% осужденных к данному виду наказания), что на 3 357 единиц, или на 13,75% больше, чем аналогичный показатель предыдущего года: в 2013 году к осужденным к ограничению свободы было применено 24 411 электронных средств персонального надзора и контроля (39,54% осужденных отбывали ограничение свободы с применением системы электронного мониторинга подконтрольных лиц). Таким образом, практика применения оборудования СЭМПЛ неуклонно расширяется, что оказывает положительное влияние на динамику повторной преступности данной категории осужденных: согласно данным 2013 года уровень повторной преступности осужденных к ограничению свободы, отбывавших наказание с применением СЭМПЛ, составил 1,25, в то время как аналогичный показатель для осужденных, отбывавших наказание в виде ограничения свободы без использования электронных средств персонального надзора и контроля, составил 2,09 (из 61 735 осужденных к ограничению свободы, состоявших на учете УИИ в 2013 году, 24 411 человек отбывали наказание с применением электронных средств персонального контроля и надзора, из них 304 человека совершили повторное преступление после постановки на учет; из 37 324 осужденных, отбывавших наказание без применения СЭМПЛ, уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет, возбуждены в отношении 780 человек). Если в начальный период применение оборудования СЭМПЛ было несколько избирательным (в частности, в ряде территориальных органов одним из критериев при принятии решения об использовании электронных средств персонального надзора и контроля было финансовое положение осужденного к ограничению свободы, а именно его способность возместить материальный ущерб в случае утраты или повреждения оборудования), то накопление опыта применения СЭМПЛ позволило сделать практику использования данного оборудования более универсальной, что определило некоторое увеличение в 2014 году УПП осужденных, отбывавших наказание в виде ограничения свободы с применением системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, до 1,39; тем не менее данный показатель все равно ниже (на 0,29 процентных пункта) по сравнению с аналогичным показателем для осужденных, к которым во время исполнения данного вида уголовного наказания СЭМПЛ не применялась (1,68).

Принимая во внимание систему факторов, определяющих преступность в целом, правомерно сделать вывод, что за последнее пятилетие не только ситуация с преступностью осужденных, состоящих на учете УИИ, гораздо благоприятнее общероссийского состояния преступности, но и положительная динамика уровня повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, более значительно выражена по сравнению с основными показателями криминального поведения активного населения Российской Федерации в целом.

Успехи деятельности УИИ в направлении пресечения злостного уклонения от отбывания назначенного судом наказания и противоправного поведения подучетных лиц путем внесения в суд представлений о замене наказания более строгим видом наказания, отмене условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, продлении испытательного срока условно осужденным, возложении судом дополнительных обязанностей (на рисунке 3 продемонстрирована обратная зависимость уровня повторной преступности осужденных, состоящих на учете в УИИ, от вышеперечисленных показателей деятельности уголовно-исполнительных инспекций), а также положительная динамика показателей повторной преступности лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы с применением средств электронного контроля, позволяют считать перспективным с точки зрения профилактики криминальной активности подучетных УИИ лиц:

- расширение практики использования СЭМПЛ при исполнении наказания в виде ограничения свободы, а также применение указанного оборудования при контроле за условно осужденными, на которых судом

возложена обязанность не посещать определенные места (после внесения изменений в соответствующие законодательные акты);

- дальнейшее развитие деятельности УИИ по противодействию криминальной активности и злостному уклонению от отбывания наказаний подучетных лиц путем возложения на них дополнительных обязанностей, продления испытательного срока условно осужденным, замены наказания более строгим видом наказания, отмены условного осуждения и отсрочки отбывания наказания и исполнения наказания, назначенного судом;
- внесение изменений в часть 5 статьи 73 УК РФ, а именно расширение и конкретизация списка обязанностей, которые могут быть наложены судом на условно осужденного, ибо, как было указано ранее, возложение дополнительных обязанностей на осужденного уменьшает вероятность его противоправного поведения, а формулировка «суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению» оставляет возможность для судебного же оспаривания влияния на исправление осужденного обязанности, возложенной судом, но прямо не указанной в ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Рис. 3. Основные показатели исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в 2010-2014 годах.

Примечания

* Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики за 2013 год. На момент подготовки статьи данные за 2014 год отсутствовали.

** Согласно данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ о состоянии преступности в России за 2010- 2014 годы.

*** Согласно сводным отчетам о работе уголовно-исполнительных инспекций за 2010-2014 годы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 25. – Ст. 2947.
4. Приказ ФСИН от 08.04.2013 № 172 «Об утверждении положения об определении рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС «Гарант». http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70294894/
5. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
6. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
7. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
8. Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 55-71.
9. Гомонов Н.Д. Криминологические понятия «преступность» и «преступник» // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 89-97.
10. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
11. Молдабаев С.С. Экономическая преступность и коррупция: современные проблемы противодействия // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 146-152.
12. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87.
13. Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А, Экологическая преступность в Ленинградской области: общее и особенное // Региональная экология. – 2004. – № 3-4. – С.63-66.
14. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
15. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Информационный центр Пресс, 2001.
16. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 110.
17. Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218.
18. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
19. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.
20. Смирнов А.М. Латентная преступность в России: Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
21. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 464 с.

ФУММ Александра Михайловна,
начальник отдела Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: yanok83@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Оксана Николаевна,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: yakoksana.1977@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ГРАНИ СТАРЫХ ПРОБЛЕМ

Аннотация. *Рассматриваются некоторые проблемы Общей части Уголовно-исполнительного кодекса РФ, вносятся предложения по их решению.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительный кодекс; норма права; осужденный, наказание.*

FUMM A.M.
YAKOVLEVA O.N.

CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE NEW FACES OF THE OLD PROBLEMS

The summary. *Considered problematic issues common part of the Executive Penal Code, which outlines proposals for their solution.*

Key words: *penal code; the rule of law; convicted; punishment.*

Формирование правового государства и гражданского общества предполагает установление прочного правопорядка как основы противодействия преступности [5; 6; 28; 32; 33; 36; 38; 39; 40; 44]. Однако такой правопорядок может быть достигнут только при наличии эффективно действующего законодательства, способного в полной мере защитить личность, общество, государство от преступных посягательств. Следует отметить, что происходящие в стране политические, экономические и социальные преобразования находят отражение в антикриминальном законодательстве, существенно влияют на деятельность государства в сфере борьбы с преступностью и исполнения наказаний [2; 45; 46; 47; 49; 50; 62].

В настоящее время в России сформировано основанное на международных стандартах и соответствующее им уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Однако с учетом меняющихся экономических и социальных условий, криминальной ситуации в стране, появления новых видов преступлений и наказаний необходима постоянная работа по приведению его в соответствие с новыми реалиями жизни.

Уголовно-исполнительное законодательство является основной формой реализации пенитенциарной, или уголовно-исполнительной, политики государства [4]. Именно в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) закреплены важнейшие направления этой политики, определены цели, принципы и формы деятельности государственных органов в области исполнения наказаний. Изменения в содержании и направлении пенитенциарной политики, как правило, приводят к реформированию уголовно-исполнительной системы, а следовательно, и к изменениям уголовно-исполнительного законодательства. В идеале потребности пенитенциарной политики должны адекватно отражаться в этом законодательстве, однако в действительности такое происходит далеко не всегда.

В настоящее время завершён эксперимент по перепрофилированию исправительных колоний в тюрьмы, начатый в 2011 году. К сожалению, именно из-за отсутствия необходимой нормативно-правовой базы учреждения с новыми условиями содержания не могут принять осужденных.

В местах лишения свободы сегодня реализуются широкомасштабные гуманитарные проекты, проводится реформа всей федеральной системы исполнения наказаний. И идея этой реформы должна быть услышана всеми [22].

Для своего времени (середины 1990-х годов) УИК РФ был довольно основательным законодательным актом, отразившим основные направления отечественной уголовно-исполнительной политики в начальный период демократических преобразований. Уголовно-исполнительный кодекс РФ впервые перевел на законодательную основу регулирование исполнения не только лишения свободы, но и других видов наказаний. Вместе с тем подписание Российской Федерацией ряда международных соглашений, договоров и конвенций, касающихся правового положения лиц, находящихся в условиях изоляции, диктует необходимость неуклонного и максимально возможного внедрения международных стандартов обращения с заключенными в отечественное законодательство и пенитенциарную практику.

С момента принятия УИК РФ прошло почти 20 лет. За это время вступило в силу более 70 федеральных законов, внесших в него поправки. Следует отметить, что подавляющее большинство изменений и дополнений УИК РФ направлены на расширение прав и законных интересов осужденных, повышение гарантий их защищенности, на снятие необоснованных запретов и ограничений, улучшение условий отбывания наказания. Однако до сих пор остается ряд неразрешенных вопросов, требующих тщательной научной проработки и последующего законодательного закрепления. Вот некоторые из них.

Во-первых, требует корректировки норма, касающаяся целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ). Представляется вполне логичным в качестве целей уголовно-исполнительного законодательства предусмотреть обеспечение исполнения уголовных наказаний (это положение, правда в качестве задачи, было закреплено в ст. 1 Основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик 1969 г.) [52, стр. 25]; обеспечение безопасности личности, общества и государства; исправление осужденных; предупреждение совершения новых преступлений. Именно обеспечение исполнения наказания в соответствии с теми превентивными свойствами, которые в нем заложены, должно стать главной целью уголовно-исполнительного законодательства.

В свою очередь задачами уголовно-исполнительного законодательства, реализация которых будет способствовать достижению поставленных целей, следовало бы признать регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Задача охраны прав, свобод и законных интересов осужденных в УИК РФ представляется излишней, поскольку такая охрана установлена Конституцией РФ, а осужденные, несмотря на утрату некоторых прав и свобод в связи с отбыванием уголовного наказания, остаются гражданами России, а потому подлежат всемерной защите. Идею охраны прав и законных интересов осужденных, на наш взгляд, целесообразно закрепить в соответствующем принципе.

Во-вторых, упущением законодателя следует признать отсутствие в ст. 7 УИК РФ применительно к приговору суда слова «обвинительный» (показательно, что термин «обвинительный» присутствовал в Основах

исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик 1969 г.) [20, стр. 12], поскольку при вынесении оправдательного приговора наказание не назначается, а значит и не исполняется. Было бы также целесообразным дополнить данную статью указанием на то, что копия обвинительного приговора либо изменяющих его определения или постановления суда, акта помилования или акта об амнистии направляются органу, исполняющему наказание, в определенный срок (наиболее разумным представляется 10-дневный срок).

В-третьих, перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства РФ, содержащийся в ст. 8 УИК РФ, не в полной мере отражает все направления пенитенциарной политики и поэтому должен быть расширен. Кроме того, в указанной статье принципы лишь перечислены, но не раскрыта их сущность, что затрудняет понимание их истинного значения, а следовательно, и реализацию. Назрела необходимость по аналогии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) раскрыть смысл и значение принципов, представив каждый из них в виде отдельной статьи УИК РФ.

Перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства считаем необходимым дополнить указанием на принципы обеспечения

в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний прав и свобод человека и гражданина; сочетания форм, видов и уровней контроля за уголовно-исполнительной системой; участия общественности в исправлении осужденных; отбывания наказания по месту жительства осужденного [48, стр. 111].

Как известно, статья 2 Конституции Российской Федерации определяет человека, его права и свободы высшей ценностью общества и государства [1]. Данное положение детально разрабатывается учеными в философской и юридической литературе [3; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 33; 34; 35; 37; 40; 41; 42; 43; 44; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61].

В-четвертых, в гл. 2 УИК РФ, посвященной правовому положению осужденных, было бы целесообразно закрепить в качестве основополагающей норму о праве на человеческое достоинство. Ее примерный вариант может быть представлен в следующем виде:

«1. Осужденные имеют право на признание их человеческого достоинства, защиту от пыток и других унижающих его мер обращения.

2. Должностные лица учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, принимают меры к обеспечению неприкосновенности человеческого достоинства осужденных.

3. Запрещается исполнение устных и письменных актов, а равно совершение действий (бездействия), посягающих на человеческое достоинство» [51, стр. 27].

Представляется, что перечень прав осужденных следует расширить за счет включения в него права на получение общего и профессионального образования, права на участие в примирении с потерпевшим и права на участие в программах по ресоциализации.

В анализируемой главе УИК РФ было бы полезным оговорить, какие права осужденных не подлежат ограничению. На наш взгляд, это право на человеческое достоинство, на получение информации, на оказание медицинской помощи, на личную безопасность, на обращение с жалобами. Иначе может сложиться впечатление, что законодательство Российской Федерации допускает ограничение этих важнейших прав осужденных. Такое толкование может создать предпосылки для грубых нарушений прав человека в исправительных учреждениях.

Сравнительный анализ Европейских пенитенциарных правил (п. 38) и российского уголовно-исполнительного законодательства выявил отсутствие в УИК РФ нормы о национальных и языковых меньшинствах. С учетом многонационального состава населения страны включение этой нормы в российский Кодекс должно способствовать обеспечению сотрудничества между этносами, совместному проведению культурно-массовых, спортивных мероприятий, грамотному решению вопросов санитарно-бытового обслуживания, а в конечном счете – достижению целей уголовного наказания.

В-пятых, по нашему мнению, требует существенной доработки норма ст. 15 УИК РФ, предусматривающая порядок рассмотрения обращений осужденных. В ней, в частности, отсутствует положение о том, кто оплачивает расходы по пересылке почтовых и иных обращений осужденных. Такой вопрос становится остроактуальным в случаях, когда на лицевом счету осужденного нет денежных средств. В связи с этим целесообразно включить в закон указание на то,

что осужденные должны оплачивать свои обращения за счет собственных средств, но в случае их отсутствия это является обязанностью администрации учреждения УИС.

В той же статье УИК РФ содержится норма, согласно которой предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных не позднее одного рабочего дня передаются операторам связи для их доставки по принадлежности. Но на практике обращения осужденных, адресованные в различные органы, зачастую передаются представителям администрации учреждения УИС в конце рабочего дня или по его окончании. Это исключает возможность регистрации обращения и его дальнейшую передачу оператору связи в течение одного рабочего дня. Более реалистичным, на наш взгляд, было бы закрепить в законе положение о том, что обращения осужденных передаются по принадлежности не позднее дня, следующего за днем их подачи.

В-шестых, изъяном действующего законодательства мы считаем недостаточное внимание к участию общественных институтов в деятельности уголовно-исполнительной системы. Норма ст. 23 УИК РФ говорит о таком участии лишь в общей форме. Из содержания данной статьи косвенно следует, что общественным организациям можно работать в исправительных учреждениях только при наличии хороших отношений между руководителями организации и конкретного ИУ или территориального органа. Уголовно-исполнительный кодекс не определяет формы и порядок участия общественных организаций в исправлении осужденных, отсылая их к иному законодательству РФ [21, стр. 62].

Представляется необходимым законодательно закрепить основные направления деятельности общественных организаций в исправительном учреждении, а также положение о том, что администрация обязана мотивировать свой отказ в посещении ИУ официально зарегистрированным общественным организациям, которые могут обжаловать такой отказ в суде.

Таковы лишь некоторые соображения относительно совершенствования Общей части УИК РФ. Остается надеяться, что хотя бы часть из них воплотится в правовые нормы и будет применяться на практике.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2014.
2. Аврутин Ю.Е., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М., Гуляев А.П. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. – СПб., 2003. – Сер. Криминалистика в борьбе с преступностью.
3. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
4. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. – стр. 262-282.
5. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
6. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
7. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
8. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
9. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
10. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
11. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.

12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
13. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
14. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
15. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
16. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
17. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
18. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М., 2015.
20. Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик. – М., 1972.
21. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, С.И. Курганов. – М., 2015.
22. Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция – первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 47-65.
23. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
24. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
25. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
26. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
27. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 65-71.
28. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 139-153.
29. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
30. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
31. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
32. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
33. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
34. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
35. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
36. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
37. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Секция: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
38. Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука: (круглый стол, выступление) // Государство и право. – 1989. – № 3. – С. 65.
39. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура

и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
40. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
41. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
42. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
43. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
44. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
45. Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 224 с.
46. Сауляк О.П. К вопросу о ценности правопорядка // Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития. – Сочи, 2004. – С. 97-101.
47. Сауляк О.П. Правопорядок: контуры новых подходов к исследованию: Монография – М.: Социально-политическая мысль, 2009. – 252 с.
48. Сизый А.Ф. Принцип законности и его реализация при исполнении уголовных наказаний // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 3.
49. Смирнов А.М. Латентная преступность в России: Учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2013. – 184 с.
50. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография. – М.: Юстицинформ, 2014. – 464 с.
51. Тенденции развития уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан: проблемы и перспективы // Евразийский юридический портал. – 2013. – № 4.
52. Фумм А.М. Особенности норм советского исправительно-трудового права // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 2.
53. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
54. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
55. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
56. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
57. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
58. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
59. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
60. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
61. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
62. Экимов А.И. Юридическая наука и правопорядок // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 13-22.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1 класса (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

НАХИМОВ Александр Павлович,
начальник Воронежского института МВД России, кандидат философских наук, полковник полиции (г. Воронеж, Россия)
E-mail: mail@vimvd.ru

СУРКОВ Константин Викторович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук (г. Москва, Россия)
E-mail: fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

НАУКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ
Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. 400 с.)

Аннотация. *Рецензируется монография С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке».*

Ключевые слова: *философия, науковедение, теория права, футурология, наука оперативно-розыскной деятельности, уголовный процесс, прокурорский надзор.*

KONDRAT I.N.
NAKHIMOV A.P.
SURKOV K.V.

SCIENCE OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY: A LOOK INTO THE FUTURE
Review of the monograph of S.I. Zahartsev, Yu.Yu. Ignaschenkov and V.P. Sal'nikov "Operative-search activity in the XXI century" (M .: Norma, 2015. 400 pp.)

The summary. *Reviewing monograph SI Zahartseva, YY Ignaschenkova and VP Salnikov "Operative-search activity in the XXI century."*

Key words: *philosophy, science of science, theory of law, futurology, science, operational and investigative activities, criminal proceedings, public prosecutor's supervision.*

Писать рецензию на монографию таких известных ученых как С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков и В.П. Сальников доставило нам огромное удовольствие. И это удовольствие в первую очередь связано с тем, что названные авторы подготовили книгу, которую без натяжек можно назвать замечательной. Именно такими должны быть все научные работы по юридическим дисциплинам.

Все сделанные в книге выводы четко аргументированы и вытекают из исследования, использованный научный материал богат и охватывает не только само ОРД и смежные с ним дисциплины, но и философию, философию права, теорию права и государства, историю, психологию, социологию, политологию и др. Содержание книги приятно поражает своей новизной, оригинальностью подходов к проблемам и путям их решений.

От чтения данной монографии получаешь и эстетическое удовольствие. Она написана строго научным языком, но при этом доступным для не специалистов и студентов, легко читается. Очевидно, что авторы, готовя монографию, думали не только о себе, что нередко бывает, но и о читателях.

Дополнительно отметим отменную научную корректность авторов в дискуссии. Они не оскорбляют свих коллег по науке, не оценивают их свысока, не допускают неэтичных высказываний, не считают себя раз и навсегда правыми, критично относясь и к своим взглядам. Но при этом очень четко доказывают свою правоту.

Собственно, такие высокие оценки можно дать всем работам С.И. Захарцева, В.П. Сальникова и Ю.Ю. Игнащенкова.

С.И. Захарцев сейчас – признанный лидер науки ОРД, что подтверждается не только изданными книгами (их двенадцать только по ОРД!), но и их востребованностью. Кроме того, что и логично, С.И. Захарцев по состоянию на 9 мая с.г. имеет индекс Хирша 15 – в настоящее время самый большой среди «ордэшников».

В.П. Сальников также многократно и успешно писал по ОРД (в том числе в соавторстве с С.И. Захарцевым). Кроме того, В.П. Сальников известен всему юридическому миру как специалист в области теории государства и права, философии права, правовой культуры [41; 42; 43; 44]. Это тоже подтверждается высоким индексом Хирша – 16, а также большой востребованностью работ В.П. Сальникова, давно относящегося к классикам правоведения.

Ю.Ю. Игнащенков – тоже известный ученый и практик, автор многих работ по контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, имеющих, как правило, закрытый характер.

На книгу С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» уже выпущено несколько рецензий. Все они положительные. При этом рецензенты справедливо пишут об уникальности этой книги. Так, монография уникальна тем, что каждый из ее авторов дослужился до генеральских должностей!

Кроме того, монография уникальна тем, что, представляя разные органы, осуществляющие ОРД, авторы отказались от ведомственного изложения поднятых проблем. Для ОРД, увы, характерна ведомственность изложения материала.

Третья уникальность в том, что рецензентами работы тоже являются генералы и руководители ведомств. В частности, одним из рецензентов выступил С.В. Степашин, поочередно возглавлявший три субъекта ОРД (ФСК России, МВД России и Министерство юстиции). Другим рецензентом выступил В.В. Корабельников, более десяти лет руководивший Главным разведывательным управлением Министерства обороны России. Следует добавить, что третьим рецензентом в книге является выдающийся российский юрист В.И. Рохлин. Мало какая из книг может похвастаться столь солидными рецензентами [45, стр. 123].

Мы добавим и четвертую уникальность. Пожалуй трудно встретить другие монографии, где два автора входят в первые пятьдесят ученых по индексу цитирований. В.П. Сальников и С.И. Захарцев входят по цитированиям в первую полусотню и продолжают работать совместно, несмотря на абсолютную самостоятельность и широкую известность каждого по отдельности в России и за рубежом.

Ввиду ограниченности объема рецензии мы кратко отметим лишь несколько выводов, сделанных в монографии.

Мы согласны с С.И. Захарцевым, Ю.Ю. Игнащенковым и В.П. Сальниковым в том, что первые подобия ОРД появились с момента зарождения человечества. Первыми оперативно-розыскными мероприятиями стали опрос и наблюдение. Появление и развитие оперативно-розыскных мероприятий зависит от накопления научных

знаний, возникновения и совершенствования технических средств. Появление новых средств связи, общения, технических средств действительно обязательно приводит к возникновению новых или совершенствованию уже имеющихся мероприятий [5; 26].

Мы согласны с тем, что что динамика науки ОРД связана как с самовоспроизводством научных знаний, так и с активным влиянием на нее других факторов. Внутри науки ОРД происходит постоянное накопление знаний, помогающих обосновывать и развивать, например, частные теории, однако происходит и активное влияние на науку со стороны. И действительно: ОРД – правовая наука. Она подвержена изменениям, связанным с динамикой законодательства. На нее осуществляется воздействие со стороны других юридических наук, также изменяющихся вместе с государством и обществом, экономикой [18; 31]. Кроме того, значительное влияние на ОРД оказывают прикладные юридические науки: криминология, криминалистика, юридическая психология [15; 16; 17]. Знания, накопленные этими науками, активно используются и способствуют уточнению научных представлений ОРД. В то же время и сама ОРД оказывает влияние на другие науки. В рамках науки происходит формирование новых дисциплин и теорий: оперативно-розыскной криминологии, оперативно-розыскной психологии. Накопление знаний и влияние на науку сторонних факторов – процессы взаимосвязанные и взаимозависимые. Кроме того, ОРД является одной из немногих правовых дисциплин, на которые сильное воздействие оказывают достижения технических наук. В частности, изобретение новых средств связи обусловливает появление новых оперативно-розыскных мероприятий. Так, изобретение цифровых накопителей информации, во-первых, потребовало создания новых мероприятий, а во-вторых, позволило усовершенствовать специальные технические средства [2; 4; 6; 11; 27; 28].

И в этом смысле авторы книги верно обратили внимание на оперативно-розыскную политику [18]. Направлением оперативно-розыскной политики обязательно должно стать увеличение финансирования субъектов ОРД и развитие их технических возможностей.

Следует поддержать авторов книги в том, что метод диалектики, применяемый в качестве основного научного метода познания, предопределил открытия и достижения современной науки. Разработка и обоснование научных правовых дисциплин и теорий опирается на применение в качестве методологической основы именно диалектического метода познания. Диалектика находится в основе дальнейшего развития юридических наук, в том числе и методологии ОРД [10; 11; 12; 13].

В ходе работы над монографией ее авторы развили идеи С.И. Захарцева о формировании новых наук – экстрасенсоведения и оперативно-розыскного экстрасенсоведения. Авторы обратили внимание на необходимость попытаться проанализировать и обобщить факты оказания экстрасенсами конкретной практической помощи по делам; если получится – установить пределы возможностей экстрасенсов, выявить случаи, когда их участие может приводить к успеху, а когда будет практически бесполезным; по возможности собрать другие данные, позволяющие максимально эффективно использовать неординарные способности человека; выявить опытным путем лиц, способных нетрадиционными методами оказывать конкретную помощь в раскрытии преступлений, и рассмотреть вопрос об их учете. Иными словами, надлежит способствовать взаимодействию между научными и вненаучными знаниями в ОРД. С удовлетворением отмечаем, что термин «экстрасенсоведение», предложенный С.И. Захарцевым, в науке то что называется «прижился» и начал использоваться в философии, футурологии, работах по ОРД [24; 29].

Стоит согласиться с выводом авторов о том, что оперативно-розыскное право существует как самостоятельная отрасль права и органично вписывается в существующую ныне систему российского права в качестве комплексной отрасли. Оперативно-розыскное право регулирует качественно однородную группу объективно существующих общественных отношений в сфере оперативно-розыскной деятельности. Эти общественные отношения не могут быть урегулированы нормами какого-либо иного права. Структурно оперативно-розыскное право представляет собой совокупность оперативно-розыскных норм и правовых институтов, имеющих обособленный характер [23].

В монографии авторы вернулись к дальнейшей разработке теории оперативно-розыскных мероприятий как частной теории ОРД. Указанную

теорию в 2001-2004 годах обосновал С.И. Захарцев [7; 27]. С указанного времени данная теория стала успешно развиваться и другими учеными. Сейчас настало время оценить результаты и двигаться дальше. Анализ изложенного позволяет предположить направления развития теории оперативно-розыскных мероприятий, которые станут актуальными в относительно скором времени и потребуют тщательной научной разработки. По справедливому мнению С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова, перспективы развития теории оперативно-розыскных мероприятий заключаются в проведении научных исследований, направленных на обобщение уже открытой информации по оперативно-розыскным мероприятиям и ее частичной переоценке; конкретизацию сведений по мероприятиям, составляющих государственную тайну; выделение из числа оперативно-розыскных мероприятий оперативно-технических мероприятий и их самостоятельную правовую регламентацию. Перспективы развития вышеназванной теории связываются с активным использованием знаний психологии и психофизиологии при проведении мероприятий, их правовой регламентацией, а также рассмотрением вопросов о количестве предусмотренных законом оперативно-розыскных мероприятий [15; 16; 17; 27].

Сформулированное авторами определение оперативно-розыскного мероприятия в науке прижилось. Под оперативно-розыскным мероприятием авторы понимают одну из составных частей оперативно-розыскной деятельности, сведения об организации и тактике которой составляют государственную тайну, представляющую собой совокупность действий специально уполномоченных на то государственных органов и их должностных лиц, осуществляемых с соблюдением детально регламентированных законом оснований и условий, отвечающую нормам морали и нравственности и непосредственно направленную на достижение целей и разрешение задач оперативно-розыскной деятельности [20; 21; 25].

Надо поддержать ученых, считающих, что засада, захват, тарификация соединений и применение полиграфа являются оперативно-розыскными мероприятиями. Мы солидарны с С.И. Захарцевым, Ю.Ю. Игнащенковым и В.П. Сальниковым в том, что необходимо включить названные мероприятия в перечень оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренный частью 1 статьи 6 Закона об ОРД.

С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков и В.П. Сальников глубоко исследовали современное состояние науки ОРД. Вызывает большое уважение то, что они, являясь настоящими учеными, объективно подошли к таким понятиям как «оперативно-розыскная характеристика», «оперативно-розыскной кодекс», «состав оперативно-розыскного мероприятия» и четко обосновали, что эти понятия являются ни чем иным как фантомами, ложными направлениями науки ОРД. Конечно, такая хлесткая оценка не всем понравится, может быть даже вызовет озлобленность [19], однако она справедлива. Мы позицию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова поддерживаем. Так, проведенные исследования четко показали, что оперативно-розыскная характеристика практикой не востребована и ей не нужна. Также думали Р.С. Белкин, В.И. Рохлин, которые не только практической, но и теоретической значимости в разработке оперативно-розыскной характеристики не обнаружили. Авторам разработок оперативно-розыскной характеристики преступлений следовало бы обратить больше внимания на научное завещание Р. С. Белкина, который, признав криминалистическую характеристику преступления фантомом, сказал: «Остается сделать еще одно доброе дело: предупредить от совершения подобной ошибки наших коллег – специалистов в области оперативно-розыскной деятельности. В последние два-три года в литературе по теории ОРД стал мелькать новоявленный термин: “оперативно-розыскная характеристика”. На поверку оказывается, что содержание этой характеристики еще более эклектично, нежели характеристики криминалистической. Здесь и данные уголовного права, и криминологии, включая даже уголовную статистику о динамике преступлений конкретного вида, что уже никак не должно иметь места в научной абстракции (а всякая характеристика преступления – это научная абстракция, поскольку отражает только типичное и устойчивое в преступлении), и практически в полном объеме то, что составляет стержень криминалистической характеристики – данные о типичных способах преступления и их следах. Ничего оперативно-розыскного такая характеристика не содержит, она не имеет не

только практического, но и научного смысла» [1, стр. 765].

Идея разработки и принятия оперативно-розыскного кодекса тоже является фантомом. Она, во-первых, противоречит положениям теории права, во-вторых, не имеет практической значимости и, в-третьих, не поддерживается оперативными сотрудниками. То же самое относится и к разработке состава оперативно-розыскного мероприятия. Этот состав фактически представляет собой мыслительную выкладку отдельных ученых, не имеющую научной и практической значимости.

С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова надо поблагодарить уже за то, что они оградили науку ОРД от ложного пути.

Авторами традиционно много внимания уделено вопросам использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков и В.П. Сальников, как известно, являются авторами интересных законопроектов по использованию результатов ОРД в доказывании, уделяли этой проблеме достаточно внимания. В данной работе они развили свои мысли. Приятно и правильно, что авторы последовательно отстаивают необходимость установления в суде именно объективной истины [3; 8; 9, 14].

Скрупулезное внимание уделили С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков и В.П. Сальников прокурорскому надзору за ОРД [9; 22]. Надо отметить, что С.И. Захарцев и В.П. Сальников являются пионерами нового направления науки ОРД – ***юридического ОРД***, в основе которого лежит строжайшее соблюдение закона [39, стр. 177-182]. О необходимости соблюдения закона во всех сферах жизнедеятельности государства и общества неоднократно писали и другие ученые, в том числе и мы [32; 33; 34; 35; 36; 37; 46; 47]. Несомненно, что будущее науки именно за таким подходом, основанном на законности, честности и профессионализме. И отрадно, что направление под названием «юридическое ОРД» все больше получает поддержку в России. Подтверждением этому может служить все более распространяющееся в юридических вузах изучение правового регулирования ОРД. Еще недавно С.И. Захарцев в научной статье ставил вопрос о том, что судья должен знать оперативно-розыскную деятельность, а теперь основы ОРД изучаются практически везде как для борьбы с преступностью, так и для соблюдения прав человека, надзора, реабилитации [30; 38; 39; 40].

Книга содержит и много других интересных предложений.

В завершение отметим, что С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков и В.П. Сальников написали очень актуальную и полезную для науки и практики книгу. Она значительно продвинула вперед науку ОРД и уже стала базой для других монографий и учебников. И если ранее мы считали, что наука ОРД уступает криминалистике и судебной экспертизе по научной разработанности, то сейчас мы с уверенностью можем сказать, что ОРД благодаря трудам С.И. Захарцева, В.П. Сальникова и Ю.Ю. Игнащенкова уже догнала, а может быть обогнала указанные науки!

Список литературы

1. Белкин Р. С. Избранные труды. – М., 2008.
2. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
3. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
4. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
5. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2003.
6. Захарцев С.И. Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: Правовые

вопросы / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 2004;
7. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. – СПб., 2004.
8. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010.
9. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
10. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под редакцией В.П. Сальникова. – М., 2014.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. – М., 2015.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М., 2015
13. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69
14. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
15. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
17. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
18. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
19. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы в оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
20. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
21. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: К вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
22. Захарцев С.И., Пахунов А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
23. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187-192.

ДАНИЛИН Евгений Михайлович,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: nits2nii@fsin.su

ДАВЫДОВА Надежда Васильевна,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)
E-mail: nits2nii@fsin.su

ЧЕРНЫШКОВА Марина Павловна,
заместитель начальника центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: nits2nii@fsin.su

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ, В 2015-2020 ГОДАХ И НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Аннотация. *В статье представлен экспресс-прогноз численности осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (далее – ВК) территориальных органов ФСИН России, на ближайшее пятилетие и период до 2030 года. Приводятся данные общероссийской статистики, а также ФСИН России и МВД России. Выявлены тенденции снижения численности осужденных ВК. Рассматриваются предполагаемые последствия предложения по изменению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части увеличения предельного возраста содержания осужденных в воспитательной колонии до 25 лет.*

Ключевые слова: *воспитательная колония; несовершеннолетние осужденные; численность; статистическая отчетность; прогноз численности.*

DANILIN E.M.
DAVYDOVA N.V.
CHERNYSHKOVA M.P.

FORECAST OF THE NUMBER OF CONVICTS CONTAINED IN JUVENILE CORRECTIONAL FACILITIES, IN 2015-2020 AND FOR THE PERIOD TILL 2030

The summary. *The paper presents a rapid forecast of the number of convicts serving sentences in juvenile correctional facilities (hereinafter VC) of territorial bodies of the FSIN of Russia for the*

next five years and the period up to 2030. Data of the Russian statistics and the Federal penitentiary service of Russia and Ministry of internal Affairs of Russia. The trends of reduction of the number of convicts VC. Discusses the estimated impact of the proposals to change the Criminal Executive code of the Russian Federation in terms of increasing the age limit for the detention of convicts in the colony up to 25 years.

Key words: *educational colony; juvenile offenders; juveniles convicted; statistical reporting; forecast of the number.*

В системе исполнения наказаний Российской Федерации на февраль 2015 года функционируют 30 воспитательных колоний (далее – ВК), из которых 2 колонии – для несовершеннолетних осужденных женского пола. Данные статистической отчетности свидетельствуют об общей для всех регионов тенденции снижения численности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Чтобы спрогнозировать изменение численности осужденных на следующее пятилетие и пятнадцатилетие, необходимо учитывать многие факторы, в числе которых социально-экономическая и демографическая ситуация в стране, концепция уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, состояние преступности, характер и категория совершенных преступлений, применение актов амнистии, тенденции изменения личности преступника и т.д.

Остановимся на некоторых из перечисленных факторов, проанализируем официальные статистические данные, а также результаты исследований, ранее проведенных сотрудниками Научно-исследовательского института ФСИН России.

Анализируя данные демографической ситуации в России, констатируем: процесс сокращения количества осужденных в ВК совпал с процессом снижения рождаемости населения в 90-е годы XX века и начала XXI столетия. Несмотря на то, что подростковое население страны в возрасте 15-19 лет сокращается (2010 г. – 8389394 чел., 2013 г. – 7152149 чел., т.е. на 14,8%), с 2009 года число россиян в целом увеличилось на 929000 чел. [4].

Увеличение родившихся в настоящее время детей (2010 г. – 1641644 чел., 2013 г. – 1888640 чел., т.е. на 13,08%) [4], которые к 2030 году достигнут возраста уголовной ответственности, также может сказаться на росте числа осужденных в ВК.

По данным официальной статистики на протяжении последних пяти лет отмечается снижение числа несовершеннолетних, совершивших преступления: в 2013 г. по сравнению с 2009 г. количество выявленных подростков, совершивших преступления, сократилось с 85452 чел. до 60761 чел., т.е. на 28,9% или в 1,4 раза (Таблица 1).

В последние годы происходит постепенное незначительное сокращение среднесписочной численности несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК, которая в 2014 г. по сравнению с 2010 г. уменьшилась в 2,62 раза (Таблица 2). При этом доля несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК, в общей совокупности среднесписочной численности контингента учреждений УИС, в последние два года изменяется незначительно, оставаясь в пределах 0,3 % (от 0,32% в 2013 г. до 0,29% в 2014 г.).

Применение судами отсрочки приговора, изменение сроков условно-досрочного освобождения в сторону снижения сроков его применения, назначение наказаний, не связанных с лишением свободы (в т.ч. ограничение свободы), явились причиной стабилизации контингента осужденных в ВК. Здесь в своем большинстве концентрируются лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления (2010 г. – 87,7%, 2011 г. – 94,2%, 2012 г. – 85,3%, 2013 г. – 90,1%, 2014 г. – 85,9%) [2; 3; 7; 10]. При этом средняя убыль численности такой категории лиц составляет 6,6 %, а ее средний прирост – 5,7 % (разница составляет 1,2%).

Учитывая равномерное чередование увеличения и уменьшения количества несовершеннолетних осужденных за тяжкие и особо тяжкие

Таблица 1

Количество выявленных лиц,
совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [9]

Годы / Показатели	2009	2010	2011	2012	2013
Количество выявленных лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте (чел.)	85452	72692	65963	59461	60761
Соотношение к предыдущему году (%)	-1,3	-1,2	-1,1	-1,1	+0,9

Таблица 2

Соотношение среднесписочной численности
несовершеннолетних осужденных к общему количеству осужденных

Годы / Показатели	2010	2011	2012	2013	2014
Среднесписочная численность лиц, содержащихся в учреждениях УИС (чел.) [6]	825707	774226	701909	688583	666004
Среднесписочная численность несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК (чел.) [8]	4981	3248	2554	2200	1901
Доля несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК, от среднесписочной численности контингента учреждений УИС (%)	0,6	0,42	0,36	0,32	0,29

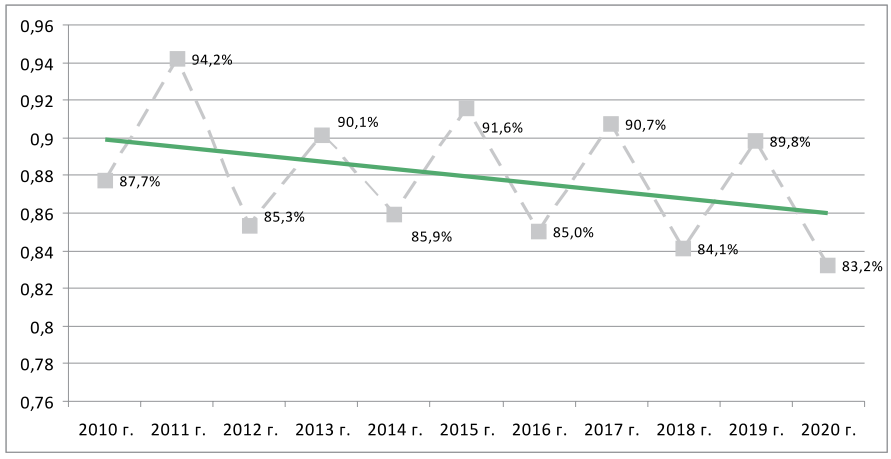

Рис. 1. Экспресс-прогноз прироста количества несовершеннолетних осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления на период до 2020 года.

преступления, можно предположить, что в 2015 году (при сохранении внешних условий) представленность такой категории лиц составит 91,6%, а к 2020 году – 83,2% (Рис. 1). Несмотря на некоторый негативный прирост, ее выраженность останется значимо выраженной.

Данная категория несовершеннолетних осужденных отбывает сроки наказания от трех и более лет. Это означает, что почти две трети осужденных не успевают завершить назначенный судом срок отбывания наказания в ВК и переводятся в исправительные колонии (далее – ИК) общего режима. Данное обстоятельство негативно сказывается на личности переводимого осужденного, его поведении в ВК. Кроме того, перевод осужденных из ВК в ИК нарушает важный педагогический принцип непрерывности воспитания и исправления.

В настоящее время законодателем рассматривается предложение, инициированное ФСИН России, по изменению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части увеличения предельного возраста содержания осужденных в ВК до 25 лет. Предложенное изменение законодательства вполне вписывается в гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики, проводимой сегодня в нашей стране. Однако в случае его принятия (что может произойти в ближайшее время) нынешняя ситуация, связанная с количеством осужденных ВК, в корне изменится.

Статистика показывает, что ежегодно около 2000 осужденных, достигших предельного возраста пребывания в ВК (18 лет, но не более чем 19 лет: статья 139 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [1], переводятся из воспитательных колоний в исправительные колонии общего режима [5]. При условии принятия предложения по изменению законодательства перевод таких лиц осуществляться не будет.

Из ВК за год освобождается около 800-900 несовершеннолетних осужденных (в 2014 г. – 865 чел.) [8]. Если допустить, что ежегодно будет освобождаться такое же количество лиц, ранее переведенных из ВК в ИК в связи с достижением совершеннолетия, то общее количество освобождающихся подростков или бывших подростков составит примерно 1500-1600 чел.

Разница между двумя показателями, характеризующими прибыль и убыль численности осужденных двух схожих категорий (соответственно 2000 чел. и 1500 чел.) составит примерно 400-500 чел. – это есть то количество лиц, которое будет оставаться в учреждении.

Исходя из произведенных экспресс-расчетов, можно заключить, что с каждым годом к общему числу осужденных в ВК (в 2014 году – 1901 чел.) [8] будет добавляться по 400-500 чел. В таком случае к 2020 году количество таких осужденных может увеличиться, ориентировочно оно будет составлять 4500-5000 чел., а к 2030 году – 9000-10000 чел.

В ближайшее время в условиях создавшегося в 2015 году в России ухудшения социально-экономической обстановки, возникшего финансового кризиса, безработицы, значительной миграции граждан из ближнего зарубежья, можно предположить рост преступности в стране, в том числе и лиц несовершеннолетнего возраста.

В связи с вышеизложенным, можно сделать следующие выводы:

1. До принятия предложений по изменению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части увеличения возраста пребывания осужденных в воспитательной колонии до 25 лет, будет наблюдаться стабилизация количества осужденных в пределах 2000 человек с незначительными колебаниями.
2. С момента принятия предложений по изменению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части увеличения возраста пребывания осужденных в воспитательной колонии до 25 лет, произойдет ежегодный рост количества осужденных в ВК. К 2020 году количество осужденных в ВК достигнет, примерно, 4500-5000 чел., а к 2030 году – 9000-10000 чел.
3. Для более точного прогноза численности несовершеннолетних осужденных ВК необходимо проведение дополнительного исследования.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
2. Данилин Е.М., Давыдова Н.В. Характеристика несовершеннолетних осужденных. // Характеристика осужденных (аналитический материал). – М., 2014. – С. 43-57.
3. Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях (по материалам специальной переписи осужденных 12-18 ноября 2009 г.). – М.: Юриспруденция, 2011. – 90 с.
4. Демографический ежегодник России 2010: Стат.сб. /Росстат. – М., 2010. – 525 с. – URL: http://www.The Demographic Yearbook of Russia (дата обращения: 01.02.2015).
5. Информационно-аналитическая справка о целесообразности создания изолированных участков для отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в исправительных колониях. – М.: УВСПР ФСИН России, 2014. – 6 с.
6. Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы за 2010-2014 г.г. (Форма: ФСИН-1). – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015.
7. Кузьмин А.Н., Давыдова Н.В., Данилин Е.М. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.– 2013. – № 4. – С. 6-13.
8. Отчет о работе воспитательных колоний за 2010-2014 г.г. Таблица 3: Сведения о численности, движении и составе осужденных (Шифр формы: ВК). – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015.
9. Состояние преступности в России (2009-2013 г.г.). – М.: МВД России, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fsartraccc.ru%2FCrimstat%2F2013.pdf&lang=ru&c=5559d0360665 (дата обращения: 01.02.2015).
10. Характеристика осужденных: аналитический материал на 1 июня 2014 года: ФКУ НИИ ФСИН России. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. – 48 с.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются особенности построения и функционирования современной мировой финансовой системы в условиях глобализации. Отмечается отсутствие в настоящее время валюты, которая имела бы официально признанный международный характер, и исследуются возникающие в связи с этим проблемы. Приводится разделение национальных валют по "сортам", возможности использования этих валют на мировых финансовых и товарных рынках и возникающее в связи с этим разделение стран на высокоразвитые и страны "третьего мира". Отмечаются опасные последствия, которые может вызвать обрушение доллара США для всей современной мировой финансовой системы.*

Ключевые слова: *мировая финансовая система; глобализация; денежная система; валюта; мировые финансовые и товарные рынки.*

KONDRAT E.N.

THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: MODERN PROBLEMS OF FUNCTIONING

The summary. *The features of construction and operation of the modern global financial system in the context of globalization. There is currently no currency, which would have officially recognized international character and explores arising in connection with this problem. Is a division of the national currencies, the possibility of using these currencies in global financial and commodity markets and arising in connection with the separation of the highly developed countries and the countries of the "third world". There have dangerous consequences, which can cause the collapse of the US dollar for the whole of the modern global financial system.*

Key words: *global financial system; globalization; monetary system; currency; global financial and commodity markets.*

Глобализация, традиционно рассматривавшаяся преимущественно в аспекте деятельности транснациональных корпораций, стремительно перерастает в единство мирового рынка и

связанную с этим интеграцию национальных денежных систем, банковского сектора, страховых услуг, инвестиционных механизмов и других элементов, еще недавно существовавших в качестве внутренних финансовых инструментов [16].

Из сферы мировой финансовой системы исходят разнообразные вызовы, угрожающие безопасности многих стран, в том числе и России [1; 2; 3; 17; 18]. Все это требует государственного реагирования, причем именно совместные действия стран Содружества могут оказаться существенно более эффективными, чем разрозненные и нескоординированные [7; 8; 9; 10; 15].

Но для того чтобы понять сущность этих действий, надо более тщательно понять основы современной мировой финансовой системы (мирового финансового порядка).

Современная мировая финансовая система основана на двух главных принципах [22].

1. На мировом пространстве не существует конституциированной денежной системы, т.е. денежной системы, основанной на обязательных для всех стран законах или договорах. Используемые в настоящее время на мировом пространстве денежные средства, такие как доллар или евро, де-юре есть чисто национальные деньги, международный статус которых не подкреплен никакими международными договорами.

Это существенно отличает наше время от предшествующих времен. Во времена золотомонетного стандарта мировыми, де-факто и де-юре, являлись любые национальные монетные золотые деньги, причем взаимоотношения между различными валютами определялись по весу содержащегося в них золота.

В послевоенный период до 70-х гг. доллар как мировая валюта имел конституциированный характер. Этот характер ему придавали Бреттон-Вудские соглашения, придавшие доллару характер мировой валюты. Но в 70-е гг. это соглашение было дезавуировано, и в настоящее время ни одна национальная валюта не имеет официально признанного международного характера. Доллар, евро, отчасти иена, британский фунт стерлингов и швейцарский франк используются как мировые деньги по факту, но не по закону или по международно-договорным отношениям.

Это вызывает определенные проблемы. Отсутствие международных договоров и соглашений в области использования национальных валют в качестве мировых денег приводит к тому, что государства – резиденты мировых валют не имеют перед мировым сообществом, использующим эти деньги, никаких зафиксированных на договорном уровне обязательств. Они могут действовать в финансовой сфере, руководствуясь сугубо национальными интересами, а вызываемые этими действиями последствия для других стран и народов они могут учитывать, а могут и не учитывать. Никаких обязательств и принуждений к этому в настоящее время не существует [4].

Но и иные государства, де-юре, свободны в своих действиях (или бездействиях) по отношению к этим валютам. Например, не существует международных договоров, которые бы требовали от всех государств защиты наличных (бумажных) денег иных государств. Например, осуществлять действия, направленные против фальшивомонетничества нерезидентных денег на территории страны, преследовать и карать лиц, занимающихся фальшивомонетничеством нерезидентных валют. И это вполне понятно. Ведь в настоящее время существует более двухсот суверенных государств, являющихся в международно-правовом плане равноправными [5; 6; 11; 12; 13; 14; 19; 20; 21]. И защищать валюты всех этих государств просто физически невозможно. И потому та защита, которую оказывают деньгам некоторых государств или объединений государств – США, ЕС и др. – есть дело сугубо добровольное этих государств, от чего в принципе любое из них может в любое время отказаться либо представлять такую защиту только на паритетной основе. Максимум, что могут потребовать США или Европа в сфере защиты своих бумажных денег от других стран, – это предоставление таковой на базе законов по защите интеллектуальной собственности. Но понятно, что это очень слабый уровень защиты, который несопоставим с представляемой добровольно большинством стран защиты по законам против фальшивомонетничества национальных денег. Таким образом, возможность снятия защиты с нерезидентных денег с возможностью весьма серьезных последствий для национального и международного денежного обращения денег, используемых в качестве мировых,

есть оборотная сторона медали неконституцированных национально-мировых денежных средств. Этот момент Д.А. Медведев назвал «национальным эгоизмом».

2. По мнению В.М. Юровицкого, особенностью мировой денежной системы XXI в. является разделение национальных валют по «сортам». Таких сортов три.

Первый сорт есть национально-мировые валюты. Это национальные деньги, используемые в качестве мировых денег. Таких фактически пять: доллар США, евро, британский фунт стерлингов, японская иена, швейцарский франк. Государство – эмитент этих денег может выходить на мировые товарные и финансовые рынки своими национальными деньгами, которые оно же и эмитирует, т. е. создает «из ничего».

Деньги второго сорта – это деньги, которые сами по себе на мировых товарных и финансовых рынках не используются, но они могут быть обменены на мировые деньги на мировом валютном рынке – рынке «ФОРЕКС». Таким образом, владельцам этих денег достаточно создать, сэмитировать национальные деньги, а затем их обменять на мировые. Таким образом, по своим свойствам эти деньги близки к деньгам первого сорта. Часто эти два сорта денег объединяют под единым названием «свободно конвертируемые валюты» – СКВ. К государствам с СКВ относятся все государства так называемого золотого миллиарда.

Деньги третьего сорта – все остальные валюты. При этом деньги таких государств на валютном рынке не котируются. Причем в этот класс валют относятся как свободно внутренне конвертируемые валюты (например, деньги РФ), так и валюты стран с неконвертируемыми валютами или с валютами с жесткой регламентацией и управлением процессом конвертации (валюта СССР, в настоящее время валюты КНДР, Туркмении и т. д.).

Но для выхода на мировые товарные и финансовые рынки и этим государствам нужны мировые деньги. Откуда они их берут? Они не могут использовать собственные деньги. Не могут взять их с мирового валютного рынка. Они могут получить их только на мировом товарном рынке. То есть им надо продать на мировом товарном рынке плоды своего труда или ресурсы, получить на этом рынке мировые валютные средства, которые и использовать в дальнейшем в мировом экономическом процессе. Более того, нынешняя мировая финансовая система требует создания у этих стран специальных банковских резервов мировых валют. Таким образом, мы видим, какое громадное неравноправие стран создает нынешняя мировая финансовая система – мировой финансовый порядок. К странам с валютой этого типа относятся слаборазвитые и развивающиеся страны, а также так называемые страны с переходной экономикой. Все эти страны принято объединять под названием «страны третьего мира» («второй мир» – мир социалистических стран – практически исчез в ходе всемирной политической революции 90-х гг.).

Таким образом, мир поделен на высокоразвитые страны – ВРС и страны «третьего мира» – СТМ. Конечно, грань между этими странами не абсолютно четкая, она размыта, и имеются некоторые промежуточные страны. Россия и все страны Содружества Независимых Государств автоматически оказались при распаде СССР в лагере СТМ [22].

Все нерезидентные деньги, находящиеся в странах «третьего мира», все денежные средства, находящиеся в высокоразвитых странах и принадлежащие финансовым лицам из СТМ, и представляют стоимостное выражение тех продуктов и ресурсов, что отданы фактически безвозмездно развивающимися странами высокоразвитым. Объем этих средств огромен. По приблизительным оценкам, он составляет величину порядка 100 000 000 0000 0000 (сто триллионов) долларов США. Именно такова цена высокого уровня жизни стран золотого миллиарда, такова цена эксплуатации стран «третьего мира» высокоразвитыми с помощью механизма мировых финансов. Создан этот механизм эксплуатации во время и после Второй мировой войны. Причем образцом для него послужила финансовая система оккупационных денег, разработанная фашистской Германией с целью эксплуатации покоренных территорий.

Нынешняя мировая финансовая система получила название Ямайской валютной системы. За последние столетия Европа, а затем и все мировое сообщество прошло целый ряд мировых валютных систем – Парижскую, Лозаннскую (послеверсальскую), Бреттон-Вудскую. Нынешняя мировая финансовая система также не вечна. И в настоящее время

уже начинаются дискуссии по вопросу о том, какая новая мировая финансовая система должна прийти на смену нынешней. Эти обсуждения приобрели особую значимость в связи с тем, что столп современной финансовой системы – доллар США – начал шататься и может обрушиться, развалив не только сами Соединенные Штаты, но и всю нынешнюю мировую финансовую систему, под обломками которой могут оказаться государства и целые континенты. Это может быть куда масштабнее и страшнее, чем Великая депрессия 30-х гг. прошлого века, только в США, по некоторым данным, унесшая около 10 млн. жизней [22].

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
2. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
4. Анищенко А.В. Россия в системе глобальных рисков: долларизация как угроза экономической безопасности страны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 6.
5. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
6. Вихров А.А., Третьяков И.Л. Суверенитет современной Российской Федерации: сущность и проблемы укрепления: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический ун-т, 2005.
7. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
8. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
9. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
10. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
11. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69.
12. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внешних качеств суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 174-181.
13. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
14. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
15. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
16. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
17. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 110.
18. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.

19. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
20. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 339 с.
21. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.
22. Юровицкий В. М. Россия в мировой финансовой системе. URL: http://www.yur.ru/money/MirFin.htm.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

КИРЮШКИНА Наталья Олеговна,
научный сотрудник Центра Правовых исследований «Эклитос» (г. Москва, Россия)
E-mail: illuzia.1980@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. *Статья посвящена основам организации прокурорского надзора за ОРД. В ней рассказывается об истории прокурорского надзора за ОРД, отражаются основные принципы прокурорского надзора за ОРД, исследуется порядок осуществления указанного вида надзора. В статье особо обращается внимание на важность прокурорского надзора за ОРД для обеспечения режима законности и соблюдения прав человека.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор; оперативно-розыскная деятельность; защита прав человека; законность.*

ZAKHARTZEV S.I.
KIRYUSHKINA N.O.

BASICS OF ORGANIZATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION FOR INVESTIGATIVE ACTIVITY

The summary. *The article is devoted to basics of prosecutorial supervision for investigative activity. Here one read about the history of prosecutorial supervision for investigative activity, main principles of prosecutorial supervision are reflected, the order of implementation of the mentioned type of supervision is researched. In the article we underlined the importance of prosecutorial supervision for investigative activity in the aim to provide the regime of legality and respect for human rights.*

Key words: *prosecutorial supervision; investigative activity; protection of human rights; legality.*

Прокурорский надзор за соблюдением законности при осуществлении ОРД является относительно новым направлением деятельности прокуратуры. В законодательстве России он впервые появился с принятием в 1992 г. Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», где имелась статья, регламентирующая прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Ранее, как заметил А. Ф. Козусев, поскольку ОРД регламентировалась подзаконными актами, носящими закрытый характер, только «прокурор не ниже областного уровня мог вмешаться в эту сферу, при определенных обстоятельствах» [56, стр. 231-232]. Более того, по свидетельству В. И. Баскова, в 1960–1970-е годы Генеральный прокурор СССР издал ряд приказов руководящего характера, которыми строго предписал прокурорам и следователям не вмешиваться в оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, тех же прокуроров и следователей, которые это предписание нарушали, он строго наказывал [5, стр. 171].

Первым приказом прокуратуры России, касающимся осуществления надзора за ОРД, стал Приказ Генпрокуратуры РФ от 20 мая 1993 г. № 15 «Об организации надзора за исполнением Закона Российской Федерации “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации”» [14], в котором были даны основополагающие указания подчиненным прокурорам относительно их полномочий по надзору за осуществляющими указанную работу органами.

Ныне действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [1] также не обошел вниманием сферу прокурорского надзора. Статья 21 этого Закона регламентировала прокурорский надзор за органами, осуществляющими ОРД, указав, что надзор за исполнением законов Российской Федерации органами ОРД осуществляют Генеральный прокурор и уполномоченные им прокуроры. Появление понятия «уполномоченный прокурор» предопределило ограничение круга прокуроров, надзирающих за законностью в сфере ОРД. Такое ограничение связано со спецификой тактических приемов, методов и средств, применяемых при осуществлении указанной деятельности, сведения о которых составляют государственную тайну.

Жесткое ограничение круга прокуроров связано также со спецификой деятельности оперативных подразделений, каждое из которых относится к определенному ведомству и имеет определенные задачи. Эта специфика учитывается при разграничении полномочий прокуратур по осуществлению надзора. Например, военные прокуроры осуществляют надзор за соблюдением законности при осуществлении ОРД органами внешней разведки Российской Федерации и органами внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации. Территориальные прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов в сфере ОРД при осуществлении ее оперативными подразделениями органов внутренних дел, ФСИН и др.

Прокуроры субъектов Федерации и приравненные к ним прокуроры несут персональную ответственность за организацию надзора. Этим прокурорам поручено назначить уполномоченных прокуроров в подчиненных им прокуратурах. Список уполномоченных прокуроров направляется руководителям органов, ее осуществляющих.

Перед назначением на должность, связанную с таким надзором, прокурорам в установленном порядке оформляется допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. В случае, если прокурор в силу установленных законом причин не может быть допущен к сведениям, составляющим государственную тайну, к осуществлению надзора за ОРД он не допускается.

Уполномоченные прокуроры несут персональную ответственность за сохранение государственной тайны, а также иных сведений, ставших им известными в ходе осуществления надзора. В случае несоблюдения уполномоченным прокурором режима защиты сведений, составляющих государственную тайну, он может понести установленную законом ответственность, в том числе уголовную. Ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, предусмотрена ст. 283, за утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, – ст. 284, за халатность – ст. 293 УК РФ. В целях защиты сведений, содержащих государственную тайну, получила распространение практика изучения прокурорами оперативных материалов и документов непосредственно в помещениях органов, ее осуществляющих.

Законодательство о прокуратуре и ОРД периодически изменялось, что приводило к изданию приказов Генерального прокурора РФ, конкретизирующих требования законов. Так, относительно долго действовал Приказ Генпрокуратуры РФ от 25 апреля 2000 г. № 56 «Об организации надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"». Затем жизнь объективно обусловила издание нового нормативного правового акта о прокурорском надзоре за ОРД. Этим актом стал Приказ Генпрокуратуры РФ от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"». Сейчас действует приказ Генерального прокурора РФ от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

При организации и осуществлении надзора за ОРД уполномоченные прокуроры обязаны обеспечить в том числе:

- законные гарантии соблюдения прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- права и законные интересы физических и юридических лиц;
- законность при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях;
- соблюдение установленных законом запретов при осуществлении ОРД.

Таким образом, необходимо согласиться с мнением А.Г. Халиуллина о том, что предмет прокурорского надзора в настоящее время следует понимать шире, чем законность проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий или принятия отдельных решений органами, осуществляющими ОРД. По мнению указанного автора, предметом прокурорского надзора является законность оперативно-розыскной деятельности в целом как вида государственной правоохранительной деятельности [59, стр. 219-220].

Это замечание А.Г. Халиуллина совершенно верно потому, что наверное нет более специфической государственной деятельности чем ОРД. ОРД подразумевает ограничение конституционных прав человека и вторжение в его личную жизнь [13; 16; 19; 20; 28; 35]. При этом ОРД нередко осуществляется негласно, о чем мы не раз писали [17; 23; 29; 30; 32]. Поэтому за законностью осуществления такой работы надо достаточно тщательно надзирать [31]. Нельзя забывать конституционное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей социальной ценностью российского общества и государства [2; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15; 18; 21; 25; 26; 27; 36; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 57; 58; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 79].

Деятельность уполномоченных прокуроров в равной степени должна способствовать как обеспечению гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, так и выполнению задач ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, изобличению виновных и розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда либо уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыску без вести пропавших граждан. Иначе говоря, прокурор должен принимать все необходимые меры для того, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни одно виновное лицо не избежало установленной законом ответственности. Прокурорский надзор должен быть занят не только проверкой законности действий субъектов ОРД, но и оказанием им со стороны прокуратуры необходимой помощи. При этом ОРД – наиболее информативная деятельность, направленная на достижение объективной истины [21].

Проверка исполнения субъектами ОРД закона проводится:

- в случаях обращений граждан, юридических и должностных лиц;
- по результатам изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях или при поступлении информации о ненадлежащем реагировании на поручение следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определение суда по уголовным делам, находящимся в производстве данного субъекта;
- в плановом порядке, в том числе по указанию вышестоящего прокурора;
- в других случаях, в том числе с учетом

состояния законности в этой сфере деятельности и отсутствия положительных результатов по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, при раскрытии преступлений, розыске обвиняемых или подозреваемых по уголовным делам и лиц, без вести пропавших.

Закон предусматривает определенные исключения из прокурорского надзора:

- сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности;
- оперативно-служебные документы (оперативные материалы) об осуществлении органами ФСБ оперативно-розыскных мероприятий в рамках контрразведывательной деятельности можно истребовать только в случаях проведения проверок в порядке надзора по поступившим в прокуратуру материалам, информации и обращениям граждан, свидетельствующим о нарушении этими органами законодательства Российской Федерации;
- сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления контрразведывательной и разведывательной деятельности органов безопасности в предмет прокурорского надзора не входят;
- в ходе надзорных мероприятий в Службе внешней разведки РФ и органе внешней разведки Министерства обороны РФ могут изучаться только те оперативно-служебные документы, которые связаны с обеспечением собственной безопасности указанных органов.

Сведения об осуществлении оперативно-розыскной деятельности, как правило, отражаются в соответствующих делах оперативного учета. Поэтому уполномоченные прокуроры в ходе надзора обязательно должны проверять законность, обоснованность и соблюдение установленного порядка заведения таких дел, сроков и правил их ведения. В практической деятельности встречаются также факты несоблюдения сроков прекращения ведения дел, что является нарушением: согласно Закону об ОРД, оперативная проверка должна быть прекращена в случае решения конкретных задач ОРД или при установлении обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности их решения.

Кроме того, в прокурорский надзор входит:

- соблюдение обязательной регистрации дел оперативного учета и других оперативно-служебных материалов, законность постановки и снятия с оперативного и иных видов учета лиц, в отношении которых заводились такие дела и материалы;
- наличие полномочий у лиц, осуществляющих ОРД, а также принимающих решения о заведении, продлении сроков и прекращении ведения дел и иных оперативно-служебных материалов, проведении оперативно-розыскных мероприятий, представлении результатов ОРД следователю, руководителю следственного органа, органа дознания или в суд;
- отсутствие фактов, свидетельствующих об укрытии преступлений и незаконном освобождении от уголовного преследования.

При проведении надзора следует учитывать, что, в отличие от возбуждения уголовного дела, факт заведения дела оперативного учета в отношении конкретного лица не является основанием для ограничения его конституционных прав и свобод, а также законных интересов.

Осуществляя надзор за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, прокурор должен обращать внимание на соответствие мероприятий целям и задачам ОРД, законность и обоснованность решений об их проведении или прекращении. Как показывают материалы уголовных дел в отношении сотрудников органов внутренних дел имеются, увы, случаи проведения мероприятий не для решения указанных задач, а в личных целях. Так, встречаются факты наблюдения за женами и любовницами, прослушивания телефонных переговоров бизнесменов по «заказу» их конкурентов, сбора компрометирующей информации в интересах частных лиц, иные вопиющие нарушения закона. Все такие действия, по нашему убеждению, связаны с дефектами правосознания оперативных сотрудников, их профессиональной деформацией [22; 24; 34].

Нарушения закона должны немедленно пресекаться, а виновные в их совершении – привлекаться к ответственности. Поэтому, осуществляя надзор, прокурор должен видеть конкретную цель проведения оперативно-розыскных мероприятий, не забывая проверять и обоснованность прекращения того или иного мероприятия.

Помимо перечисленного, прокурор должен следить за тем, чтобы органы, осуществляющие ОРД:

- не проводили оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественного или религиозного объединения;
- не принимали негласного участия в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;
- не разглашали сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, которые стали известными в процессе проведения мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Особое внимание в ходе надзора нужно уделять соблюдению специально предусмотренных условий проведения оперативно-розыскных мероприятий. Там нередко встречаются нарушения законности. В частности, распространенным нарушением закона является утверждение постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий не руководителем органа, осуществляющего ОРД, а начальником структурного подразделения этого органа. Такое нарушение в дальнейшем приводит к невозможности легализации полученных результатов ОРД в уголовном судопроизводстве либо признанию ничтожными полученных на их основе доказательств.

В практической деятельности нередко встречается и другое нарушение закона – совершение оперативным сотрудником так называемой «оперативной провокации», т. е. подстрекательства, склонения, побуждения (в прямой или косвенной форме) к совершению противоправных действий. Указанное нарушение, как правило, допускается в случае, когда провоцируют лицо, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие. Это характерно для проверочной закупки и оперативного эксперимента [33]. Задачей прокурорского надзора является не только выявление подобных фактов, но и недопущение появления результатов незаконно проведенных мероприятий в уголовном судопроизводстве.

Важное место в прокурорском надзоре занимает обеспечение соблюдения специально предусмотренных условий проведения мероприятий, ограничивающих права человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также на неприкосновенность жилища. Эти права предусмотрены Конституцией Российской Федерации и могут быть ограничены в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий только на основании судебного решения при наличии информации, указанной в ст. 8 Закона об ОРД. Прокурор, осуществляя надзор за законностью проведения названных мероприятий, должен убедиться в том, что у органа, осуществляющего ОРД, имелась такая информация, что мероприятия проводились по соответствующей категории уголовных дел, а также в наличии судебного решения о проведении мероприятий [27].

Любое уголовное дело должно расследоваться в соответствии с действующим законодательством и обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [3; 4; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48].

Если мероприятия проводились в случаях, которые не терпят отлагательства, прокурору следует удостовериться в наличии оснований для проведения таких мероприятий в экстренном режиме, в своевременном уведомлении суда и своевременном получении судебного разрешения.

Повышенного внимания прокурора требуют случаи, предусмотренные ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД, когда прослушивание телефонных переговоров допускается без судебного разрешения. Это возможно при возникновении угрозы жизни, здоровью или собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме. При таких обстоятельствах для проведения прослушивания телефонных переговоров

необходимо только мотивированное постановление, утвержденное начальником оперативно-розыскного органа, и уведомление суда о прослушивании в течение 48 часов с момента его начала. Осуществляя надзор, прокурор должен обязательно проверить следующее: обоснованность указанного прослушивания; наличие постановления, утвержденного руководителем оперативно-розыскного органа; существование заявления или письменного согласия лиц на проведение мероприятия; законность получения согласия на проведение прослушивания; факт уведомления суда и его своевременность.

Следует также обращать внимание на сроки проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Время действия постановления судьи о разрешении на проведение такого мероприятия исчисляется непрерывно в сутках со дня его вынесения и не может превышать 6 месяцев, если иное не указано в самом постановлении. Продление срока допускается по новому судебному решению на основании вновь представленных материалов.

В соответствии с ч. 9 ст. 8 Закона об ОРД прокурор должен следить за тем, чтобы обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи не проводились по следующим основаниям:

- для допуска к сведениям, составляющим государственную тайну;
- для допуска к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды;
- для допуска к участию в оперативно-розыскной деятельности или доступа к материалам, полученным в результате ее осуществления;
- для установления или поддержания с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- для выдачи разрешений на частную детективную и охранную деятельность.

Как известно, согласно ст. 7 Закона об ОРД, к основаниям проведения оперативно-розыскных мероприятий относятся в том числе: поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве; запросы других органов, осуществляющих ОРД; запросы международных правоохранительных органов иностранных государств. Нарушения сроков исполнения таких запросов и поручений типичны практически для всех органов, осуществляющих ОРД. Указанные нарушения прокурор должен решительно пресекать.

Для фиксации результатов мероприятий нередко используются информационные системы, видео- и аудиозапись, фотосъемка, а также другие технические и иные средства. Обязательным условием дозволенности применения указанных средств является их безвредность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды. Вопрос о том, не наносят ли используемые технические средства вреда людям, в том числе сотрудникам правоохранительных органов, также должен находиться в поле зрения прокурора.

Заслуживают внимания некоторые отдельные вопросы прокурорского надзора за законностью использования результатов ОРД в уголовных делах. Повторим, что полученные с нарушением закона результаты ОРД не удовлетворяют требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам в части допустимости, и поэтому, согласно п. 3 ч. 2 ст. 75 и ст. 89 УПК, не могут использоваться в уголовном судопроизводстве. Мнение о допустимости использования незаконных результатов ОРД в уголовном процессе, высказанное некоторыми авторами, было осуждено как учеными, так и практическими работниками. Однако нужно иметь в виду, что указанное ошибочное мнение было растиражировано в учебной литературе по ОРД, на которой выучились оперативники, искренне убежденные в возможности представления в уголовное дело незаконно полученных результатов. В связи с этим прокурор, осуществляя надзор, должен тщательно проверять, соблюдены ли установленные Законом об ОРД правила получения результатов оперативно-розыскной деятельности и не допущено ли фальсификации указанных результатов.

К названной проблеме тесно примыкают поднадзорные прокуратуре вопросы законного представления результатов ОРД в уголовный процесс. Так, копия постановления о представлении результатов ОРД в обязательном порядке

должна храниться в соответствующем деле оперативного учета, а в случае его отсутствия – в материалах специального номенклатурного дела.

В ходе и по результатам проведения проверок, а также при восстановлении нарушенных прав и свобод граждан и устранении иных нарушений закона, допущенных должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, обязан в том числе:

- знакомиться с подлинными оперативно-служебными документами, включая дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств,
- знакомиться с учетно-регистрационную документацией;
- знакомиться с ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- получать объяснения от должностных лиц и сотрудников органов, осуществляющих ОРД, по поводу выявленных нарушений закона;
- решать вопрос об опротестовании противоречащих закону правовых актов руководителей органов, осуществляющих ОРД.

Уполномоченным прокурорам надлежит, используя предоставленные им полномочия, пресекать нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц при осуществлении ОРД, принимать своевременные меры к их восстановлению, возмещению причиненного вреда и (при наличии оснований) привлечению виновных должностных лиц и сотрудников к установленной законом ответственности.

В случаях незаконного отказа от выполнения требований уполномоченных прокуроров в зависимости от обстоятельств следует рассматривать это как невыполнение требований прокурора или воспрепятствование его законной деятельности. Прокурор в такой ситуации, при наличии оснований, должен принимать меры для привлечения виновных к предусмотренной законом ответственности.

В ходе надзора прокурору приходится решать не только вопросы о законности проведения мероприятий и ведения дел. В практической работе встречаются случаи обращения к прокурору и сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Например, согласно ч. 5 ст. 16 Закона об ОРД время выполнения упомянутыми сотрудниками специальных заданий в организованных преступных группах, а также время их службы в должностях штатных негласных сотрудников указанных органов подлежит зачету в выслугу лет для назначения пенсии в льготном исчислении. В случае неправильного исчисления пенсии сотрудники обращаются с жалобой к надзирающему прокурору.

Теперь нам хотелось бы обратить внимание на следующее.

Рассмотренные выше требования Закона об ОРД и Приказа Генпрокуратуры РФ о прокурорском надзоре за ОРД в практической работе постоянно вызывают вопросы, а иногда и конфликты. В основе этих конфликтов лежит прежде всего проблема пределов прокурорского надзора и полномочий прокурора при осуществлении ОРД.

Определенная вина за сложившуюся ситуацию лежит на законодателе. В первой редакции Закона об ОРД (1995 г.) сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления оперативно-розыскной деятельности в предмет прокурорского надзора не входили. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 21 названного Закона, прокурор был вправе знакомиться только с оперативно-служебными документами, послужившими основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Однако уже через четыре года эти положения были кардинально пересмотрены законодателем. Из ст. 21 Закона об ОРД были исключены положения о том, что к предмету прокурорского надзора не относятся сведения об организации, тактике, методах и средствах ОРД. В названную статью были внесены и другие изменения. Так, в настоящее время по требованию прокуроров руководители органов, осуществляющих ОРД, представляют им оперативно-служебные документы, включающие дела оперативного учета, материалы о проведении мероприятий с использованием оперативно-технических средств, ведомственные нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок проведения мероприятий. Соответствующие изменения были внесены и в Закон «О прокуратуре Российской Федерации». Как видим, за весьма непродолжительную историю существования прокурорского надзора его пределы были существенно изменены. Такая непоследовательность законодателя

позволяет предположить, что и нынешняя редакция законов не станет последней.

Мнения, а точнее сомнения оперативных сотрудников относительно пределов прокурорского надзора сводятся к нескольким основным пунктам.

Во-первых, профессионально подготовленный прокурор в ряде случаев может «вычислить» лицо, от которого получена информация о преступлении, иными словами – установить лицо, оказывающее содействие органам, осуществляющим ОРД. Таким образом, прокурорский надзор может нарушить один из главных принципов ОРД – конфиденциальность взаимоотношений между органом, осуществляющим ОРД, и лицом, оказывающим ему содействие. Последствия такой ситуации комментариев не требуют.

Во-вторых, по мнению оперативников (а это мнение основано на Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации»), задача прокурора заключается именно в надзоре за соблюдением законов. Если нарушения закона нет, то прокурор не вправе как-либо реагировать на имеющиеся недостатки в работе, так как реагирование на упущения в работе – прерогатива руководства субъектов ОРД.

В-третьих, среди уполномоченных прокуроров не всегда встречаются люди, понимающие все механизмы и нюансы оперативной работы. Это иногда приводит к недопониманию между прокурорами и сотрудниками, осуществляющими ОРД.

Однако рассматриваемая проблема имеет и обратную сторону.

Во-первых, имеется достаточно фактов нарушения законов в ходе проведения ОРД. Эти факты выявляют главным образом именно сотрудники прокуратуры. Отсутствие прокурорского надзора или недостаточная принципиальность прокурора могут привести и приводят к нарушению прав человека, противоправным деяниям и даже преступлениям со стороны оперативников. Опыт объективно свидетельствует о том, что как только пропадает надзор со стороны, сразу появляются серьезные нарушения [60; 61; 62]. Для выявления таких фактов прокурору необходимо иметь возможность достаточно полно ознакомиться с материалами ОРД.

Во-вторых, прокуратура осуществляет надзор за законодательством. В законодательство входят и ведомственные приказы и инструкции, с которыми прокурор имеет право знакомиться. Если грубо нарушаются ведомственные приказы – допустимо ли вмешательство прокурора? Если, согласно данным опросов прокуроров, по некоторым делам оперучета в органах внутренних дел работа вообще не ведется – требует ли это прокурорского реагирования? Если дело оперучета состоит лишь из постановления о его заведении и плана работы, а ведомственный контроль фактически не осуществляется – должен на это реагировать прокурор?

В-третьих, в некоторых вопросах эффективность прокурорского надзора по-прежнему невелика. Так, в ряде субъектов ОРД стала распространенной практика увольнений «по собственному желанию» оперативных сотрудников, якобы причастных к совершению противоправной деятельности. Прокурор должен решительно пресекать порождаемые подобными увольнениями факты нарушений закона. Если оперативные сотрудники виновны в совершении преступлений, то необходимо принимать меры по их привлечению к уголовной ответственности. Если же сотрудники невиновны либо их вина не доказана – необходимо ставить вопрос о привлечении уволивших их лиц к ответственности, в том числе и уголовной. Практика рассмотрения прокурорами подобных случаев пока недостаточна.

Имеются и другие аргументы в пользу как одной, так и другой позиции.

С 1992 г. накоплен определенный опыт организации прокурорского надзора за ОРД. Этот опыт анализировался достаточно широким кругом представителей разных наук, в первую очередь прокурорского надзора и ОРД. Вместе с тем ученым пока не удалось предложить такой процесс надзора, который бы устраивал как органы прокуратуры, так и субъекты ОРД. Одной из причин этого является ведомственный подход специалистов к изучению названной проблемы. В результате высказываются самые противоречивые предложения о месте прокурорского надзора: от его усиления до фактически полной ликвидации на ряде направлений ОРД.

Насколько неоднозначно воспринимается прокурорский надзор за ОРД, видно из высказывания А. П. Киселева: «Согласно требований законодателя исполнению подлежат только законные требования прокурора, т. е. те, которые основываются на нормативных предписаниях данного Федерального закона (об ОРД), Закона

о прокуратуре и иных федеральных законах. Однако круг законных требований прокурора ограничен требованиями, вытекающими из его полномочий по надзору за ОРД. Следовательно, неисполнение всех иных, хотя и законных требований прокурора, но не связанных с предметом надзора за ОРД, для исполнителя никакой ответственности не влечет» [37, стр. 216-217]. Понять эту мысль трудно, а точнее говоря – невозможно в силу ее противоречивости. Законность требования подразумевает, что оно исходит от надлежащего должностного лица, действующего в пределах своих полномочий. Требования, выходящие за пределы компетенции, являются незаконными. Иначе говоря, если прокурор требует того, что выходит за рамки надзора и его компетенции, – его требование незаконно. Но если речь идет именно о законных требованиях прокурора, то они должны исполняться.

Так каким же должен быть прокурорский надзор за ОРД? Где он должен начинаться и где заканчиваться? Думается, что прийти к единому знаменателю позволило бы рассмотрение всех спорных вопросов согласительной комиссией, в которую вошли бы ведущие научные и практические работники всех субъектов ОРД и прокуратуры.

Кроме того, о чем мы уже не раз писали, объемы требований законов и требований приказов Генерального прокурора Российской Федерации в части прокурорского надзора различаются. В Законе об ОРД полномочия прокурора регламентированы куце, излишне обобщенно. Фактически полномочия прокурора по надзору за оперативно-розыскными мероприятиями регулируются приказами Генерального прокурора России, что, на наш взгляд, не вполне верно. Возможно, что полномочия прокурора по надзору за такой специфичной деятельностью, как ОРД, права прокурора, обязанности, ответственность, пределы надзора должны быть более четко закреплены на законодательном уровне.

Таким образом, в Закон об ОРД необходимо внести дополнительные статьи, четко регламентирующие статус прокурора по надзору за ОРД. Аналогичные изменения следует внести и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», поскольку положения законов должны корреспондироваться между собой. Подготовить указанный законопроект требуется не внутри какого-либо одного ведомства, а с помощью межведомственной комиссии.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
3. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23.
4. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
5. Басков В.И. Курс прокурорского надзора. – М., 1998.
6. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
7. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
8. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
9. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
10. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.

11. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
12. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
13. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
14. Вопросы расследования преступлений. Справочное пособие / Под ред. А.Я. Качанова. – М., 1996.
15. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
16. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69
17. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: К вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
18. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
19. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
20. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
21. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
22. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
23. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
24. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
25. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
26. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
27. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
28. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. – М., 2015.
29. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы в оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
30. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187-192.
31. Захарцев С.И., Пахунов А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 29-33.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
35. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010.
36. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
37. Киселев А. П. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – М., 2008.
38. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
39. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное

регулирование и правоохранительная практика: Монография. – М.: Форум, 2011. – 176 с.
40. Кондрат И.Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139-152.
41. Кондрат И.Н. Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58-70.
42. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – 2013. – 58 с.
43. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 504 с.
44. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: международно-правовое регулирование в области уголовного процесса // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 35-49.
45. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 109-129.
46. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
47. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012 – 320 с.
48. Кондрат И.Н. Право на частную жизнь: вопросы уголовно-процессуального регулирования // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 116-121.
49. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
50. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
51. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
52. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
53. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 65-71.
54. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
55. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
56. Прокурорский надзор: Учебник / Под ред. Ю. Е. Винокурова. – М., 2001.
57. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
58. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
59. Российский прокурорский надзор / Под ред. А. Я. Сухарева. – М., 2001.
60. Рохлин В. И. Избранное. – СПб., 2001.
61. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – СПб., 2003.
62. Рохлин В. И., Захарцев С. И., Миронов М. А., Стуканов А. П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под ред. В. И. Рохлина. – СПб., 2007.
63. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
64. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
65. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
66. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Секция: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.

67. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
68. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
69. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
70. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
71. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
72. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
73. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
74. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
75. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
76. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
77. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
78. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
79. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

БЕЛОУС Владимир Гаврилович,
профессор кафедры уголовного права и процесса, первый проректор Института управления, кандидат юридических наук, доцент (г. Архангельск, Россия)
E-mail: obot@miuarh.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены историко-правовые вопросы становления и развития правоохранительной системы России.*

Ключевые слова: *история государства и права; историография; правоохранительные органы; правоприменительная практика.*

BELOUS V.G.

LAW ENFORCEMENT OF RUSSIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY

The summary. *The article examines the historical and legal issues of formation and development of law-enforcement bodies of Russia*

Key words: *the history of state and law, historiography, law enforcement, law enforcement practice.*

Изучение истории правоохранительных органов, в частности, уголовно-исполнительной системы, является одним из необходимых условий формирования научного подхода к проводимым преобразованиям правоохранительной (пенитенциарной) практики на современном этапе. Авторы полагают, что обращение к ретроспективному анализу проблем, например, связанных с назначением и исполнением уголовных наказаний, позволяет не только выявить и описать существующий опыт в данной сфере, но и транслировать его в практической деятельности персонала пенитенциарных учреждений через систему подготовки кадров и научно-исследовательскую работу.

Результаты историографических исследований отечественной уголовно-исполнительной системы представлены в публикациях по довольно широкой тематике: история ГУЛАГа и особенности пенитенциарной практики, особенности формирования церковной юрисдикции в области исполнения уголовных наказаний, система военного плена и интернирования в СССР, развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей, подготовка тюремного персонала и многие другие.

В публикации Н.А. Беловой представлен историографический обзор современных российских и зарубежных исследований, посвященных различным аспектам истории ГУЛАГа: цели и особенности советской исправительно-трудовой политики, экономические аспекты деятельности ГУЛАГа, гендерная специфика стратегий выживания в условиях лагеря, кадровый состав ведомства ГУЛАГа, лагерная санитарная служба, лагерные суды, правовое и социально-бытовое положение заключенных, лагерная пресса и творчество осужденных. Автором приводятся выдержки из работ отечественных, французских, шведских, американских и других зарубежных исследователей, обращается особое внимание на неоднозначность оценок специалистов по

вопросам деятельности ГУЛАГа, его роли и значения для советского государства [15].

Значительное количество исследований основано на региональных материалах. Историческим особенностям пенитенциарной практики на Европейском Севере России посвящены публикации А.Л. Кузьминых [56] и Н.В. Упадышева [132]. В них представлены результаты комплексного анализа исторического наследия уголовно-исполнительной системы Европейского Севера России, особенности ее формирования и функционирования, специфические для данного региона формы пенитенциарной практики (монастырская ссылка, деятельность приютов для несовершеннолетних и др.), примеры участия исправительно-трудовых лагерей в комплексном промышленном освоении в 1930-е гг. Европейского Севера России. Усилению роли г. Вологды, как локально-регионального тюремного и пересылочного центра, посвящено исследование А.Р. Павлушкова [73]. Е.Г. Михеенков в своей статье обратился к особенностям реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири. Автором на основе нормативно-правовых актов, архивных материалов, опубликованных исследований рассматриваются особенности реализации «либерального» вектора исправительно-трудовой политики РСФСР на территории Западной Сибири, выражавшегося в проведении амнистий, восстановлении и развитии института условно-досрочного освобождения, введении и расширении элементов прогрессивной системы отбывания наказания, предоставлении заключенным отпусков [63].

Не менее интересные в научном плане результаты исследований представлены в публикациях, посвященных особенностям церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики, взаимоотношениям Русской православной церкви (РПЦ) и тюремных учреждений. В работах А.Р. Павлушкова рассматривается процесс юридической и судебной секуляризации церкви, в значительной степени изменивший правовой статус РПЦ, что нашло отражение в практике применения церковных наказаний. По мнению автора, «противоречивый характер модернизации церковного наказания выразился одновременно в приближении его к государственным карательным интересам и сохранении христианской традиции» [71]. Особое внимание А.Р. Павлушковым уделяется правовой стороне применения церковных наказаний, эволюции судебных (суд Святейшего Синода, суд епископа (митрополита), суд консистории (епархиальный суд) и др.) и надзорных (должность инквизитора (духовного фискала) и др.) инстанций РПЦ, истории монастырской ссылки и деятельности специальных помещений при архиерейских домах для проведения предварительного расследования, ретроспективному анализу вопросов юридического статуса колодников Святейшего правительствующего Синода [71]. Данным автором также предпринята попытка изучить использование анафемы в качестве формы уголовной и политической репрессии, проследить эволюцию этого наказания в контексте развития государственно-церковных отношений в Российском государстве [70]. В статье Н.А. Беловой рассматривается история взаимодействия РПЦ с тюремными учреждениями в дореволюционной России; прослеживается становление и развитие тюремной миссии русского православного духовенства, раскрывается его роль в нравственном исправлении заключенных, описываются отдельные обязанности священнослужителей в местах лишения свободы [17]. Публикация Е.В. Тихомирова отражает роль православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах [130].

В силу особой социальной значимости серьезное внимание исследователей-историков уделено вопросам исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных. В историографическом исследовании, проведенном Н.А. Беловой, анализируются работы российских авторов дореволюционного, советского и современного (постсоветского) периодов, посвященные проблемам становления и эволюции отечественной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. По мнению Н.А. Беловой, отличительной чертой первого этапа историографии (дореволюционный период) является отсутствие работ обобщающего характера, посвященных исследуемой тематике, что обуславливалось неурегулированностью порядка и условий исполнения уголовного наказания в отношении подростков, отсутствием до 1860-х гг. специальных исправительных учреждений для содержания несовершеннолетних правонарушителей. Вместе с тем, автором отмечается существование практической потребности

в выработке концептуальных подходов к реформированию пенитенциарной системы в условиях буржуазной модернизации страны во второй половине XIX в., создании специальных исправительных учреждений для содержания несовершеннолетних преступников. Доминирующей чертой историографии советского этапа стал политико-идеологический подход, обусловивший отсутствие критического взгляда при освещении различных аспектов рассматриваемой темы, а также максимальную закрытость советской пенитенциарной системы для исследователей. В отечественной пенитенциарной науке в постсоветский период приоритетное развитие получает идея гуманизации исполнения уголовных наказаний [16].

В статье Р.И. Ивнякова, Я.М. Карасевой и М.И. Ходаренко рассматривается становление и последующая эволюция нормативно-правовой базы, регламентировавшей создание и функционирование воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в России в дореволюционный период [50]. Э.В. Зауторовой рассматривается уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних осужденных в годы Великой Отечественной войны. Переход страны на военный режим обусловил значительное ужесточение форм и мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних осужденных; отмечается тенденция к постепенному отказу во время войны от проведения воспитательной работы, преобладанию мер административного воздействия [49]. А.Л. Санташовым рассматриваются проблемы дифференциации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по исправительно-трудовому законодательству 1970–1990 гг. Автор анализирует различные виды режимов и условий отбывания наказания в воспитательно-трудовых колониях. Показаны также дальнейшие изменения законодательства в сфере исправления несовершеннолетних осужденных, дана их оценка. В публикации делается вывод о том, что в советский период произошло зарождение прогрессивной системы исполнения лишения свободы, которая в дальнейшем пополняется новыми элементами: дифференциация режима отбывания наказания, градация условий отбывания наказания, оставление достигших совершеннолетия в воспитательно-трудовой колонии до окончания срока наказания и т.п. [94]. В статье Р.В. Колодина дан краткий исторический анализ развития институтов общественного контроля за деятельностью учреждений для содержания несовершеннолетних в 20–30-е гг. XX в., рассмотрены особенности организации работы субъектов негосударственного контроля того периода (распределительных комиссий, наблюдательных комиссий, комитетов помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них) [54].

Ряд публикаций посвящен тюремному персоналу. А.А. Желтовым на основе источников конца XIX – начала XX вв. дается обширный исторический материал по развитию служебных карьер чиновников тюремного ведомства в Вологодской губернии, демонстрирующий в общем виде механизм функционирования государственно-бюрократической системы в поздний период Российской империи, социальную структуру российского общества, особенности социальной мобильности (например, влияние социального происхождения, образования, профессионального опыта на уровень занимаемых должностей). Автор приходит к заключению, что социальное происхождение «из низов» не являлось помехой к занятию чиновничьих должностей и получению классных чинов; образование же было более значимым фактором в плане карьерного роста и продвижения по службе. Интересен тот факт, что в рассматриваемый исторический период существовала общепринятая практика назначать на высокие чиновничьи должности в тюремном ведомстве «исправляющими должность», и лишь после работы в течение одного-двух лет чиновник утверждался в этой должности [48].

Малоизученной является тема, затронутая в публикации Волошина Д.В. Исследование посвящено вопросам организации и функционирования специальных курсов по подготовке пенитенциарного персонала Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР в конце 1930-х – 1940-х гг. Автор делает вывод, что военный период стал для курсовой системы специальной подготовки персонала ГУЛАГа самым плодотворным в организационном и педагогическом планах, и именно в этот период была заложена педагогическая основа для развития образовательной системы отечественного пенитенциарного ведомства [40].

Наряду с общими, в научных изданиях представлены результаты исторических исследований

по частным проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы России. Так, например, в статье С.Ю. Ведрова и Д.В. Углицких раскрываются в ретроспективном ракурсе вопросы осуществления надзора за лицами, отбывающими пожизненное заключение. Указывается, что в ранние исторические периоды для пожизненного заключения использовались, как правило, монастыри, которые имели естественные условия изоляции и специально оборудованные помещения для содержания заключенных; впоследствии – специальные тюрьмы (крепости). Подробно описывается правовое положение основных субъектов надзора: настоятель, благочинный, духовники и братия, специальные подразделения и военные команды, отдельный корпус жандармов; анализируется эволюция нормативных документов, регулирующих применение пожизненного лишения свободы [39].

Отдельного внимания заслуживают публикации по такой специфической для отечественной уголовно-исполнительной системы проблематике, как организация содержания и охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД–МВД. А.Л. Кузьминых провел глубокий, основанный на архивных документах анализ деятельности вахтерских подразделений и конвойных войск, команд самоохраны и бригад содействия из местного населения. Автором делается вывод, что в целом система охраны в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных копировала опыт ГУЛАГа, адаптируя его к специфике содержания подданных иностранных государств [57].

История становления медицинского обеспечения осужденных в дореволюционной России рассматривается в публикации Р.Ю. Николаева, предложившего авторскую периодизацию развития пенитенциарной медицины. В статье приводятся примеры, свидетельствующие об уровне и особенностях медицинского и материально-бытового обеспечения заключенных в конкретных губерниях царской России, анализируются нормативно-правовые акты, регламентировавшие исполнение наказания и содержание заключенных [68].

Значительную роль в развитии уголовно-исполнительной системы всегда играли конкретные исторические персоналии. Одним из таких реформаторов стал известный русский писатель и практик Владимир Александрович Соллогуб, деятельность которого получила отражение в публикациях В.Б. Лебедева и Е.В. Степановой. В 1865 году В.А. Соллогуб был руководителем эксперимента на базе Московской исправительной тюрьмы, целью которого явилось создание эффективной модели исправительного учреждения нового типа [58]. Эксперимент был признан важным этапом в процессе разработки проекта преобразования отечественной уголовно-исполнительной системы и предусматривал решение вопросов классификации мест заключения, их устройства, установления порядка содержания в них заключенных, а также внедрение разработанной В.А. Соллогубом артельной системы организации труда заключенных с ее круговой порукой, делением работ на «черные» (карательный труд – тяжелая физическая работа), «серые» (дисциплинарный труд – механическая работа в помещении) и «белые» (поощрительный труд – ремесленные работы, предполагающие освоение новой профессии), системой размещения частных заказов и оплаты труда [59].

Профессор А.В. Быков посвятил свои фундаментальные исследования истории становления правоохранительной системе зарубежных стран [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38].

В трудах Б.А. Спасенникова подробно описана история становления и развития принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания [109; 110; 111; 112; 113; 114; 115; 119; 121; 127; 128; 129].

Л.Ф. Пертли [74; 75; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82; 83], М.П. Агеева [3], Б.А. Швырев [90; 91; 92], А.М. Смирнов [41; 96; 97; 98; 99; 100; 101; 102; 103; 104; 105; 106; 107; 108; 122; 123], С.Б. Спасенников [111; 112; 113], В.Г. Белоус [18; 19; 20; 21; 22], А.Н. Тихомиров [128; 129; 130] рассмотрели иные историко-правовые аспекты отечественной правоохранительной, в том числе пенитенциарной, системы.

Здесь можно вести речь о правоохранительных органах и правоохранительной деятельности в Российской империи [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 53; 60; 67; 137], и в годы великих испытаний, скажем, революции 1917 года и Временного правительства [42; 61; 62; 95], Гражданской войны [47; 51; 52; 64], Великой Отечественной войны [45; 46; 85; 86; 92; 131; 133;]. Известны интересные работы,

посвященные сотрудничеству, в том числе и международному, подразделений и органов, входящих в правоохранительную систему [1; 4; 14; 55; 65; 66; 69; 89; 91; 134; 135; 136; 138]. Заслуживают безусловного внимания публикации Х.С. Гуцериева, Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина, В.П. Федорова, А.И. Худяка, А.И. Числова, Н.Г. Янгола и др. [2; 13; 43; 44; 84; 87; 90; 93; 139; 140; 141; 142]. Это, пожалуй, лишь небольшое перечисление и анализ тех работ, которые посвящены отечественной правоохранительной системе, но и он свидетельствует о том, что в данной области юридической науки трудятся талантливые и вдумчивые ученые, исследующие мощные пласты российской правовой реальности.

Список литературы

1. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.
2. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
3. Агеева М.П. Виды принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Актуальные вопросы образования и науки. – 2014. – № 3-4 (43-44). – С. 49-51.
4. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
5. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Правовая политика Николая I и развитие правоохранительных органов // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 31-35.
6. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 7-11.
7. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя в конце XIX века: общественно-политические взгляды и проблема борьбы с политической преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 25-29.
8. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 7-9.
9. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Создание сельской полиции и ее организационно-правовые формы в Российской империи // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 39-46.
10. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Социальная ситуация и специфика юридической регламентации организации и деятельности полиции Российской Империи в начале XX века // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 18-23.
11. Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: исторический опыт формирования и структурирования: Монография: СПб.: Астерион, 2008. – 384 с.
12. Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: теоретические и ретроспективные аспекты анализа: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2008. – 228 с.
13. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
14. Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 55-71.
15. Белова Н.А. История ГУЛАГа в современной историографии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 2 (22). – С. 64-70.
16. Белова Н.А. К истории изучения уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 9. – С. 86-90.
17. Белова Н.А. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 3 (15). – С. 75-81.
18. Белоус В.Г. Деятельность государственных и негосударственных структур охраны и безопасности в России (история, теория, практика). – М., 2008.
19. Белоус В.Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. – 2013. – № 5-6. – С. 109.

20. Белоус В.Г., Глушаченко С.Б., Гриб В.В. История отечественного государства и права. – М., 2004.
21. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» // На пути к гражданскому обществу. – 2015. – № 1 (17). – С. 13-18.
22. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): Учебное пособие. – Архангельск, 2013.
23. Быков А.В. Американский опыт установления контроля над преступностью // Российский следователь. – 2013. – № 13. – С. 45-47.
24. Быков А.В. Британская модель обеспечения внутренней безопасности государства // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 110-111.
25. Быков А.В. Британский вариант интегрированной модели обеспечения внутренней безопасности государства // Российский следователь. – 2008. – № 13. – С. 35-40.
26. Быков А.В. Децентрализованная (фрагментарная) модель полицейской системы государства. На примере Соединенных Штатов Америки // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 110-112.
27. Быков А.В. Континентальная модель обеспечения внутренней безопасности государства // Российский следователь. – 2007. – № 8. – С. 26-29.
28. Быков А.В. Организационно-правовые основы деятельности жандармерии западноевропейских государств в обеспечении общественной безопасности: Дис. … канд. юрид. наук. – М, 1998.
29. Быков А.В. Организационные основы деятельности полицейской системы США // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 5. – С. 21-24.
30. Быков А.В. Организационные основы деятельности полицейской системы ФРГ и Австрии // Закон и право. – 2008. – № 8. – С. 115-117.
31. Быков А.В. Основы организации деятельности современной системы обеспечения внутренней безопасности США // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 38-40.
32. Быков А.В. Особенности полицейского строительства в Великобритании // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 30-32.
33. Быков А.В. Отличительные характеристики английской модели полицейской системы // Российский следователь. – 2007. – № 22. – С. 36-37.
34. Быков А.В. Полиция и жандармерия – основные элементы континентальной модели полицейской системы государства // Российский следователь. – 2008. – № 6. – С. 33-34.
35. Быков А.В. Правовые основы деятельности полицейской системы США // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 136-138.
36. Быков А.В. Система обеспечения внутренней безопасности государства (административно-правовой аспект деятельности). – М.: ВНИИ МВД России, 2007.
37. Быков А.В. Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М, 2008.
38. Быков А.В. Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем: Дис. … докт. юрид. наук. – М, 2008.
39. Ведров С.Ю., Углицких Д.В. Осуществление надзора за лицами, отбывающими пожизненное заключение в Российском государстве с XII и до начала XX вв. (историко-правовые аспекты) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 79-82.
40. Волошин Д.В. Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное и военное время (1940-е) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1 (25) – С. 75-78.
41. Гриб В.В., Смирнов А.М. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 34-36.
42. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
43. Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18.
44. Гуциев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
45. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 30-40.
46. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история

и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
47. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. – М., 1967.
48. Желтов А.А. Служебные карьеры чиновников тюремного ведомства в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 85-88.
49. Зауторова Э.В. Уголовно-исполнительная политика Российского государства в отношении несовершеннолетних осужденных в годы Великой Отечественной войны // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 1 (29). – С. 83-86.
50. Ивняков Р.И., Карасева Я.М., Ходаренко М.И. Становление нормативно-правовой базы, регламентирующей исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних, в дореволюционной России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 3 (19). – С. 87-91.
51. Квитчук А.С. Деятельность центральных и местных органов Советского государства по обеспечению безопасности дорожного движения (1918 – 1921 гг.) // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 35-37.
52. Квитчук А.С. Нормативно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в первые годы Советского государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 1. – С. 44-46.
53. Квитчук А.С. Организационно-правовые меры повышения безопасности дорожного движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 25-32.
54. Колодин Р.В. Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 8. – С. 81-83.
55. Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность и правоохранительное сотрудничество в эпоху глобализации: Монография. – М.: ФОРУМ, 2010. – 224 с.
56. Кузьминых А.Л. Исторические особенности пенитенциарной практики на Европейском Севере России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 9. – С. 91-93.
57. Кузьминых А.Л. Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 2 (22). – С. 82-89.
58. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870–1874 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 72-77.
59. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 1 (17). – С. 82-87.
60. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
61. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
62. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 2000 лет);
63. Михеенков Е.Г. Особенности реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху НЭПа на территории Западной Сибири // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 3 (27). – С. 94-98.
64. Молукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917-1920 гг.). – М., 1975.
65. Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 81.
66. Некрасов А.П., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 251-256.
67. Нижник Н.С., Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской Империи: структурно-функциональный анализ: Монография. – СПб.: Астерион, 2008. – 515 с.
68. Николаев Р.Ю. Некоторые вопросы охраны здоровья лиц, находящихся в местах заключения в дореволюционной России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 14. – С. 93-97.
69. Оганесян С.М., Третьяков И.Л., Буланов Ю.П. Юридические ограничения и гарантии прав, свобод и законных интересов осужденных, отбывающих уголовные наказания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 191-199.
70. Павлушков А.Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике

Российского государства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 83-87.
71. Павлушков А.Р. Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 4 (20). – С. 81-85.
72. Павлушков А.Р. Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 2 (22). – С. 76-81.
73. Павлушков А.Р. Создание вологодского пересыльного тракта колодников в XVIII в. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 4 (24). – С. 69-73.
74. Пертли Л.Ф. Историко-правовые основы деятельности колоний-поселений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 8 (123). – С. 17-23.
75. Пертли Л.Ф. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России. – М.: НИИ ФСИН России, 2010.
76. Пертли Л.Ф. Общая тюремная инструкция 1915 года как историко-правовая основа пенитенциарного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 2. – С. 199-206.
77. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы материально-бытового обеспечения заключенных в местах лишения свободы (1831-1917 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 77-79.
78. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России. – М.: НИИ ФСИН России, 2011.
79. Пертли Л.Ф. Понятие и назначение условий содержания лиц, лишенных свободы: историко-правовой аспект // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1. – С. 27-29.
80. Пертли Л.Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 178.
81. Пертли Л.Ф. Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской Империи (1879 г. – февраль 1917 г.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2011.
82. Пертли Л.Ф. Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской Империи (1879 г. – февраль 1917 г.): Дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2011.
83. Пертли Л.Ф. Правовые основы медико-санитарного обеспечения заключенных в дореволюционной России (1831-1917 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 2. – С. 179-184.
84. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
85. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр «Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.
86. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
87. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
88. Сальников В.П., Морозова Л.А. Полиция. Женщина. Гуманизм // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 144.
89. Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218.
90. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
91. Сальников В.П., Проценко Е.Д., Денисов Е.А. Международная научно-практическая конференция (общество, право, полиция) // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 137.
92. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
93. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
94. Санташов А.Л. Дифференциация исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних в ИТК РСФСР 1970 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 3 (19). – С. 83-86.
95. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. К вопросу о месте и роли подразделений милиции в обеспечении безопасности дорожного движения в период становления Советской власти // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2012. – № 2(54). – С. 42-46.

96. Смирнов А.М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2009.
97. Смирнов А.М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – Сер. Библиотека криминалиста: БК.
98. Смирнов А.М. Дуэльные поединки в России: характеристика и государственное преследование // Вестник международного Института управления. – 2014. – № 5-6 (129-130). – С. 17-20.
99. Смирнов А.М. История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России / Под ред. Б. А. Спасенникова. – Москва, 2011. – Сер. Библиотека криминалиста: БК.
100. Смирнов А.М. Народное правосудие в России: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – Сер. Криминология.
101. Смирнов А.М. Преступления в отношении лиц с сексуальными инверсиями как объект криминологического исследования // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 4. – С. 279-284.
102. Смирнов А.М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Монография. – М.: Юрлитинформ, – 2015. – Сер. Уголовное право.
103. Смирнов А.М. Самосуд в местах лишения свободы: характеристика и меры профилактики // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 2. – С. 64-66.
104. Смирнов А.М. Самосуд в России как внесудебный способ реагирования на преступность: к постановке проблемы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 4 (36). – С. 3-6.
105. Смирнов А.М. Самосуд: деяние или мотив преступления? // Актуальные вопросы образования и науки. – 2014. – № 5-6. – С. 39-42.
106. Смирнов А.М. Суд или самосуд? // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 43-46.
107. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография – М.: Юрлитинформ, 2014. – Сер. Уголовное право.
108. Смирнов А.М. Уголовно-правовая характеристика самосудных расправ на территории России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 69-72.
109. Спасенников Б.А. К вопросу о назначении вида принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 70-77.
110. Спасенников Б.А. К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 17. – С. 12-16.
111. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 31-37.
112. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 33-40.
113. Спасенников Б.А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Медицинское право. – 2012. – № 3. – С. 45-48.
114. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 4 (20). – С. 8-11.
115. Спасенников Б.А. Правовая антропология / Под редакцией И.Я. Козаченко. – Архангельск, 2001.
116. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера (теория, уголовно-правовое регулирование, практика): Дис. … докт. юрид. наук. – Архангельск: Московская государственная юридическая академия, 2004.
117. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Москва: Московская государственная юридическая академия, 2004.
118. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 36-39.
119. Спасенников Б.А. Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Российский судья. – 2012. – № 1. – С. 9-12.
120. Спасенников Б.А. Судебная психология и судебная психиатрия. Общая часть / Под редакцией заслуженного деятеля наук РФ, доктора юридических наук, профессора И.Я. Козаченко. – Архангельск, 2002.
121. Спасенников Б.А. Теория государства и права. – М., 2013.
122. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Исправление осужденных мужчин в процессе исполнения длительных сроков лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 8. – С. 23-25.
123. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Общая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание

в исправительных колониях России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 173-182.
124. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Невменяемость в уголовном праве. – М., 2013.
125. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение. – М., 2011.
126. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Уголовно-правовое значение состояния опьянения. – М., 2014.
127. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1 (25). – С. 7-12.
128. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Актуальные вопросы образования и науки. – 2014. – № 5-6 (45-46). – С. 17-23.
129. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 20-23.
130. Тихомиров Е.В. Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 13. – С. 81-85.
131. Уголовный розыск Южного Урала. Годы, события, люди. 1918–2003: Сборник. – Челябинск, 2003.
132. Упадышев Н.В. «Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 87-93.
133. Хабибулин А.Г. Актуальные проблемы научного исследования Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. – С. 5-8.
134. Хабибулин А.Г. Основные задачи органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности на региональном и межрегиональном уровне // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2008. – № 4. – С. 7-12.
135. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
136. Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 44-48.
137. Хлусов Т.М. Министерство внутренних дел Российской империи: некоторые вопросы функций ведомства // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 40-47.
138. Хлусов Т.М. Правоохранительная деятельность: функции государства, государственных органов и негосударственных структур // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 170-180.
139. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
140. Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
141. Числов А.И., Аксенов Р.Г. Понятие криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2007. – № 1. – С. 112-115.
142. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
143. Швырев Б.А. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России // Вестник международного Института управления. – 2014. – № 3-4 (127-128). – С. 59-62.
144. Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 1-2 (47-48). – С. 89-94.
145. Швырев Б.А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. – 2014. – № 5-6 (129-130). – С. 54-59.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаин Российской Федерации, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: opodnii@yandex.ru

Специальность 19.00.06 – Юридическая психология

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. *Проблема проявлений экстремизма и терроризма все чаще оказывается в центре внимания представителей различных научных дисциплин. Прикладное значение психологии в данном направлении особенно важно. Исследования показывают, что осужденные за эти преступления в местах лишения свободы далеко не всегда отказываются от продолжения экстремистской деятельности.*

Ключевые слова: *проявления; раскрытие преступлений; улика; негативные последствия; преступник; лишение свободы; пенитенциарная система; психологи пенитенциарной системы; террорист; экстремист; различия; характеристики; исследование.*

KAZBEROV P.N.

PROBLEM ASPECTS SAFE FUNCTIONING OF THE CORRECTIONAL SYSTEM DUE TO THE SPREAD OF POLITICAL AND RELIGIOUS EXTREMISM

The summary. *The problem of extremism and terrorism are increasingly at the center of attention of representatives of various scientific disciplines. Applied value of psychology in this area is particularly important. Studies show that those convicted of these crimes in prison does not always refuse the continuation of extremist activity.*

Key words: *manifestation; detection of crime; evidence; negative consequences; criminal; deprivation of liberty; the prison system; psychologists prison system; suicide; an extremist; differences; characteristics; research.*

Многими исследователями определяется, что важной проблемой, вставшей перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы в современности и требующей незамедлительных действий, является профилактика распространения экстремизма [6; 9; 13; 14; 22]. Осужденные за эти преступления в местах лишения свободы, как показывает практика исследований [7; 10; 12; 15], крайне редко отказываются от продолжения экстремистской деятельности, стремятся «заразить» такими идеями других осужденных. В результате не достигается цель их исправления,

становится затруднительной последующая их реинтеграция в социум. В исправительных учреждениях содержится более тысячи лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность, значительное число из них участвовали в незаконных вооруженных формированиях на территории Северного Кавказа [14].

Как правило, таких лиц стараются «разбросать» по исправительным учреждениям различных регионов, чтобы снизить их концентрацию в одном месте (на основании Федерального закона от 27.06.2011 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [1]). Этим преследуется цель снижения концентрации таких осужденных в исправительных учреждениях с напряженной обстановкой. Однако негативным следствием подобной практики является ситуация, когда указанные потенциально-опасные лица оказываются почти во всех регионах страны. В то же время тенденция к централизации и укрупнению исправительных учреждений в регионах за счет сокращения более мелких мест лишения свободы приводит к еще более высокой концентрации их, а совместное содержание с другими категориями осужденных создают благоприятную почву для распространения идей экстремизма среди них.

Высокая концентрация этих осужденных в исправительных учреждениях приводит к увеличению создания в колониях так называемых «тюремных джамаатов», где в экстремистскую деятельность вовлекаются будущие члены террористических групп [16, 17].

Общественная опасность терроризма, политического и религиозного экстремизма в связи с этим еще более возрастает [2; 3; 5; 8; 32; 33; 36; 37; 38; 39].

Если оценивать положение в целом, то наибольшую угрозу для пенитенциарной безопасности представляет противоправная деятельность в исправительных колониях, колониях-поселениях и тюрьмах тех лиц, которые тесно связаны со следующими международными организациями экстремистского и террористического толка: религиозная организация «Нурджулар»; религиозное объединение «Таблиги Джамаат»; общественное объединение «Национал-социалистическое общество» («НСО», «НС»); религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра»; религиозное объединение «Кровь и Честь» («Blood and Honour/Combat 18», «B&H», «BandH»); террористическая организация «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»); террористическая организация «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»).

Увеличение количества осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность уже приводит к росту числа сторонников «ваххабитской» среды внутри контингента исправительных учреждений, ранее не состоящих на профилактическом учете, предпринимаются попытки по усилению их влияния в исправительных учреждениях, по воздействию на подследственных и осужденных [19; 25; 41]. Причем, в каком бы регионе страны они ни отбывали наказание, вокруг них формируется группировка осужденных отрицательной направленности, способных перенимать экстремистскую идеологию. Все это создает определенные трудности в работе сотрудников УИС, последствия которых могут иметь крайне негативный характер [18; 22; 28; 30; 31], что предъявляет особые требования к профессиональной подготовке.

Особую обеспокоенность представляет собой наметившаяся тенденция привлечения в ряды приверженцев радикального ислама не только осужденных-мусульман, но и представителей других этносов и вероисповеданий, в частности, славян. Так, В. Волков, сменивший свое имя на Валид, член кизилюрской банды, уничтоженный в сентябре 2013 г., прежде чем стать радикальным исламистом, отбывал наказание за угон машин в одном из исправительных учреждений Приморского края, где и пристрастился к наиболее ортодоксальной форме учения «Последнего пророка». Среди последователей чуждого религиозного течения все чаще встречаются славянские фамилии: В. Раздобудько, В. Исаенко (он же Халид – также член кизилюрской банды), А. Тихомиров (Саид Бурятский), А.Пашенцев (буйнакская банда), П. Косолапов, Антонов и т.д. Даже не на Северном Кавказе, а в Новосибирске до недавнего времени существовало сообщество «Новосибирский джамаат», промышлявшее вооруженными ограблениями.

Происходит это потому что, будучи последователем радикальной исламской идеологии или умело стараясь подражать ей, любой достаточно «творческий» и харизматичный осужденный способен быстро и надежно укрепить свое

личное положение в неформальной тюремной иерархии [20; 23; 34; 35], стать лидером нетрадиционной религиозной ячейки, а также получить гарантированную поддержку со стороны националистически настроенных этнических диаспор и части представителей исламского духовенства. Для этого даже не надо быть «заслуженным» выходцем из криминальной субкультуры и жить «по понятиям». Сложности выявления таких распространителей экстремистской идеологии в том, что сами они могут быть осуждены по статьям УК РФ, не связанным ни с экстремизмом, ни с терроризмом (поэтому не попадают на профучет). Как правило, они стараются не привлекать к себе лишнего внимания, не допускают дисциплинарных проступков, скрывают знание языков, прикрываются своими этническими и национальными культурными особенностями, а в случаях возможного разоблачения обращаются к представителям диаспор и правозащитных организаций. Необходимо также обратить внимание еще на одну специфическую, пока слабо выраженную тенденцию. Это складывающиеся взаимоотношения преступного сотрудничества между указанной категорией осужденных и неформальными лидерами уголовной среды, так называемыми «ворами в законе», «смотрящими» и т.д. Так, показательным в этом плане является следующий пример. В УФСИН России по Мурманской области отбывал наказание гражданин Кодзоков 1981 года рождения, уроженец Кабардино-Балкарской Республики, осужденный Верховным судом Республики Ингушетия по статьям 222, 229 Уголовного кодекса Российской Федерации к 9 годам лишения свободы. До привлечения к уголовной ответственности Кодзоков являлся активным членом бандитских формирований, под позывным «Абдул шахид», входил в банду арабского наемника Абудзейда, был близко связан с такими членами бандподполья, как Костемиров и Мужухоев. В местах лишения свободы Кодзоков на путь исправления не встал, являлся злостным нарушителем режима содержания, создал и возглавил преступную группу из числа осужденных, основными целями деятельности которой являлась идейная обработка осужденных и вовлечение их в ряды последователей радикального ислама с последующей вербовкой в ОПГ.

В целях продолжения преступной деятельности он организовал нелегальный канал обмена информацией с сообщниками. Группа готовила мероприятия по дезорганизации деятельности исправительного учреждения, запугиванию и совершению насильственных действий над осужденными, ставшими на путь исправления, а также над сотрудниками уголовно-исполнительной системы. В этих целях Кодзоков, заручившийся поддержкой «вора в законе» по кличке Степа Мурманский, предпринял попытку организации убийства осужденного Федичкиного, подозреваемого в сотрудничестве с администрацией колонии. Кроме этого, планировалось убийство заместителя начальника колонии по безопасности и оперативной работе.

Анализ существующих мер противодействия радикализации осужденных уже сейчас позволяет определить некоторые перспективные направления указанной деятельности, а именно:

- специализированная подготовка персонала для работы с осужденными этой категории [4; 11; 13; 24; 26];
- организация оперативно-режимного сопровождения процесса пенитенциарного воздействия лиц, являющихся источниками радикализации в исправительных учреждениях (установление возможных контактов лиц, подозреваемых в распространении экстремистской идеологии как внутри пенитенциарного учреждения, так и за его пределами);
- выявление и изоляция представителей неформальных групп осужденных радикальной направленности [27; 29; 31; 40];
- осуществление сбора необходимых доказательств для возможного привлечения к уголовной ответственности; изоляция наиболее активных представителей радикальных групп осужденных;
- совершенствование взаимодействия правоохранительных органов, религиозных и общественных организаций в процессе дерадикализации заключенных. В число комплексных (с привлечением сотрудников различных служб ИУ) мер предупреждения распространения экстремизма в пенитенциарных учреждениях входят:
- постановка на профилактический учет осужденных, изучающих, пропагандирующих, исповедующих или распространяющих экстремистскую идеологию. С ними проводится адресная индивидуальная

воспитательная работа;

- изучение и пресечение контактов осужденных с местными национальными диаспорами и их отдельными представителями, если выясняется, что указанные связи не способствуют воспитательному и исправительному воздействию, а, наоборот, служат распространению экстремистских, в том числе радикально-религиозных взглядов, так называемого «тюремного джихада». Так, бывший руководитель отдела по связям с силовыми структурами Духовного управления мусульман Татарстана М. Кудакаев, посещая исправительные учреждения, вместо помощи в исправлении осужденных, занимался проповедью вооруженного джихада против «кяферского государства». Проверяются различные религиозные организации, которые обращаются в ФСИН России с предложениями о сотрудничестве. В 2012-2013 годах пяти таким организациям было отказано в сотрудничестве по причине их деструктивного толка;
- изъятие запрещенной литературы.

Так, с начала 2014 года зафиксировано 97 случаев изъятия в исправительных колониях и следственных изоляторах ФСИН России запрещенной на территории Российской Федерации религиозной литературы. В число изъятых запрещенных книг входили «Основы ислама» Абу Аль-Аля Аль-Маудуди, «Общее представление об исламе» шейха Али Аль-Тантауи, признанный экстремистским видеофильм «Чудеса Корана» и т.д. Указанная запрещенная литература приносилась родственниками осужденных, некоторыми представителями мусульманского духовенства, доставлялась в виде почтовых отправлений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3870.
2. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
3. Анисимов В.Ф., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Михайлова О.Г., Сальников М.В. Компетентность сотрудников правоохранительных органов как определяющий фактор высокой эффективности борьбы с терроризмом // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 3. – С. 300-303.
4. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Кокурин А.В., Красов Д.А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 3. – С. 72-85.
5. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
6. Дементьев С.В., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Москвитина М.М. Изучение социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 9-5. – С. 34-36.
7. Евдокимов И.В., Казберов П.Н. Готовность сотрудников воспитательных отделов к работе в воспитательных центрах – учреждениях нового типа // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 4 (143). – С. 27-30.
8. Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 135-139.
9. Казберов П.Н. Актуальные вопросы методологического обеспечения психологической работы с обвиняемыми, подозреваемыми и осужденными // В сборнике: Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию профессора А.И. Папкина. – М., 2012. – С. 171-175.
10. Казберов П.Н. Актуальные вопросы психологического обеспечения деятельности учреждений УИС нового типа (на примере воспитательных центров) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 5 (108). – С. 13-16.
11. Казберов П.Н. Аспекты профилактической работы с проявлениями деструктивного поведения

несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 3 (118). – С. 31-34.
12. Казберов П.Н. Возможные последствия участия сотрудников правоохранительных органов в выполнении профессиональных задач в экстремальных условиях, в том числе по противодействию терроризму и экстремизму // NovaInfo.Ru. 2015. – Т. 2. – № 33. – С. 258-261.
13. Казберов П.Н. Выявление, предупреждение и психологическая коррекция деструктивно-агрессивных форм поведения осужденных в исправительных учреждениях: Учебное пособие / [П.Н. Казберов, Д.Е. Дикопольцев, С.Н. Лихачева]. – М.: Федер. Служба исполн. Наказаний, Науч.-исслед. Ин-т, 2011.
14. Казберов П.Н. Методические особенности психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 3. – С. 19-21.
15. Казберов П.Н. О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе // Психология и право. – 2013. – № 2. – С. 110-120.
16. Казберов П.Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 61-66.
17. Казберов П.Н. Проблемные аспекты психологического обеспечения отбывания уголовных наказаний осужденных за экстремистскую деятельность // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 2. – № 32. – С. 346-350.
18. Казберов П.Н. Психологическое обеспечение позитивных личностных изменений у сотрудников ОВД, выполнявших профессиональные задачи в экстремальных условиях: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2006.
19. Казберов П.Н., Майдыков А.А. Об актуальности сотрудничества МВД России и ФСИН России в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2013. – № 2. – С. 138-141.
20. Казберов П.Н., Метелев А.В., Новиков В.В. Необходимость учета влияния радикальных религиозно-националистических и политических настроений при проведении психокоррекционной и воспитательной работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 2. – № 33. – С. 242-247.
21. Казберов П.Н., Метелев А.В., Новиков В.В. Психологические аспекты идеологической подготовки будущих экстремистов и террористов // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 2. – № 33. – С. 247-252.
22. Казберов П.Н., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф. О последствиях экстремальных условий деятельности для сотрудников силовых структур // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 12 (16). – С. 36-41.
23. Казберов П.Н., Москвитина М.М., Новиков В.В. Психологические проблемы в изучении личности различных категорий осужденных в местах лишения свободы // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 2. – № 33. – С. 266-270.
24. Казберов П.Н., Кокурин А.В., Красов Д.А., Мокрецов А.И., Матвеева И.А. Состояние психологического обеспечения деятельности отделов специального назначения, управлений (отделов) по конвоированию, отделов охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России // Аналитический обзор. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2008.
25. Казберов П.Н., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Мешкова Л.В. Психологические аспекты подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 12 (16). – С. 29-35.
26. Котенев И.О. Психологические последствия воздействия чрезвычайных обстоятельств на личный состав органов внутренних дел: Автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.06. – М., 1994. – 242 с.
27. Кузьмин А.Н., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Результаты мониторинга апробации системы социальных лифтов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в 2011 году (в части соответствия осужденных основным критериям системы и изменения осужденным условий отбывания наказаний) // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 94-100.
28. Кулакова С.В., Фадеева К.Ф. Синдром профессионального выгорания психологов уголовно-исполнительной системы // Научные дискуссии. – 2015. – Т. 1. – С. 45-49.
29. Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Чурилова И.А. О профессиональном выгорании как причине усвоения сотрудниками воспитательных колоний элементов криминальной субкультуры // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 1. – № 33. – С. 244-248.
30. Леви М.В. Методы выявления риска стрессовых расстройств у пожарных: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.06. – М., 2000. – 241 с.
31. Метелев А.В. Теоретические модели формирования и проявления ПТСС как объекта и предмета психологической экспертизы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 1. – С. 43-47.
32. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.

33. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
34. Новиков В.В., Дикопольцев Д.Е., Москвитина М.М. Опасность суицидального поведения среди несовершеннолетних осужденных // Научные дискуссии. – 2015. – Т. 1. – С. 60-63.
35. Пономарев С.Б., Пустовалов А.Р., Черенков А.А. Организация медико-санитарного обеспечения осужденных в годы великой отечественной войны // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 8 (123). – С. 24-29.
36. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4.
37. Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25.
38. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9.
39. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
40. Фадеева К.Ф., Кулакова С.В. О проблемах психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 9 (148). – С. 17-20.
41. Фадеева К.Ф., Федорова Е.М., Кулакова С.В., Мешкова Л.В. Механизмы переживания и способы совладания с последствиями психотравм сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вопросы науки. – 2014. – № 1(6). – С. 109-114.

ВИДЕНЕВА Анна Викторовна,
студентка Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: anna.videneva@yandex.ru

ИОГОЛЕВИЧ Владимир Александрович,
начальник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат технических наук, доцент (г. Тюмень, Россия)
E-mail: tipkmvd@rambler.ru

НАЗАРОВА Надежда Леонтьевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: 89331@list.ru

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич,
доцент кафедры гражданского права Волжской государственной академии водного транспорта, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: Region52@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЛЕЧЕБНИЦЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Изучая репрессии государства советского периода, авторы концентрируют внимание на психиатрических больницах, которые были встроены в репрессивный механизм государства. Авторы рассматривают следующие вопросы: что представлял собой механизм карательной советской психиатрии; на основании каких правовых норм он действовал; каковы были тенденции и масштабы применения психиатрии в карательных целях; каковы причины и обстоятельства гибели более двух миллионов людей, и почему они держатся в секрете; кто становился пациентом специальных психиатрических больниц.*

Ключевые слова: *репрессивные органы; карательная психиатрия; специальные психиатрические больницы; инакомыслие.*

VIDENEVA A.V.
IOGOLEVICH V.A.
NAZAROVA N.L.
FOMICHEV M.N.

PSYCHIATRIC HOSPITAL AS AN ELEMENT OF THE PUNITIVE SYSTEM OF THE SOVIET TOTALITARIAN STATE

The summary. *Studying state repression of the Soviet period, the authors focus on psychiatric hospitals that have been built into the repressive machinery of the state. The authors address the following questions: what was the mechanism of the Soviet punitive psychiatry, on the basis of what legal rules he acted, what were the trends and the extent of the use of punitive psychiatry in order, what are the causes and circumstances of death of over two million people, and why are they kept secret, who was a patient in a special psychiatric hospitals.*

Key words: *repressive authorities; punitive psychiatry; special psychiatric hospital; dissent.*

В истории любого государства есть разные страницы: и героические, которыми гордится народ и воспевает в литературе и искусстве, и другие, о которых не хочется говорить, те, что политы кровью мучеников и невинно павших жертв. Однако историю не перепишешь, и для объективного исследователя историко-правовых процессов важно изучать факты такими, какими они были на самом деле. Особенно, если речь идет о событиях не столь далекой давности, и живы еще люди, помнящие об этом и способные передать информацию из первых рук. Интерес к таким фактам не просто академический, но и актуально-политический, чтобы не дать повториться тем событиям и фактам, которые являются предметом исследования.

Все годы существования Советской власти в России отмечены постоянной борьбой с инакомыслием. Как отмечает А.С.Прокопенко: «Инакомыслящие в СССР подвергались самым разнообразным политическим репрессиям: лишение свободы, выдворение из страны, лишение гражданства, перемещение групп населения из традиционных мест проживания, направление в ссылку, высылка на спецпоселение, лишение или ограничение прав и свободы лиц, признававшихся социально опасными для государства. И, наконец, самый изощренный по своей сути вид репрессий – признание человека невменяемым и помещение его на принудительное лечение в психиатрическое учреждение» [36, стр. 16]. Так возникло чудовище, монстр, получивший у мировой общественности название «карательной психиатрии». Был найден другой выход – объявлять политических противников психически больными. В самом деле, можно ли серьезно относиться к сопротивлению со стороны шизофреников, велика ли цена информации, которую сообщают слабоумные, и какой, наконец, здоровый человек будет подражать сумасшедшим? [34, стр. 8]. Такая политика имела своеобразную социально-политическую основу: система карательной медицины была возможна лишь при большой степени единомыслия в стране, поэтому она и развилась в тоталитарном СССР. За личностью не признавалось право на позицию, отличную от официальной [40, стр. 152].

Что же, на самом деле, представлял собой механизм карательной советской психиатрии, на основании каких правовых норм он действовал, каковы были тенденции и масштабы применения психиатрии в карательных целях? Каковы причины и обстоятельства гибели более двух миллионов людей, и почему они держатся в секрете до сих пор как государственная тайна? Кто же становился пациентом специальных психиатрических больниц (СПБ) и психбольниц общего типа? Кто виноват в том, что люди, умершие в этих лечебницах, до сих пор не реабилитированы?

Тема карательной медицины мало изучена и хранит много неразгаданных и не преданных гласности тайн, так как материалы об ее деятельности все еще считаются секретными. Актуальность данной темы продиктована потребностями настоящей жизни, опасениями, что использование психиатрии в немедицинских целях может повториться. Чтобы понять нынешнюю ситуацию в психиатрии и исключить всякого рода злоупотребления, случаи заключения здоровых людей в психбольницы по политическим мотивам, правильно применять на практике правовые принципы организации психиатрической помощи необходимо проанализировать исторический контекст, в котором эти злоупотребления зародились и происходили. Самой высокой ценностью для каждого человека является его здоровье вообще, а психическое здоровье в особенности. Любая попытка

отнять, раздавить или по чужой прихоти манипулировать этой ценностью, вызывают у человека естественный протест и подсознательный страх.

При этом нельзя забывать, что человек, его права и свободы в соответствии с действующей Конституцией является высшей ценностью (статья 2) [1]. Российские исследователи, исходя из школы естественного права [26; 44; 59], детально и очень тщательно обосновывают эту мысль в юридической и философской литературе [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 16; 17; 19; 20; 21; 23; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 35; 37; 39; 47; 49; 50; 52; 53; 64; 65; 68; 69; 70; 71; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82; 83].

В период революции 1917 года советское правительство не нуждалось в столь специфическом карательном средстве, как изоляция в психлечебницы. С политическими противниками коммунисты расправлялись просто и быстро, они расстреливались в административном порядке. Несмотря на это, именно тогда начали внедрять применение спецпсихбольниц, как карательного органа [34, стр. 18].

Первое упоминание о специальных психиатрических больницах в Советской России появилось в завуалированной формулировке в 1922 г. в УК РСФСР. УК 1922 г., ст. 17: «Наказанию не подлежат лица, совершившие преступления в состоянии хронической душевной болезни… К таким лицам могут применяться лишь меры социальной защиты, указанные в статье 46 Уголовного Кодекса» [72, стр. 75]. В соответствии со ст. 46 УК, такими мерами социальной защиты являлись:

«а) помещение в учреждения дня умственно или морально дефективных;

б) принудительное лечение» [72, стр. 80].

За термином «учреждение для морально дефективных», скорее всего, ничего не подразумевалось – просто юридическое понятие, не имеющие реального приложения. Но за термином «принудительное лечение» могло стоять вполне конкретное учреждение.

Термин «СПБ» впервые появляется в 1924 г. в УПК РСФСР. Ст. 457 УПК РСФСР 1924 г. закрепляет: «Заключенные, заболевшие душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, согласно заключению о том врачебной комиссии подлежат суждению суда, вынесшего приговор, на предмет определения о переводе их в специальные психиатрические или иные больницы или об условном досрочном их освобождении» [72, стр. 91]. Таким образом, СПБ – изобретение не 50-х годов, а как минимум 1924-го.

Во временной инструкции «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового», датированной 23 июля 1918 г., к местам лишения свободы отнесены «карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами». Это документ, свидетельствующий о фактическом отступлении властей от принципа ненаказуемости душевнобольных [34, стр. 19].

Первой жертвой карательной медицины в феврале 1919 г., к которой была применена данная инструкция, стала известная революционерка Мария Спиридонова, которая была арестована и судима революционным трибуналом в связи с выступлением партии левых эсеров против большевиков 6 июля 1918 г [25, стр. 26]. Трибунал, судивший Спиридонову, постановил изолировать ее от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда [74]. Оттуда она сбежала, но в октябре 1920 г. была поймана и заключена в Бутырскую тюрьму, и только после этого помещена в психиатрическую больницу, где пробыла до 18 октября 1921 года. В архиве бывшего КГБ СССР имеются интересные документы на этот счет. Сам Ф. Дзержинский в коротенькой записке своему подчиненному Самсонову 19 апреля 1921 года указывает [36, стр. 17]:

«Надо снестись с Обухом и Семашкой (известные медицинские функционеры) для помещения Спиридоновой в психиатрический дом, но с тем условием, чтобы оттуда ее не украли или не сбежала. Охрану и наблюдение надо было бы сорганизовать достаточную, но в замаскированном виде. Санатория должна быть такая, чтобы из нее трудно было бежать и по техническим условиям. Когда найдете таковую и наметите конкретный план, доложите мне» [36, стр. 17].

Имело ли место решение медицинских вопросов о необходимости стационарного лечения М.А. Спиридоновой такими органами, как Политбюро ЦК РКП и Президиум ВЧК? Ясно, что пребывание Спиридоновой в санатории, психиатрической больницы даже правительственными учреждениями рассматривалось

как мера репрессивная, а не медицинская, в которой она на самом деле не нуждалась [34, стр. 22].

Спустя три года после суда над М. Спиридоновой В.И. Ленин предложил «тотчас и насильно» сослать в санаторий Г.В.Чичерина, бывшего в то время народным комиссаром иностранных дел. Он пишет В.И. Ленину письмо с предложением сохранить для Советской России некоторые политические и экономические выгоды на Генуэзской конференции путем небольших уступок [34, стр. 22-24]. На полях этого письма В.И. Ленин пишет «сумасшествие!!». И делает вывод: «Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно» [27, стр. 136].

С увеличением количества политических репрессий в системе Наркомата внутренних дел создается первая тюремная психиатрическая больница. В обычной психиатрической больнице Казани было открыто специальное отделение для «политических», охрана которого в январе 1939 года была передана охране казанской тюрьмы НКВД. Спустя несколько месяцев из-за значительно увеличивавшегося числа психически «ненормальных» государственных преступников, Л. Берия переводит своим распоряжением всю Казанскую психиатрическую больницу в ведение НКВД [36, стр. 19-20]. В начале 50-х годов в Казанской тюремно-психиатрические больнице содержалось около 1000 заключенных, из них многие известные личности: бывший президент независимой Эстонии Пяте, Ю. Никитченко (сын Ионы Никитченко – судьи на процессе по делу Зиновьева и Каменева), бывший начальник штаба ВМС адмирал Галлер (умер в ТПБ после пыточного допроса). Все заключенные в КТПБ имели в деле 58 статью УК РСФСР (антисоветская, контрреволюционная деятельность). Медикаментозное воздействие почти не применялось из-за дефицита психотропных средств. Во время войны (1941- 1945 гг.) в КТПБ умирало от голода 40-50 человек ежедневно [34, стр. 26-27]. Это заведение сконцентрированного коллективного безумия до сих пор хранит свои страшные тайны.

Правовая и организационная пирамида карательной психиатрии складывалась в СССР на протяжении длительного времени и не всегда в логической последовательности. Положение о Казанской тюремной психиатрической больнице НКВД СССР было разработано и введено в действие лишь спустя шесть с половиной лет после учреждения КТПБ (13 июля 1945 года). В КТПБ принудительно лечились две категории заключенных: «душевнобольные, совершившие государственные преступления, содержавшиеся под стражей и направленные на принудительное лечение в соединении с изоляцией по определению суда или по постановлению Особого совещания при НКВД СССР» и «душевнобольные заключенные, осужденные за совершение государственных преступлений, душевное заболевание которых началось в тюрьме в период отбывания срока наказания по приговору суда или постановлению Особого совещания при НКВД СССР» [36, стр. 24]. Инструкция о КТПБ – пример ведомственного произвола по отношению к душевнобольным, к которым относились как к преступникам, пренебрежения теми статьями УК РСФСР, в соответствии с которыми душевнобольные, признанные в установленном законом порядке невменяемыми, освобождались от уголовного наказания [36, стр. 26].

В 40-50-е годы в СССР функционировала уже целая сеть лечебно-карательных учреждений: Казанская, Ленинградская, Киевская психиатрические больницы, тюремно-психиатрическое отделение Бутырской тюрьмы, тюремно-психиатрическая больница в районе г. Томска, в Горьком, в Шацке, тюремно-психиатрическая колония в г. Чистополе [34, стр. 25-26].

Наиболее известной была Ленинградская ТПБ. Она была открыта в 1951 году в здании бывшей женской тюрьмы рядом со знаменитыми «Крестами». К 1953 году в ней «лечилось» примерно 800-1000 человек. В Ленинградской ТПБ применялись инсулиновые шоки, сульфозин, влажные укрутки, была распространена «сонотерапия» – длительное воздействие снотворных. Здесь в начале 50-х годов содержались бывший начальник 9-й армии штаба Г. Жуков, генерал Варенников, композитор Шведов, биолог Шафран, математик проф. Лапин, историк проф. К.В. Никольский, инженер и юрист А.Н. Левитин, и многие другие из среды творческой и технической интеллигенции и армии. Многие пациенты психиатрической больницы прошли через сталинские тюрьмы и лагеря, а после них существование в ТПБ казалось едва ли не райским. Это была тюрьма с невиданно мягким, по тем временам, режимом. Здесь не пытали,

лучше кормили. Камеры днем открывались, и соседи могли беспрепятственно общаться [34, стр. 27-30]. После расстрела в 1953-1954 годах Берии и Абакумова Ленинградская ТПБ начала спешно разгружаться, режим смягчился, значительно сократилось количество заключенных [34, стр. 31-32].

Основанием для помещения душевнобольного в ТПБ являлись копия определения суда о направлении на принудительное лечение в соединении с изоляцией или выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР, к ним прилагалась заверенная копия акта психиатрической экспертизы, установившей наличие душевной болезни [36, стр. 24].

Правом проверки ТПБ обладали только министр ВД СССР, начальник тюремного отдела МВД СССР, их заместители, а также лица, ими уполномоченные. Право опроса душевнобольных заключенных, проверки, так называемой, законности и условий их содержания имел очень узкий круг руководства Прокуратуры СССР. А.С. Прокопенко на основании материалов, найденных в архивах, пишет, что в основном граждане направлялись на принудительное лечение с изоляцией по определению Особого совещания при НКВД СССР. Нарушалось право на переписку: тюремное руководство под предлогом «невменяемости» заключенных не допускало возможности легального выхода их писем и заявлений дальше канцелярии больницы [36, стр. 25-26].

Особую роль в системе карательной психиатрии сыграл бывший ЦНИИСП им. В.П. Сербского. С началом массовых репрессий на судебно-психиатрическую экспертизу “пошел” поток лиц, обвинявшихся в совершении преступлений по статье 58 УК РСФСР, и именно тогда органы госбезопасности организовали в институте особое, так называемое “специальное отделение”. Институт к концу 30-х годов превратился в монопольный бесконтрольный орган, проводивший судебно-психиатрическую экспертизу по всем наиболее важным делам. Архивные документы свидетельствуют о тесной взаимосвязанной работе карательных органов и Института им. Сербского по подавлению антисоветской деятельности граждан [36, стр. 12-13].

В 1948 и 1954 гг. в СССР были изданы инструкции, регулирующие правовые вопросы принудительного лечения психически больных лиц, совершивших преступления. Составители сделали попытку юридического обоснования некоторых организационных и медицинских аспектов помещения и содержания душевнобольных в психиатрических учреждениях, убрав при этом ранее фигурировавший термин «тюремная психиатрическая больница». Первая инструкция была утверждена 25 марта 1948 года. В ней было закреплено, что психически больные лица, совершившие преступления, могли быть отправлены на принудительное лечение в специальные психиатрические заведения в соединении с изоляцией или на принудительное лечение в общие психиатрические и лечебные учреждения. Такие меры могли применяться в отношении «лиц, совершивших преступление в состоянии хронического заболевания или временного расстройства душевной деятельности и признанных невменяемыми», «лиц, совершивших преступление в состоянии вменяемости, но до вынесения приговора заболевших хронической душевной болезнью», «лиц, заболевших психической болезнью во время отбывания наказания в месте лишения свободы» [36, стр. 27-28]. Этот документ – пример жестокого отношения к заключенным, которых в психиатрической больнице не только мучили душевно и физически, но еще и по довольно сомнительным критериям определения улучшения их, психического состояния могли вновь направлять в тюрьмы, в исправительные лагеря, в итоге разрушая их как личности. Такие заключенные обрекались системой на круги ада.

Появление второй инструкции 31 июля 1954 года связано с некоторыми демократическими подвижками в стране после смерти Сталина и после разоблачения антинародной деятельности ряда ключевых фигур органов госбезопасности. «Прогрессивная» новизна инструкции заключалась в том, что принудительное лечение отныне не сопровождалось мерами по изоляции душевнобольных и что определение о назначении принудительного лечения выносилось в судебное заседание с участием прокурора и адвоката (на самом же деле ничего этого не было). Во всем остальном инструкция повторила свою предшественницу от 1948 года, а некоторые ее позиции были даже ужесточены [36, стр. 31-32].

После смерти Сталина в конце 50-х годов была создана комиссия по проверке фактов о

злоупотреблении в СПБ. В комиссию вошли: член комитета партийного контроля ЦК КПСС О.Г.Шатуновская, директор института психиатрии АМН СССР А.А.Федоров, профессор Александровский. Председателем комиссии стал член КПК ЦК Кузнецов А.И [40, стр. 165]. Что же успели совершить психиатрических дел мастера за период примерно с 1948 по начало 1957 года?

Было вскрыто множество фактов и случаев злоупотреблений властью и нарушения врачебного долга, реабилитированы многие узники СПБ. Комиссия документально установила: советские психобольницы, в особенности ТПБ Ленинградская и Казанская, из года в год укомплектовывались, как правило, психически здоровыми людьми. Уже во время работы комиссия установила, что в 75% случаев, узники ТПБ – невинно пострадавшие жертвы противозаконных репрессий [40, стр. 164].

В ЦНИИСП за время с 1951 по 1955 год из 2287 испытуемых 675 были признаны невменяемыми и 611 из них направлены на принудительное лечение с изоляцией в ТПБ МВД СССР, остальные – в обычные психиатрические больницы Минздрава СССР. В 1945 году на принудительном лечении в СССР находилось 637 человек, а в 1956 году – уже 1562 [75]. Комиссия сочла возможным сделать вывод о том, что лица, помещенные в ТПБ МВД СССР по статье 58 УК РСФСР, не были настолько социально опасными и тяжело психически больными, о чем свидетельствовали факты массовой выписки этих больных, начиная с конца 1953 года. По данным МВД СССР от 16 ноября 1956 года, из ЛТПБ по причине «выздоровления» в 1950 – 1952 годах было выписано 71 человек, а в последующие три года (1953 – 1955) – 234 человека. По причине «улучшения психического состояния» за те же годы (1950 – 1952) было выписано только 14 человек, а за 1953 – 1955 годы – 683 человека, то есть в 50 раз больше. Такая же картина складывалась и по КТПБ [36, стр. 96].

Комиссия шла по свежим следам. Но! Новое правительство не желало, чтобы она зашла слишком далеко. Материалы расследования попали к тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР Николаю Михайловичу Швернику, который положил их под сукно. Члены комиссии А.И.Кузнецов и О.Г.Шатуновская были удалены из аппарата ЦК, А.Д.Федоров был снят с должности директора, вскоре погиб профессор Александровский. Дело было закрыто [34, стр. 32-33]. Разгон комиссии КПК при ЦК КПСС означал, что методы карательной психиатрии также были востребованы и властями СССР послесталинской эпохи.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и связанные с ним массовые репрессии, у руководства СССР возникла необходимость в обуздании все большего числа лиц, «инакомыслящих», выступавших открыто против различного рода злоупотреблений власти, отсутствия в стране демократических институтов. Появилась новая потребность в психиатрической внесудебной расправе с такого рода «критиканами», тем более что Н. С. Хрущев говорил о том, что только душевнобольные могут быть не согласны с перспективами строительства коммунизма [36, стр. 111].

Вступила в действие утвержденная Минздравом СССР (от 10 октября 1961 г. 04-14/32) инструкция «По неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность». Психически больного могли насильственно госпитализировать с помощью милиции без согласия родственников и опекунов. В течение суток он должен был быть обследован специальной комиссией в составе трех врачей-психиатров, которая определяла необходимость пребывания больного в стационаре. Таким образом, отсутствие права на защиту и пересмотр решений и забвение гласности таили в себе угрозу незащищенности лиц, против которых могло быть начато психиатрическое преследование, от злоупотреблений власти [36, стр. 114-115]. Инструкция 1961 г. – антиправовая основа начинавшей набирать обороты репрессивной кампании советских властей против инакомыслящих – диссидентов.

С новой волной интеллигенции бороться оказалось трудно, ибо диссиденты начали предавать гласности на Западе все известные им факты применения в СССР психиатрии в карательных целях. Настоящий взрыв негодования западной прессы вызвало сообщение о заключении в психиатрическую больницу известного биолога Ж. Медведева, в защиту которого выступили Солженицын, Капица, Сахаров, Леонтович. В печати раз за разом появлялись свидетельства пребывания в советских «психушках» известных правозащитников – Патрушева, Горбаневской,

Григоренко, Нарица, Буковского, Есенина-Вольпина и других [36, стр. 116].

Петр Григорьевич Григоренко – генерал-майор вооруженных сил СССР, один из лидеров правозащитного движения. Создал «Союз борьбы за возрождения ленинизма» осенью 1963 г., выступал «за отстранение от власти бюрократов, за свободные выборы, за контроль народа над властями и за сменяемость всех должностных лиц», за что и подвергся аресту и помещению в СПБ. Петру Григоренко провели 12 психиатрических экспертиз. 10 из них не нашли у него никаких психических расстройств и только две признали его невменяемым. Врач-психиатр Маргарита Феликсовна Тельце, признавшая Григоренко психически больным, стала доктором медицинских наук. Зато врач Семен Глузман, попытавшийся провести независимую психиатрическую экспертизу, был приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Бесполезны были все попытки правозащитников привлечь к ответственности тех, кто фальсифицировал дела и сажал невиновных людей в СПБ. Оказавшись в США, Григоренко сам попросил провести экспертизу и опубликовать ее независимо от результатов. Никаких психических заболеваний у генерала обнаружено не было. Лишь в 1991 г. после вмешательства военной коллегии Верховного Суда СССР психиатры были вынуждены согласиться с американскими экспертами. 13 лет спустя генерал Григоренко был реабилитирован [24, стр. 5].

М. Суслов, давал следующие комментарии касательно генерала П.Г. Григоренко: «Так он же сумасшедший. Опасный для общества сумасшедший. Его надо надежно изолировать от людей». Знал о нем и Н.С Хрущев, считавший, что Григоренко за свои деяния не достоин генеральской пенсии. Таким образом, именно с согласия партийного руководства репрессии против инакомыслящих набирали скорость [36, стр. 117].

Были созданы новые тюремные психиатрические больницы: 1961 год – Сыческая, 1964 год – Благовещенская, 1965 год – Черняховская и Костромская [36, стр. 117]. В 1970 году в Казанской больнице находилось 752 человека, в Ленинградской – 853, а в целом в спецбольницах МВД СССР – 3350 заключенных [73].

Сделав один шаг на преступном пути – заточение дисседентов в СПБ, власти вынуждены сделать следующий, еще ужаснее и преступнее – назначение психофармакологических средств, подрывающих физическое и психическое здоровье. Интенсивность лечения зависела от больницы, лечащего врача, от отношения к заключенному со стороны КГБ. Среди медицинских средств чаще всего употребляли: галоперидол, сульфазин, аминазин, трифтазин и другие в сочетании с физическими средствами воздействия: избиение, фиксация (принудительная иммобилизация), укрутка (влажная укрутка), в зависимости от обеспеченности больницы. В хорошо обеспеченных СПБ были следующие средства: амитал-кофеиновое растормаживание (пациент попадает в состояние повышенной речевой и двигательной активности – «растормозка»; аминазин – седативное средство, имеющих много побочных явлений (делали при нарушении режима и неподчинении властям СПБ, препарат приводил к резкому снижению артериального давления и часто к коллапсу и смерти). Это были чисто карательные меры, не имеющие никаких медицинских показаний. Инсулиношоковая терапия, применяемая в тех же целях, – вызывала состояние, угрожающее жизни; мучительные инъекции сульфазина причиняли острую и продолжительную боль в месте укола, не дающую ни сидеть, ни лежать. Температура пациента поднималась при этом до 40 градусов [34, стр. 109-113].

На протяжении всего постхрущевского периода советской истории в головах руководителей СССР созревал план «цивилизовать» расправу над инакомыслящими, заменив скандальный, осуждаемый всем миром, ставший экономически убыточным, политический ГУЛАГ компактным и почти незаметным обществу ГУЛАГом психиатрическим [36, стр. 130]. Документы политбюро об этом чрезвычайно любопытны, они были засекречены по высшей категории секретности. Андропов разослал членам политбюро докладную записку УКГБ по Краснодарскому краю, в качестве примера того, что происходит по всей стране, о наличии в крае значительного числа психически больных, вынашивающих террористические и другие общественно опасные намерения. Подразумевалось, что члены политбюро легко поймут, о каких масштабах идет речь, ведь положение везде «аналогично», а краев и областей в СССР около ста. Значит, в целом по стране должно быть

порядка 70 тысяч «опасных» и 1,2 миллиона «нуждающихся в госпитализации». Таким образом, речь шла о создании психиатрического ГУЛАГа. И политбюро согласилось на его создание, причем в срочном порядке: вопрос предполагалось решить в течение полугода [11].

Историческое событие в истории борьбы за права человека состоялось в августе-сентябре 1977 года в Гонолулу (США) на VI Конгрессе Всемирной ассоциации психиатров. О том, какой жестокой критике подверглась там практика советской психиатрии, на Западе известно довольно хорошо, но до обычных российских граждан эта информация не доходила [36, стр. 135]. В результате энергичной позиции мирового сообщества психиатров, всей мировой общественности, советские вожди так и не смогли создать психиатрический ГУЛАГ, весь их грандиозный план погиб, и вплоть до 1989 года им приходилось оправдываться перед всем миром [25, стр. 111].

Начавшийся в СССР с 1985 года процесс демократизации государственных и общественных отношений, сопровождался признанием международных юридических норм по правам человека, повлекшим за собой освобождение из мест заключений инакомыслящих, требовал ликвидации зловещего механизма карательной психиатрии, решительного пересмотра советской психиатрической доктрины [36, стр. 159].

ЦК КПСС и советское правительство ясно понимали, что продолжению негуманной практики использования психиатрии, идущей вразрез с их заявлениями о стремлении СССР к интеграции в мировое сообщество, следовало положить конец [36, стр. 159].

В 1988 году в ведение Минздрава СССР были переданы 16 психиатрических больниц специального типа МВД СССР, а пять из них вообще ликвидировать. С психиатрического учета в СССР спешно сняты два миллиона человек, а из УК РСФСР изъяли статьи 70 и 1901 [36, стр. 159-160].

Эпоха политических репрессий с применением психиатрии осталась позади, но навсегда должны остаться в памяти ее основные жестокие слагаемые, не имевшие аналогов в мировой практике [36, стр. 160]:

1. Неправомерность длительного (от 3 до 15 лет) и не обусловленного медицинскими соображениями пребывания в условиях тюремного режима, более жестокого, чем для психически здоровых людей в тюрьмах и на спецпоселениях.
2. Не обоснованное в медицинском отношении признание лиц без выраженных психотических расстройств социально опасными душевнобольными с рекомендацией принудительного лечения в психиатрических больницах специального типа системы МВД СССР.
3. Многолетнее содержание лиц, признанных невменяемыми по политическим статьям УК РСФСР и не имевших тяжелых нарушений психики, с сохранным интеллектом и правильным поведением в одной камере (палате) с тяжелыми и опасными больными, в состоянии бреда и агрессии.
4. Намеренный и умышленный разрыв социальных связей больных.
5. Лишения больных гражданских прав путем признания их недееспособными по инициативе врачей без медицинских оснований.
6. Зависимость экспертной службы и органов, осуществляющих принудительные меры медицинского характера, от следственных органов и госбезопасности.
7. Принудительное лечение без медицинских показаний и учета противопоказаний: назначение психотропных средств, в том числе без употребления корректоров, снимающих побочный эффект от их применения
8. Не проводилась какая-либо социальная программа реабилитации больных
9. Полное отсутствие каких-либо независимых контрольных органов, надзирающих как за правильностью судебно-психиатрических и судебных решений, так и за ходом, адекватностью принудительного лечения [36, стр. 160-162].

В заключение важно отметить, что до сих пор неизвестно точное количество и имена жертв советской карательной психиатрии, а что еще страшнее реабилитация невинно пострадавших от карательной психиатрии согласно данным «Белой книги России» была подменена простым снятием с психиатрического учета двух миллионов человек [36, стр. 164].

Сегодня, благодаря группе врачей Независимой ассоциации психиатров России, сумевших ознакомиться с медицинскими архивами бывших

Ленинградской, Орловской, Сычевской и Черняховской ТПБ МВД СССР, можно достоверно поименно назвать лишь одну тысячу семьсот восемьдесят девять советских и иностранных граждан. Для того чтобы узнать большинство невинно пострадавших узников психиатрических больниц, необходимо прежде всего узнать, в каких именно психиатрических больницах они томились. Решение этой проблемы усугубляется тем, что направляли их не только в больницы системы МВД СССР, но и в многочисленные психиатрические учреждения Минздрава СССР [36, стр. 152-153]. Документальные данные о несправедливо признанных душевнобольными жертвах карательной психиатрии очень важны и их розыск является обязанностью всех граждан для реабилитации невинных жертв, для нравственного очищения постсоветского общества.

В этих целях может оказаться небезынтересным «Доклад о нарушениях прав человека в Российской Федерации при оказании психиатрической помощи», подготовленный в рамках проекта «Юридическая защита индивидуальных прав в Российской Федерации», который финансируется Европейским Союзом, как часть Программы сотрудничества ЕС и России (Тасис), и работает в партнерстве с общероссийским общественным движением «За права человека» [25].

Ни один Всероссийский съезд психиатров не выступил перед отечественной общественностью с заявлением об ответственности советских руководителей психиатрии за издевательство над психическим здоровьем людей, за бесчеловечные условия содержания больных и здоровых людей в психиатрических учреждениях, за злоупотребления психиатрией [36, стр. 163-164].

Остался психиатрический монстр – Институт им. Сербского, который ныне называется Государственным научным центром социальной и судебной психиатрии им. проф. Сербского. Он крепко держит в своих руках бразды правления судебно-психиатрической экспертизы по особо важным делам, всей судебно-психиатрической стационарной экспертизы лиц, находящихся под стражей в Москве [36, стр.165].

В 1990-1992 годах в комиссиях Верховного Совета СССР, а затем РФ был разработан Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав при ее оказании» [2], вошедший в силу с 1 января 1993 года, являющийся одной из основ правового государства. Этот закон, к сожалению, не всегда сопровождается юридическими механизмами для его выполнения. И по сей причине в реальной жизни по-прежнему не редкость психиатрические злоупотребления. Нужен высокий уровень правосознания [4; 13; 14; 15; 17; 18; 22; 38; 41; 42; 43; 48; 66] и правовой культуры [45; 46; 51; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 60; 61; 62; 63; 67] всех категорий российских людей – государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, судей, врачей вообще и психиатров в частности и, конечно, самих граждан. Тогда можно надеяться на успех.

Пока еще, вероятнее всего, сознательно не создается правдивая история советской карательной психиатрии с обозначением места, роли и персональной ответственности в ней конкретных психиатров. Без признания вины, без покаяния перед своим многострадальным народом попытки реабилитации людей, лишенных чести, работы, семьи, жилья, необоснованно ограниченных в своих правах невозможно развитие современной гуманитарной психиатрии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2014.
2. Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.
3. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
4. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
5. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике

конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
6. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
7. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
8. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
9. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
10. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
11. Буковский В.К. Московский процесс. – Париж; М.: МИК: Русская мысль, 1996. – 525 с.
12. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
13. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
14. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца X1X – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
15. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П.Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
16. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
17. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
18. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
19. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
20. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.
21. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М., 2015.
24. Известия. – 1994. – № 61. – 1 апреля.
25. Карательная психиатрия в России: Доклад о нарушениях прав человека в Российской Федерации при оказании психиатрической помощи. – М.: Международная Хельсинкская федерация, 2004. – 496 с.
26. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
27. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. – М.: Политиздат, 1975.
28. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
29. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
30. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
31. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
32. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 65-71.
33. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
34. Подрабинек А.П. Карательная медицина. – Нью-Йорк.: Хроника, 1979. – 192 с.
35. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.

36. Прокопенко А.С. Предисловие // Глушанский Э.Л. Безумная психиатрия. – М.: Совершенно секретно, 1997. – 176 с.
37. Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
38. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
39. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
40. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX века: Монография / Научный редактор и автор вступительной статьи В.П. Сальников. – Н. Новгород: Арника, 1996. – 278 с.
41. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
42. Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 47-50.
43. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
44. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
45. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
46. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 1.
47. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
48. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
49. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
50. Сальников В.П. Концептуальные принципы философского обоснования права // Философия права. – 2002. – № 2.
51. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
52. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
53. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Секция: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
54. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
55. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
56. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
57. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
58. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54.
59. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
60. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
61. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
62. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.

63. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
64. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
65. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
66. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
67. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
68. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
69. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
70. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
71. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
72. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 г. – М.: Зерцало, 1997. – 592 с.
73. ЦА МВД РФ, ф. 55, оп. 1, д. 552, 695; оп. 1, д. 10,739.
74. ЦА ФСБ РФ, д. Н685.
75. ЦХСД, ф. 6, оп. 6, д. 1686; ЦА МВД РФ, ф. 55, оп. 1,д. 552; ГАРФ, ф. 9413, оп.1, д. 226.
76. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
77. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
78. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
79. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
80. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.
81. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
82. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
83. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ЗОИРОВ Джурахон Маджидович,
начальник Академии МВД Республики Таджикистан, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

БОБОЕВА Низорамох Идиевна,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПРИ ТАХИРИДАХ

Аннотация. Исследуются вопросы возникновения, развития и особенностей государственной власти при правлении тахиридской династии. Отмечается, что Тахириды возродили и продолжили арийско-таджикские традиции государственности, в частности в создании отраслевых министерств – диванов. Они также занимались подготовкой правовой базы, создали свод правил по многим отраслям управления, вложили много сил и средства в развитии военных наук. Этим были созданы условия для всестороннего развития территорий, входящих в Хорасанское наместничество, впоследствии приведшей к укреплению местной государственности.

Ключевые слова: Аббасиды; Тахириды; Хорасанское наместничество; таджики; государственная власть; мусульманская община;

ZOIROV D.M.
BOBOEVA N.I.

FEATURES OF FORMATION OF STATE POWER AT TAHIRID

The summary. *The questions of the origin, development and characteristics of public authorities under the rule tahiridskoy dynasty. It is noted that Tahirids revived and continued Aryan-Tajik statehood traditions, particularly in the creation of sectoral ministries - divans. They are also preparing a legal framework, created a set of rules in many areas of management, we have invested much effort and resources in the development of military science. This created conditions for the comprehensive development of territories belonging to the governorship of Khorasan, then led to the strengthening of the local state.*

Key words: *Abbasids; Tahirids; Khorasan governorship; Tajiks; government; Muslim community.*

Начиная с восшествия Аббасидов к власти роль и значение таджиков и иранцев в установлении и разрешении политических проблем растет. Оно становится важнейшим в теории и эволюции практики функционирования и деятельности государственной власти [6; 7; 8; 13; 20; 35; 36; 38; 56; 59]. Следует отметить роль великих везиров Аббасидов – династии Бармакидов, благодаря которым дела управления заметно улучшились. Бармакиды происходили из древнего города Балх [19, стр. 39], где их предки ведали буддийским храмом Навбахар, обладавшим огромным недвижимым имуществом. После разрушения Балха во время арабского завоевания Бармакиды приняли ислам и активно участвовали в восстановлении своего города, вследствие чего представители их дома были выдвинуты на высокие посты центрального правительства Арабского халифата и управление наместничеством Хорасана. При них были созданы институты государственной власти и управления, которые привели к интеграции всех провинций и налаживанию культурных, экономических и других связей внутри Халифата. Но, несмотря на их заслуги перед государством все представители семейства Бармакидов были убиты со стороны халифа Харун-ар-Рашида (29 января 803 г.), как наиболее опасные противники халифа [64, стр. 105-106].

После отстранения Бармакидов от власти, растет бремя налогов, которые привели к народным движениям [55; 66]. Эти и другие причины, которые свидетельствуют о кризисе власти в Халифате, от Халифа настоятельно требовали поиск путей восстановления и укрепления государственной власти. Как свидетельствует история Халифата, было использовано способ сближения с местным населением, а также привлечения местной аристократии, имеющий огромный управленческий опыт, перешедшей на сторону арабов, в том числе в историческом Таджикистане, и допущенное к занятию должностей центральной власти, на местах и к управлению армией [18, стр. 119].

Признавая за местной аристократией право на участие в управлении государством, тем самым Аббасиды вынужденно предоставляли известную автономию восточным областям Халифата. Это вынужденная мера, должна была способствовать привлечению представителей местной аристократии к государственным делам, посредством которой арабы стремились парализовать тягу местной аристократии к независимости и иметь возможность при случае опереться на них в борьбе с народными выступлениями [32, стр. 321]. Такой курс в политике был начат уже давно, а позже поддерживался и преемниками Аббасидов.

Аббасиды хотели парализовать таким путем стремление таджикского народа к независимости. Но удержать процесс постепенного усиления местной аристократии халифы уже не могли, потому что, имея огромный опыт управления, эти династии также заявляли о поддержке ислама, тем самым укрепляя под собой социальную почву и поддержку духовенства.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что духовность и духовенство всегда играли существенную роль и имели определяющее значение для общественной жизни мирового сообщества [3; 12; 21; 26; 43; 44; 46; 47; 48; 50; 51; 54]. Усиливается их предназначение и в современных условиях [5; 11; 15; 22; 23; 24; 25; 34; 45; 49; 52; 53].

После разгрома династии Бармакидов на политическую арену выходят представители другой таджикской династии – Тахириды. Период правления Тахиридов, является начальной стадией к освобождению от власти халифата, хотя минимальное время (юридически всего один день, а фактически почти все время правления представителей династии) изменившим статус Хорасанского наместничества. Важнейший шаг Тахиридов на пути установления самостоятельной государственной власти на территории Хорасана являлся переход к делопроизводству на родном языке, что подготавливало население к более решительным изменениям, к принятию более действенных мер, свободу в действиях в обстановке общения на родном языке. Данное событие было поддержано и развито последующими династиями таджикских правителей – Саффаридами и позже Саманидами как важный фактор в эволюции идей самостоятельной государственности. Ими таджикский язык был принять в качестве государственного языка.

Не идеализируя отдельных представителей таджикских династий от Тахиридов и до Саманидов, а также деятельность местной феодальной аристократии в эту эпоху, следует отметить, что их деятельность сыграла важную роль в оживлении, возрождении и дальнейшей эволюции и рецепции местных

государственно-правовых традиций. Это свидетельствует в свою очередь о том, насколько значительной была тенденция возрождения и развития местной древнетаджикской государственной и правовой культуры, что она включила даже верхушку тогдашнего господствующего класса в это общенародное течение [28].

Исследование вопросов возникновения, развития и особенностей государственной власти при правлении тахиридской династии является интересной научной и практической проблемой, так как тахириды – это первая таджикская династия, которая в зените могущества Арабского Халифата, не признала ее и объявила о своей самостоятельности.

Тахириды стали наместниками Хорасана в 821 году. Историки генеалогию Тахира ибн Хусейн связывают с Сасанидами и легендарным Рустамом. При распространении власти Халифата, предки Тахира стали клиентами (маула) правившего Сиистаном в конце У11 в. арабского племени аль-Хузаъи. Дед Тахира Мусъаб ибн Рузайк в некоторые источники (Зурайк, Разик, Заррик) был хорасанец и играл важную роль в борьбе Аббасидов с Омеядами в 747-750 гг. возглавляемого Абумуслимом. Разик – дед Тахира состоял на службе у правителя Сиистана аль-Хузаъи, тогда наместником Хорасана являлся Сальм ибн Зияд. Разик, считавшийся потомком богатыря Рустама принял ислам. По некоторым источникам Мусъаб, Хусейн, Тахир владели городом Бушенгом в области Герата. Род Тахиридов был самым могущественным в Хорасане и их представители принимали активное участие в подавлении восстаний, особенно во время восстания Рафи ибн Лайса в 806-810 гг. По сообщению источников в 806г. вспыхнуло крупное восстание под руководством Рафи ибн Лайса и наместник Самарканда был убит, а город некоторые время оставался в руках восставших. В восстании принимало активное участие оседлое население Ферганы, Ходжента, Бухары, Уструшаны, Хорезма, Чаганияна и Хуталляна. На помощь к ним пришли кочевники-тюрки. Это восстание было подавлено лишь в 810 г., когда Рафи ибн Лайс в критический момент изменил восставшим. Последующие годы и в другие города вспыхивали новые восстания [33, стр. 138-147] Данные восстания свидетельствовали о том, что наместники уже не могут удержать эти территории (исторического Таджикистана) только одной силой оружия.

Стремительное возвышение Тахира началось после смерти Харун ар-Рашида (786-809 гг.), когда разгорелась борьба за власть между его сыновьями – братьями*.

Тахир назначается командующим войсками хорасанского наместника, что еще больше укрепил его могущество. Руководить хорасанскими воинами было и почетно и трудно, так как они являлись самыми боеспособными в составе войск Арабского Халифата.

После долгой борьбы Маъмун стал халифом благодаря военной мощи Тахира. После победы Маъмуна в 813 г. Тахир был назначен наместником ал-Джазиры одновременно военным комендантом столицы халифата города Багдад, также главой ведомства натуральных повинностей Ирака [10, стр. 265-272]. Ему были переданы в управление Луристан и Худжистан [1, стр. 309]. Впоследствии, в 821 г., он был назначен наместником Хорасана и всех земель Востока Халифата. Тахир ибн Хусейн приобрел большой авторитет при дворе халифа Маъмуна, являясь одновременно наместником Хорасана. Это беспокоило халифа, но как пишет Табари гарантом Тахира перед халифом Багдада выступил везир [39, стр. 5706-5707; 61, стр. 1039].

Следует отметить, что управителями всех областей Мавераннахра, которая при этом входило территориально в Хорасанское наместничество, являлись представители местной таджикской крупной земледельческой знати – например, семейство Бармакидов и Саманидов. Основываясь на них и поддержку везира Тахир укрепляет органы государственной власти Хорасана, создал дисциплинированную боеспособную армию, проводил реформы государственной власти и управления, в учете и распределении налоговых поступлений, что создало условия способствовавшие фактически самостоятельному развитию территорий исторического Таджикистана от власти халифов.

Назначение Тахира на должность наместника Хорасана, помимо всего прочего, было вызвано и тем, что положение в этих областях было крайне неустойчивым, число недовольных новыми властями росло, вспыхивали восстания населения, разочарованного обещаниями Аббасидов. Халифы видели в лице Тахира государственного деятеля и военного, способного держать в повиновение огромные территории Хорасана [64,

стр. 107].

Следует отметить, что Хорасанское наместничество также разделялась на административные единицы. Тахириды являлись наместниками Хорасана, и в качестве главы наместничества назначали своих наместников подвластные им города и области. Тахир ибн Хусейн проводил реформу управления, согласно которой создал восемь диванов, которыми руководили везиры. Так как некоторые диваны Хорасана повторяли в своих функциях и компетенции, названиях центральные диваны Халифата Тахиром также диваны называли как и центральные диваны. Примером может служить должность Главного везира – зулраёсатин**, а диван рисолат, который также существовал и в Багдаде – назвал зулќаламин***. Данный диван был ответственным за внешние сношения, корреспонденцию тахиридов с другими соседними правителями и со двором Халифа. Позднее, при Саманидах данный диван наряду с вышеуказанными функциями, также исполнял роль государственного архива. Дивану поручалось ведение внешней политики, и здесь велась официальная переписка от имени государства правителям других стран.

Дата назначения Тахира наместником Хорасана и Мавераннахра считается началом правления династии Тахиридов (821-873 гг.). Тахиридам, в отличие от Абумуслима, Бармакидов и Хайдар – афшина Уструшаны, удалось добиться фактической независимости Хорасана и Мавераннахра, хотя эти области признавались за ними маншурами (приказами) Аббасидских халифов.

С именем Тахира – первого правителя династии Тахиридов – связан акт провозглашения государственной независимости [64, стр. 107-108], которая хотя и привел к смерти самого правителя, но дал начало процессу дальнейшего развития именно процесса создания независимой государственной власти на восточных территориях Халифата. Интересные события связаны с провозглашением независимости тахиридского государства. Известно, что о признании верховной власти кого-то в мусульманском обществе свидетельствует выпуск монеты с его именем, произнесение его имени в хутбе с минбара (кафедры) главного мечети страны. Власть легитимна, если имеется на лицо все три его атрибута, первый, чеканка монет с именем правителя, второй, упоминание в хутбе имя царствующего правителя, что равносильно признанию его власти, третье, хутба читается с минбара главной мечети страны [57, стр. 35-37]. Ибн Халдун отмечает, что «достигшие степени независимости, мусульманские правители пропускали в хутбе**** имя халифа» [30, стр. 533] Таким образом, если «хутба, чеканка и минбар» [27, стр. 9] принадлежат данному человеку, то он является признанным главой государства. Становление фактически независимой государственной власти в Хорасане не устраивало Тахира, и он начал мероприятие, согласно его идее, становилось юридической основой самостоятельной государственности, что в свою очередь было связано именно с этими институтами. Реализуя право на отделение и создание независимого государства, а также полноту своей власти, Тахир начал с того, что принял решение о том, что отныне не упоминать имени Халифа в хутбе мечетах Хорасана. Стремление его к независимости выразилось уже в 822 г., когда по его приказу прекратили упоминание имени халифа в хутбе во время пятничной молитвы, что было равнозначно разрыву отношений с Арабским халифатом и равносильно с актом провозглашения независимости.

В то же время менталитет и мировоззрение мусульманской общины, так как таковым было уже и население Хорасанского наместничества, с которыми Тахир хотел создать независимое государство, не могло понимать и воспринять это, то получилось, как раз наоборот. Начиная от сына Тахира – Талхи, его везира и других чиновников всеми принятие данного акта считалось чем-то из ряда выходящим, неординарным, неправильным поступком. Описание данного события полностью подтверждает наш тезис. Мы находим описание данного события у Касум ибн Собита – сахиб – барида ***** при правлении халифа Маъмун. Диван сахиб – барид исполнял как обязанности государственной безопасности, так и считался диваном почты халифата [9, стр. 297].

По его рассказу на следующий же день после того, как в хутбе было пропущено имя Халифа Маъмуна, сахиб – барида пригласили к Тахиру.

При этом встретил его сын Тахира – Талха и спросил его, о том, что вчерашнее решение Тахира (имелся ввиду приказ об неупоминание имени халифа в хутбе – Н.Б.) передано ли халифу? Когда Касум ибн Сабит ответил утвердительно, то Талха попросил его написать в

этот раз халифу сообщение о смерти Тахира. Вскоре после этого Тахира нашли мертвым в его постели. Нетрудно догадаться, что Тахир был убыть [19, стр. 40-41].

Тахир был государственным деятелем, великим воином, выдающиеся личностью, и ему приписывают многие рыцарские качества, и что умирая назидал другим поддерживать этику рыцарства. По свидетельству его слуги, последними словами Тахира, произнесенными на таджикском языке перед смертью, были: «... и в смерти должно быть мужество» [62, стр. 5706-5707] (… ваќти мурдан њам, мардонагї даркор).

После смерти Тахира власть перешло к его сыну Талха (822 – 828 гг.), которого признал и Халифа Маъмун в качестве наместника Хорасана. Талха также выказывал повиновение Аббасидским Халифам.

Начиная с Талхи, Тахириды правили Хорасаном из Нишапура, пользуясь фактической самостоятельностью. Их зависимость от Халифата выражалось посылкой подати в Багдад. Строгая приверженность суннизму и благосклонное отношение к окрепшим сословиям иранских и арабских землевладельцев обеспечили Тахиридам поддержку знати. Тахириды в своей политике опирались на персо-таджикское население подвластной территории.

В то время как главная ветвь Тахиридов правила Хорасаном, другие члены рода до конца 1Х в. поочередно занимали важный пост начальника полиции и гарнизона столицы – города Багдад. Следовательно, тахиридская власть опыралась не только на армию, население исторического Таджикистана, но и на государственную власть Халифата, должностными лицами которой являлись члены династии, поддерживающие их.

Устойчивость государственной власти и развитие благосостояния населения зависело от производства и поступления налогов в казну. Тахиридам для укрепления власти, снаряжения войск, защиты государственных границ требовалось все больше и больше денег. Например, сумма налогов в 844 г. достигло – 48 млн. дирхемов. Крестьяне подвергались усиленной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев и одновременно были обязаны платить государству большие налоги. По сообщению источников во время Тахиридов положение населения, особенно крестьянства, оставалось очень тяжелым, особенно в Сиистане не прекращались восстания крестьян. Укрепляя государственную власть Тахириды в Сиистане пытались помешать росту влияния Саффаридов выходцев из этих мест, однако одолеть Саффаридов им так и не удалось. Данное противостояние имело и религиозное причины, так как Саффариды умело использовали недовольство населения Сиистана, в том числе хариджитов и шиитов против как Тахиридов, так и Аббасидов –приверженцев строго правоверия – суннизма.

Тахириды исповедовали суннитское направление ислама и в Хорасане они боролись с шиитскими проповедниками, действовавшими в прикаспийских областях.

Тахириды создавая свое государство, в качестве государственной идеологии выбрали ислам, и свое предназначение тоже видели в службе исламу. Поэтому во время правления Талхы ислам был внедрен в Уструшане (822 г.), где долго держался зороастризм (Это была последняя военная кампания в целях установления ислама на территории исторического Таджикистана – Н.Б.). Тахиридам насаждение и поддержка ислама необходимо было и для того, чтобы найти опору своей централизаторской политике. Источники сообщают, что Абдулло Тахирид в 840 г. организовал процесс суда над бывшим афшином Уструшаны Хайдаром, который после принятия ислама стал одним из видных военачальников халифа Мутасима. На суде афшину предъявили обвинение в том, что он принял ислам, чтобы скрыть свои замыслы, а на деле готовил переворот в Уструшане, для восстановления независимости и возрождения зороастризма – древней религии таджиков. Как показал судебный процесс, не только население, но и афшины – представители государства только внешне приняли и соблюдали требования ислама. Согласно обвинительному заключению, предъявленное ему в суде, якобы афшин Хайдар хранил у себя священную зороастрийскую книгу и почитал ее, ел мясо зарезанных не по мусульманскому обычаю животных, не был обрезан. Он был обвинен в том, что он наказал двух согдийцев, которые превратили храм идолов в мечеть и что он путем договора с царем Согда дал населению свободу вероисповедания, а это означало неуспех ислама.

Следует отметить, что создание независимой государственной власти в Хорасане не

приветствовалось Халифами, несмотря на успехи в распространение и укрепление ислама представителями этой династии. По сообщениям источников халифа Мутасим, правивший халифатом 833-842 гг. не любил Абдаллаха, и даже несколько раз хотел отравить этого могущественного наместника Хорасана.

Фактически независимое государство Тахиридов выполняло две обязанности по отношению к Халифату: а) каждый год собирал и отправлял налоги халифу; б) участвовал в военных походах со своей армией [63, стр. 120].

Тахириды объединили всю территорию Хорасана и Мавераннахра, с целью создания централизованного единого государства. Данная политика и тенденция в деятельности династии усилилась, когда к власти пришел Абдулла (830-844 гг.) сын Тахира ибн Хусейна, самый могущественный, самый известный представитель династии Тахиридов. Он еще при жизни отца унаследовал должность отца – наместника Аль-Джазиры, Ирака и коменданта города Багдад, столицы халифата. Он был очень авторитетный в круге халифа. Его уважали, его авторитет стал непререкаемым особенно после восстания 20-х годов в Халифате, когда он успешно справился с восставшим народом.

Абдаллах, первый устроитель Хорасана, установивший в стране твердую власть и спокойствие, защищавший трудящиеся классы от притеснений заботился и о распространении просвещения. Он связывал вопросы укрепления государственной власти с просвещением народа. При дворе Тахиридов наряду с арабским, был распространен и язык персо-таджикский язык. По сообщению источников во многих крупных городах Хорасана и Мавераннахра, в том числе в Мерве существовали библиотеки, где хранилось в больших количествах книги не только на арабском, но и на таджикском языке [67].

Абдаллах был «великим хаджибом» (камергером) халифа Маъмуна, последний считал его не только «своим маула, но и братом». По приказу халифа на знамени Абдаллаха золотыми буквами было вышито слово «Победоносный». Источники, сообщая о верности Абдаллаха халифам, приводят его слова о том, что его власть распространялась на Восток и Запад, и что он не собирается изменить Маъмуну [62, стр. 5736].

Абдаллах стремился к централизации государства, установлению в стране порядка и твердой власти. Государственная власть Хорасана при Абдаллахе была настолько самостоятельной, что аббасидские халифы не вмешивались в дела управления этого наместничества. Более того, халифа Мутасим (833-842 гг.) боялся и ненавидел могущественного наместника Хорасана, а попытки отравить Абдаллаха были безрезультатны. Он как правитель пытался по возможности ограничить произвол, который царил на местах по отношению к крестьянам со стороны крупных чиновников. Он принимал решения и давал приказы, которые несколько улучшили тяжелое положение крестьян. Он требовал не обижать крестьян, так как «Бог кормит нас их руками» говорится в его приказе [19, стр. 42].

При Абдаллахе положение в Хорасане несколько улучшилось. Абдаллах подавил восстание Алидов (сторонников возвращения халифата потомкам Алия) в Таликане, предпринял поход против непослушного ему правителя Табаристана и значительно укрепил свое положение.

Государство нуждалось в большом числе грамотных чиновников. Абдаллах как правитель серьезно взялся за обучение населения, поэтому принимал на службу только грамотных людей.

Тахириды укрепляли свое государство не только путем обучения и установления новых государственных органов, но и посредством расширения границ, захвата враждебных территорий. При Абдаллахе Тахириде границы государства продвинулись на север, были завоеваны некоторые земли турок-огузов. Абдаллах назначил правителя Хорезма, а в 60-е годы была завоевана Кабульская область.

При этом в знак уважения из кабульского похода в 864 г. Мухаммад ибн Тахир послал халифу в подарок двух слонов, захваченных в Кабуле, несколько буддийских идолов и ароматические вещества.

Таким образом, границы государства Тахиридов простирались от современного Ирана до Хорезма и Ферганы на северо-востоке, до Кабула и границ Бадахшана на востоке и до берегов Персидского залива на юге [32, стр. 323]. Огромная территория бывшего наместничества, теперь Тахириды управляли через своих наместников, назначаемых обычно из числа представителей рода Тахиридов или же посредством своих вассалов – местной знати.

Следует отметить, что после арабского нашествия и до Тахиридов на территории исторического Таджикистана существовали маленькие замкнутые полузависимые или независимые друг от друга государства. Управляли ими наместники – хакимы, и у каждого главы города – государства было традиционно свои титулы. Например, правитель Согда назывался ишхид, Уструшана афшин, Ферганы шах, Бухары – Бухорхудот, Хатлона – Хутталоншох. Тахириды объединяя эти разрозненные территории назначили управителей, в число которых входили и представители местной знати.

Хотя государственная власть Тахиридов с помощью силы и своего авторитета смогла объединить Хорасан, она подспудно назначало и поддерживала представителей другой таджикской династии, правившие отдельными городами Мавераннахра – Саманидов, и этим подготовило почву для возникновения самостоятельной таджикской государственности. При Тахиридах всеми областями Мавераннахра, кроме Бухары, правили Саманиды.

Возвышению тахиридов и укреплению их власти содействовали разные причины, в числе которых следует упомянуть ослабление центральной власти Халифата, усиление налогового бремени населения, а идеологически – движения шуубия******. Тахириды разрешали поэтам, в своих произведениях особенно с шуубитскими симпатиями, прославлять их, сравнивая с царями и героями домусульманского Ирана.

Характеризуя государственность Тахиридов следует отметить такие особенности: в литературе исторической и в юридической речь идет о государственности Тахиридов, в том смысле, что они управляли Хорасаном и Мавераннахром фактически самостоятельно. Но их назначал Халифа как своих наместников, как главнокомандующего и главу полиции Багдада, столицы Халифата. С юридической точки зрения, они являлись чиновниками местной власти, подчинялись центральной власти Халифата. Только в отношении Тахира можно сказать, что он объявил о разрыве с Халифатом и объявил о государственной независимости. Данное состояние длилось всего один день. Несмотря на это, фактически Хорасан управлялся независимо, особенно после прихода к власти Талхи Тахирида, который Хорасаном управлял из Нишапура, а не как Тахир из Багдада. Такая форма опосредованного управления краем, возможно придает особый статус первым Тахиридам и классификации их правлений. Даже при Талхи, который управлял из Нишапура Хорасаном остается ряд вопросов о замещении должности одного лица, как в Халифате, так и в Хорасане. Но, тем не менее, источники сообщают, как тахириды заслуживая высокое доверие при дворе халифов, в тоже время как представители порабощенного народа постепенно подготовили почву для политического и культурного освобождения последних. Ведя самостоятельную и независимую политику, тахириды подготовили почву для прихода к власти других таджикских династий [16, стр. 112-114]. Следует также указать, что они служили и делу распространения ислама в пользу власти арабского Халифата. А на всей территории Хорасана исполнение приказов и распоряжений Халифа было обязательной [63, стр. 123]. Поэтому в работах по истории Тахиридов наблюдается двойственность в оценке данной эпохи. Фактически все рычаги правления Халифата было в их руках, кроме религиозной власти, которую олицетворял Халифа.

Тахириды возродили и продолжили арийско-таджикские традиции государственности, в частности в создании отраслевых министерств – диванов.

Тахириды, особенно Абдаллах были инициативными деловитыми правителями, при них механизм государственной власти использовался по назначению. Они занялись подготовкой правовой базы и создали свод правил по многим отраслям управления, т.е., развитие и регулирование отношений они начали с подготовки юридической базы, а также с помощью налоговых льгот всячески поощряя экономическое развитие региона. Предвидя связь экономического благосостояния населения с вопросом доставки и распределения водных ресурсов, регулирования водно-правовых отношений, Тахир всесторонне изучив данный вопрос, смог организовать обсуждение, анализ и формировал его правовую базу. Правовой базой регулирования водно-правовых отношений стало составленная по приказу Тахира со стороны знатоков фикха книга о водопользовании – «Китаб ал – куний» («Книга о подземных каналах»). Обеспечение правовой базы водных отношений со стороны власти было важным, в том плане,

что государственная власть вплотную занялся и разрешил правовые проблемы, связанное с регулированием водных ресурсов – важнейшей отрасли, от которого зависело благосостояние восточного общества, в том числе исторического Таджикистана. Об огромной теоретической, более того практической пользе данного шага свидетельствуют исследования. Согласно исследованиям ученых, в том числе специально посвященной данной теме диссертационной работы М.А. Салихова, нормы этого свода правил («Китаб ал-куний» – Н.Б.) в течение более тысячи лет, до установления русской власти в Туркестане регулировали водные отношения [58, стр. 12].

Деятельность Тахиридов в организации подземных каналов была настолько обширной, что хорошие кяризы население называл «тахиревы каналы» («каноте Тахири») [40, стр. 158]. Кроме того, при Абдаллахе были приведены в порядок и сооружены новые оросительные системы, установлен твердый порядок водопользования.

Тахиридами в целях укрепления финансовых основ государственной власти была проведена реформа в области налоговых отношений. По сообщению источников, Тахириды приняли меры для правильного учета земель и правильного взимания налогов. В этом деле правовой базой служила работа известного хорасанского юриста из Мерва – Хафс ибн Мансур Мервази «Книга податей Хорасана», составленная в начале IX в., то есть также при Тахиридах и при их содействии.

При Тахиридах была установлена четкая система налогообложения, причем каждый город и селение имели чиновника по сбору налогов, взимаемых деньгами и натурой. Но исчисление в налоговых реестрах шло наличными. Согласно Табари, налог в Хорасане взимался по частям три раза в год, т.е. каждые четыре месяца взималась одна третья часть. Но в случае необходимости годовой налог мог взиматься в течение двух месяцев. Сбор налогов по частям давал крестьянам некоторую возможность сбыть свою продукцию на рынке и своевременно выплатить налог. Эта практика была воспринята от Сасанидов, опытом которых руководствовались почти все последующие средневековые династии таджикского и нетаджикского происхождения. Огромное значение имело также чеканка монет, которые играли важную роль, как в определении и сборе налогов, так и в торговле и гражданском обороте. В IX – X вв. в государствах Тахиридов и позднее Саманидов чеканили разные виды дирхемов, а каждый вид имел свое название и предназначение.

Тахириды хорошо понимали важность проведения единой денежной политики для укрепления товарно-денежный отношений, развития рынка и благосостояния народа от чего зависело и обороноспособность государства, авторитет государственной власти и династии. Поэтому для более успешного регулирования налоговых поступлений, унификации налогообложения и приведения в порядок финансовых отношений, Тахириды провели денежную реформу, согласно которой прерогатива разрешения чеканки монет признавалась только за Тахиридами. Видимо не без их разрешения, считающий себя главой Мавераннахра, Наср ибн Ахмад Саманид, начал чеканить серебряные дирхемы. Если прежде чеканили золотые, серебренные и медные тенге, то в IX в., регулярным стал чекан общегосударственных серебреных дирхемов, которая стала главным средством обращения в Средней Азии в IX – X вв., именуемые в источниках хорезмийскими, мусейяби, мухаммади и гитрифи. Особенно интересны три последних вида. При уровне цен и объёме торговли того времени даже крупные сделки вполне обеспечивало серебро, серебряные монеты – дирхемы. Таким образом, Тахириды поддерживали моновалюту – серебряные дирхемы в торговле и гражданском обороте отказавший или редко использовали другие виды металлов – заменителя денег (золотые и медные тенге).

Нельзя сказать, что налоговая политика Тахиридов вовсе облегчала положение непосредственных производителей – крестьян и ремесленников. О реальном положении податных сословий говорят и свидетельствуют их не прекращавшиеся выступления, особенно заметные в окраинных областях – Табаристане, Сиистане, и др., хотя многие из них происходили под идеологической оболочкой хариджизма и шиизма. С целью успокоить крестьянство, а также укрепить центральную власть, Абдулла Тахирид ограничил поборы, пытался оградить крестьян и ремесленников от произвола феодалов и государственных чиновников.

Многие вопросы, связанные с государственной

властью, управлением, взаимоотношения правителя с разными категориями людей и социальными группами, чиновниками рассмотрены в письме Тахира своему сыну Абдаллах. Письмо Тахира своему сыну Абдаллаху, своеобразный источник права, являлось инструкцией правителю. В нем правитель пишет о том, как управлять страной, как обходится с людьми [17, стр. 68], он требовал от сына проявлять заботу о крестьянах, пресекать злоупотребления чиновников, потому что благодаря этому можно было получить «...большую возможность собирать подлежащую сбору земельную подать». В вопросах отношения к подданным, в принципах налогообложения Абдаллах руководствовался советами отца, согласно которым облагать подданных налогом полагалось «... по праву и справедливости, на равных и общих началах между всеми...», не освобождая от него «ни благородного, ни богатого ради его богатства» [65, стр. 127-133, 138]. По сообщению Н. Амиршохи данное письмо и опыт правления Тахиридов было примером и для халифов [4, стр. 50]. Об этом свидетельствует тот факт, что данное письмо было перепечатано и распространено по всей территории халифата как инструкция по правильному управлению, решению вопросов землепользования и по другим вопросам [63, стр. 126-138].

После Абдаллах правил его сын Тахир II (844-862 гг.), а после него его сын Мухаммад (862-873 гг.).

Эти тахиридские правители использовали тот слаженный механизм государственной власти, которую создали их предки и не внесли ничего нового в управлении государством, скорее они использовали уже состоявшуюся систему органов государственной власти. Последний тахирид Мухаммад был взять в плен Якубом ибн Ляйс из династии Саффаридов, и после освобождения в 876 г. был назначен наместником в Хорасане, но не принимал фактического участия в событиях. Его брат Хусейн Тахирид удалился в Хорезм, откуда в 874 г., после неудачной попытки овладеть Бухарой прибыл в Мерверруд, разбил Якуба 876 г. и овладел Нишапуром, но уже в 877 г. должен был удалиться в Мерв, которым владел несколько лет и где воздвиг некоторые постройки. Другие братья Тахира II ещё некоторое время оставались военными начальниками Багдада; из них Убайдулла до своей смерти 913 г. считался главой племени Хузаъа.

Тахириды были первой мусульманской династией таджикского происхождения, и они положили начало фактической независимости восточных провинций от Багдада и открыли собой эпоху просвещенного абсолютизма в истории этой страны. По мнению иранского исследователя Мухаммада Ноджи, а также Ричарда Фрая «Тахириды фактически были независимыми государями» [42, стр. 72]. Они правили самостоятельно, ежегодно отправляя харадж Аббасидским Халифам.

Несмотря на кратковременность истории государственности Тахиридов, это важнейший период истории Таджикистана. При правлении Тахиридов было начато возрождение культурных традиций и институтов государственной власти таджикского народа. В исторических работах таджикских исследователей значение государства Тахиридов оценивается неоднозначно. Такой крупный знаток таджикской истории академик Гафуров Б.Г. считал, что в подъеме таджикской культуры после завоевания арабов важную роль сыграли не Тахириды, а Саффариды [19, стр. 43]. Конечно, завоевание Хорасана и Мавераннахра, присоединение их к Арабскому халифату означало распространение здесь не только ислама, но и арабского языка. Тогда в Мавераннахре арабский язык считался государственным языком. Местная аристократия, чтобы сблизится с правящим режимом, старались изучить арабский язык. Не случайно, тенденции отделения и политический курс на независимость Тахириды начали с введение таджикского языка. Тогда, как язык в государственном управлении играл большую роль, попытка введения таджикского языка в литературу и в официальное делопроизводство государства было вопросом политическим и демонстрацией своей воли. Этим шагом Тахириды еще раз подчеркивали свою независимость. Можно отметить, что Тахириды были для своего времени просвещенными правителями, многие из них писали научные труды, занимались богословием, сочиняли стихи, создавали разные общественные здания, строили дворцы, библиотеки, учебные заведения, караван-сараи, собирали и поощряли ученых и поэтов, проводили ученые дискуссии.

Укрепление государственной власти связывалось с образованностью государственных чиновников. Тахириды были образованными людьми

и предпочитали назначить на должность образованных людей. Преследуя практические цели, Тахириды стремились к тому, чтобы образование было доступным широким кругам населения. Абдаллах, далеко опередив своих современников, говорил: «Науку следует предоставлять достойным и недостойным, наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного» [67, p. 104-105].

Тахиридская государственная власть, занималась также развитием строительства дорог и городов. Так, градостроительство развивается при Тахиридах. Город Нишапур, являвшийся при Тахиридах и Саффаридах столицей всего Хорасана [41, стр. 62], стоял на главном караванном пути, являлся складочным местом товаров, идущих из Фарса, Кермана, Рея, Гургана, Хорезма и других окрестных областей, что вместе с развитым производством (большие мастерские ремесленные цехи) имело большое значение в государственном и экономическом процветании города. Город состоял из трех частей – кухандиза (арк), шахристана и рабада. В то время когда шахристан имел только четверо ворот, в стенах рабада их было более пятидесяти, что указывает на колоссальные размеры последнего. В рабаде располагался известный главный нишапурский базар, центром которого была так называемая «Большая четырехугольная площадь».

Источники сообщают, что в 1Х в. Мавераннахре и Хорасане число городов увеличилось, и в это время в пределах Мавераннахра функционировали 278 городов [14, стр. 12-13]. Строили много, особенно новых зданий, в которых размещался местная власть. Это означало, что Тахириды не только заботились о правовой базе, реформе и укреплении государственной власти, но и создавали условия для нормальной работы государственных чиновников как в центре так и на местах. К середине 1Х в. Бухара, как большой город территориально сильно выросло, и в 849-850 гг. ее заново обнесли стеной, имевшей 11 ворот [60, стр. 28].

Здесь же необходимо отметить, что опорой государственной власти и господствующим классом в Центральной Азии и Иране 1Х в, были крупнейшие землевладельцы – светские и духовные феодалы, первыми среди которых, были сами члены династий Тахиридов и представители местных аристократических фамилий. Крупнейшим феодалом был Мухаммад Тахирид. Есть сведения Ибн Исфандияра в «Истории Табаристана», что его земли только в Мазандаране приносили ему доходы в размере около миллиона дирхемов, при общем доходе этой области в 13 млн. 630 тысяч дирхемов [29, стр. 74]. Многие землевладельцы состояли на гражданской и военной государственной службе.

При этом Тахириды, и после них Саманиды в Х в. много сил потратили в деле укрепления с точки зрения военного составляющего государственной власти. Как известно, военные составляли опору власти, в деле укрепления правопорядка, охраны границ и территории государства. Поэтому тахириды вложили много сил и средства в развитии военных наук [37], снаряжения, военного имущества и обучении военному делу. О развитии военного дела и изыскания того времени в этой отрасли говорят факты: Тахиридская армия широко использовала нефть: при осаде городов применялись наполненные нефтью зажигательные смесы [31, стр. 344] Данное сообщение свидетельствует о том, что местные династии – таджики, находясь у руля государственной власти, не только развивали науку и практику гражданского управления страной, но и развивали военную науку, развивая такую его область как производство оружия и используя новые ее виды в военном деле.

Формирование фактически независимой государственной власти, создало условие для всестороннего развития территорий, входящих в Хорасанское наместничество, впоследствии приведшей к укреплению местной государственности, становлению и развитию Саманидского государства.

Примечания

* У халифа Харун-ар-Рашида было два сына один Маъмун (Абдулло), другой Амин (Мухаммад). Оба братья претендовали на халифский престол. По сведениям источников мать Маъмуна наложница Мараджил тоже было из иранской семьи.Во время боев между братьями Маъмуном и Амином Тахир нанес поражение войскам Амина, и получил прозвище «зульминайн» (сражающийся обеими руками). Б.Г. Гафуров отмечает,

что Тахир предводительствовал войсками Маъмуна [18, стр. 119].

** Так как должность главного везира – зулриёсатин Халифата занимал покровитель Тахира Фазл бинни Сахл, везир Хорасана также называлась зулриёсатин (от слова зул –тень, риёсат- руководства, тень руководителя).

*** Этот диван в разное время и в разных исторических работах имел такие названия: диван рисолат, диван иншо, калам, основная обязанность которая была подготовка отправка и прием писем, переписка как внутри государства так и с другими госдарствами, названия которых близки по значению, и означают ведомство писем. Кроме того, диван калам, названо потому, что чиновники их выбырались среди «людей пера» (калам на таджикском – перо).

**** Хутба – читать молитву в честь правяшего царя.

***** Главы почтового ведомства. Данные события наглядно продемонстируют, что бариды не были простыми почтальонами, а являлись агентами центрального правительства на местах.

****** Шуубия было политико-культурным движением возникшим против засилья арабизма и развитого среди арабов мнения об их превосходстве над другими народами и отрицавшего достижения других народов [64, стр. 106-107].

Список литературы

1. Аббас Х. Эрон баъд аз ислом. Т. 2. – Техрон, 1336 г.х. (1958).
2. Алексеев Н.Н. Религия, нравственность и право // Человек. – 2006. – № 6.
3. Альбов А.П., Масленников Д.В., Ревнова М.Б, Сальников В.П. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский): Глава V // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 634-637.
4. Амиршохи Н. Давлатдории точикон. (Государственность таджиков). – Душанбе, 1999.
5. Анапских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
6. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Запреты в механизме управления обществом и государством: историческая ретроспектива места и роли // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 11-16.
7. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовой запрет как способ ограничения публичной политической власти: исторические предпосылки возникновения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 11-20.
8. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Социальная власть как феномен и проблема правового ограничения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 11-27.
9. Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. – М., 1963.
10. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения. Т.I. – М., 1963.
11. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
12. Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с анг. яз. (Harold J.Berman. Faith and Order. The Reconcilliation of law and Religion Se Nolars Press, Atlanta, 1993. – М.: Москва школа политических исследований, 2008. – 464 с. (печатается по одноименному изданию Ad Marginem, 1999).
13. Богомолов С.А. Федерация и империя как концепты территориальной организации государственной власти // Мир политики и социологии. – 2011. – № 4. – С. 32-38.
14. Большаков О.Г. Город Средней Азии в конце VIII – начале XIII вв. – М., 1974.
15. Бондаренко Ю.В. Право и православная религия как ценностно-нормативные системы российского общества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
16. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. – Душанбе, 2013.
17. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1-2. – Душанбе, 2007. – 244 с.
18. Буриев И.Б. Становление и развитие институтов государственности на территории Таджикистана (досоветский период). – Душанбе: Ирфон, 2008. – 294 с.
19. Гафуров Б.Г. Таджики. Кн. 2. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 480 с.
20. Жданов В.Л. «Политика» и «власть» – соотношение понятий // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 63-71.
21. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.

22. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М., 2015.
26. Захарцев С.И, Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-23.
27. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
28. Зоиров Д.М., Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
29. Ибн Исфандийяр. Таърихи Табаристон. (изд. перс, текста Аббаса Икбала). Т.1.
30. Ибн Халдун: Мукаддима. – Техрон.1336 г.х. (1957).
31. Истахри. BGA. 1.
32. История таджикского народа. Т. 2. – Душанбе 1999. – 791 с.
33. Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII- начале IX в. – Ташкент, 1965.
34. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.
35. Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Единая государственная власть и принцип разделения властей // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 87-99.
36. Мирзоев С.Б. Конституционный суд Республики Таджикистан и другие органы государственной власти: к вопросу о взаимодействии // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 43-47.
37. Муборакшах, Шариф Мухаммад Мансур. Адаб-ал-харб ва ш-шуджаат (Правила ведение войны и мужество). – Душанбе: МОРТ, 1997. – 300 с.
38. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87.
39. Мухаммад Джарири Табари. Таърих ар-расул вал-мулук.
40. Нафиси Саид. Таърихи хонадони Тохири.
41. Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе, 1977.
42. Ноджи М. Культура и исламская цивилизация на Саманидских территориях (на тадж.яз.). – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 1295 с.
43. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Сальников С.П. Религиозно-правовая политика в раннесредневековых западноевропейских государствах // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 32-38.
44. Остроумов С.В., Романовская Л.Р., Фомичев М.Н. Охрана религии как функция государства в период древности и античности: историко-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 24-28.
45. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
46. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
47. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
48. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 172-174.
49. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
50. Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
51. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
52. Сальников В.П. Концептуальные принципы философского обоснования права // Философия права. – 2002. – № 2.
53. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7.

– С. 173-179.
54. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
55. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
56. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Пушкина Н.А. Нетипичные формы правления как результат поиска наиболее оптимальных моделей организации государственной власти // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 76-86.
57. Сативальдыев Р.Ш. Политические и правовые идеи «Синдбаднамэ». – Душанбе, 1998. – 213 с.
58. Солихов М.А. История становления и развития водного законодательства в Таджикистане: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2008. С.12.
59. Султыгов М.М., Андрейцо С.Ю. Конституционное правосудие в системе средств публичной политической власти // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 25-27.
60. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. – Ташкент, 1960.
61. Табари. III.
62. Табари. Таърих ар-расул вал-мулук. Т.13.
63. Халиков А.Г. История государства и права Таджикистана (на тадж.яз.). – Душанбе, 2002. – 301 с.
64. Хотамов Н., Довуди Д., Муллоджонов С., Исоматов М. История таджикского народа. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 644 с.
65. Шмидт Э.А. Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века хиджры) // Бюллетень Среднеазиатского университета. Вып. 8. – Ташкент, 1925.
66. Щепкин С.С. Герменевтический метод как основа теоретико-правового анализа понятия налогов // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 98-105;
67. Bosworth S.E. The Tahirids and Saffarids. 1969.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
начальник кафедры управления организацией деятельности правоохранительных органов факультета № 1 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: mirzoeff@gmail.com

ХОЛИКОВ Карроматулло Нарзуллоевич,
декан юридического факультета Таджикского национального университета (2006-2011 гг.), кандидат юридических наук, доцент (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ И СРОК ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация. *Анализируется порядок избрания судей Конституционного суда Республики Таджикистан. Исследуются этапы подбора и выдвижения кандидатов, требования, предъявляемые к ним. Проводится сравнение регламента избрания судей и сроков их полномочий в Таджикистане и в других странах постсоветского пространства. Отмечается, что процесс формирования состава Конституционного Суда Республики Таджикистан вобрал в себя многогранный опыт, который накоплен в мировой конституционной юстиции.*

Ключевые слова: *Конституционный суд; судья; порядок избрания; требования к кандидатам; сроки выдвижения кандидата; срок полномочий.*

MIRZOEV S.B.
HOLIKOV K.N.

JUDGES OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THE PROCEDURE OF ELECTION AND TERM OF OFFICE

The summary. *Analyzed the procedure for electing judges of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan. We study the stages of selection and nomination of candidates, the requirements placed upon them. A comparison of the rules of election of judges and their terms of office in Tajikistan and in other post-Soviet countries.It is noted that the formation of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan has incorporated a multi-faceted experience gained in the world of constitutional justice.*

Key words: *Constitutional Court; judge; the procedure for election; admission requirements; deadline for nominating candidates; the term of office.*

В статье 89 Конституции Республики Таджикистан, посвященной Конституционному суду, порядок избрания судьи Конституционного суда не регламентирован, здесь определен лишь численный состав данного органа.

Характерной особенностью Конституции

Республики Таджикистан является то, что вопрос об избрании судьи Конституционного суда регламентирован не в главе «Суд», а в статьях (п. 2 ст. 56 и п.8 ст. 69), определяющих компетенции Маджлиси Оли и Президента Республики Таджикистан [70].

Более четкая регламентация порядка избрания судей Конституционного суда дана в Конституционном законе «О Конституционном суде Республики Таджикистан», который вобрал в себя все то положительное, что было наработано научной общественностью при подготовке, разработке и принятии соответствующего закона о Конституционном Суде Российской Федерации [24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 62; 63; 71; 73; 74; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93; 94]. Отдельные его аспекты детализируются в других законодательных актах, в частности в Конституционных законах «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» (п. 2 ст. 19) от 19 апреля 2000 г. [9], «О судах Республики Таджикистан» (ст. 14) от 6 августа 2001 г. [18] и в Регламенте Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан (ст. 45-46) от 10 ноября 2000 г. [14]

В Республике Таджикистан, согласно ст. 6 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан», Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда по представлению Президента избирает Маджлиси милли Маджлиси Оли. Следовательно, в процессе избрания судей Конституционного суда участвуют две ветви государственной власти – законодательная и исполнительная. Аналогичные нормы о порядке избрания (назначения) судей Конституционного суда предусмотрены и в законах отдельных странах СНГ (Азербайджан, Кыргызстан, Россия, Украина) о конституционных судах, где по представлению Президента парламент избирает (назначает) членов Конституционного суда. Отметим, что порядок избрания судьи Конституционного суда, который сложился в практике Республики Таджикистан, существенно отличается от способов формирования состава конституционных судов, описанных в литературе [35, стр. 98-99].

Как вытекает из содержания ст.6 вышеназванного Конституционного закона Республики Таджикистан, президент не участвует в самом процессе избрания судей Конституционного суда, а лишь представляет кандидатуры для избрания на должность судьи. Избрание судьи Конституционного суда – это прерогатива Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Процесс избрания судей Конституционного суда Республики Таджикистан целесообразно подразделить на два этапа: предварительный и последующий.

Предварительный этап начинается с весьма важного момента подбора и выдвижения кандидата для избрания на должность судьи Конституционного суда. От подбора кандидата, на наш взгляд, зависят эффективность и качественность деятельности данного конституционного органа. Подбор достойных кандидатов, способных своими знаниями, навыками и жизненным профессиональным опытом вести в Конституционном суде сложную и ответственную работу, имеет большое значение. Поэтому в законодательствах большинства стран мира, особенно в странах СНГ и Балтии, предусмотрены нормы, устанавливающие основные и дополнительные цензовые (условные) требования к кандидатам на должности судей Конституционного суда (гражданство, возраст, образование, профессиональный стаж, знание языка, проживание и т.д.) [1; 36; 37; 389; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 85].

Важным моментом здесь является установление особых требований к кандидатам. Следует подчеркнуть, что, в отличие от других структур судебных учреждений, требования, предъявляемые к кандидатам на должность судей Конституционного суда, являются более жесткими. Эти требования, как правило, устанавливаются, прежде всего, в Конституции *, а затем в законах о Конституционном суде. В частности, в Республике Таджикистан эти требования сформулированы в Конституции 1994 г. (ст.89), а затем и в Конституционном законе «О Конституционном суде Республики Таджикистан» (ст.4). Упомянутые законодательные акты устанавливают следующие требования (цензы), которые предъявляются кандидатам на должности судей Конституционного суда: наличие гражданства Республики Таджикистан; определенный возраст (минимальный и максимальный); наличие высшего юридического образования и определенная продолжительность профессиональной юридической деятельности. Кроме того, Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном

суде Республики Таджикистан» устанавливает ряд запретов на действия, которые несовместимы с должностью судьи Конституционного суда (ч.3 ст.8). Заметим, что в законодательстве Республики Таджикистан о Конституционном суде установлены только основные требования, предъявляемые кандидатам на должности судей Конституционного суда.

Одно из общепринятых требований – наличие гражданства данного государства. Во всех странах претендующим кандидатам предъявляется ценз гражданства. По этому поводу профессор Н.В. Витрук писал: «Это вполне естественное требование к присягающему на верность Конституции конкретного государства» [35, стр. 102].

Наличие гражданства Республики Таджикистан как предъявляемое требование к кандидатам на должности судей Конституционного суда предусмотрено не в Конституции, а в Конституционном законе «О Конституционном суде Республики Таджикистан», согласно которому судьей Конституционного суда может быть избран только гражданин Республики Таджикистан.

Упомянутые законы также требуют от кандидата на должность судьи Конституционного суда наличие определенного возраста. В этом отношении закон предусматривает, что кандидат в судьи обязательно должен достигнуть определенного возраста, причем законодательство Таджикистан дифференцирует кандидатов, претендующих на должность судьи Конституционного суда, как по минимальному, так и по максимальному возрасту – не моложе 30 и не старше 65 лет. Думается, что установление возрастного ценза продиктовано следующей установкой: судьи Конституционного суда Республики Таджикистан должны обладать достаточным жизненным опытом.

Следующее требование – это образовательный ценз, т.е. закон требует от кандидата наличия высшего юридического образования. Это свидетельствует о том, что будущий судья должен иметь высокий уровень подготовки.

И, наконец, согласно законодательству Республики Таджикистан, от кандидата на должность судьи Конституционного суда требуется наличие определенного стажа работы по юридической специальности. Поэтому при подборе судьи Конституционного суда учитывается профессиональный опыт кандидата на эту должность. Для кандидата на должность судьи Конституционного суда Республики Таджикистан установлен профессиональный стаж работы не менее 10 лет. Это является особым требованием к кандидатам на должность судьи, который должен соответствовать высокому статусу судьи Конституционного суда, так как продолжительный стаж профессиональной юридической деятельности судьи не только отражается на эффективности работы Конституционного суда, но и на престиже этого органа.

Кроме вышеуказанных требований, в законодательствах стран СНГ и Балтии установлены и другие требования, в частности безупречная, безукоризненная репутация (Россия, Латвия), знание государственного языка (Армения, Украина), высокие моральные качества (Армения, Беларусь, Узбекистан), необходимая квалификация (Узбекистан), обладание правом участия в выборах (Азербайджан), ценз оседлости (Казахстан, Украина)**, высокая квалификация в области права, ученая степень (Беларусь). Согласно п.3 ст.11 закона Республики Молдова «О Конституционном суде», назначение производится только с предварительного письменного согласия кандидата [43].

В Латвийской и Эстонской республиках требования, которые предъявляются к кандидатам, носят более жесткий характер. В частности, согласно п.2 ст.4 Закона Латвийской Республики от 14 июня 1996 г. «О Конституционном суде», в качестве судьи Конституционного суда не может быть утверждено лицо, которое не может быть кандидатом на должность судьи. Согласно ст.55 Закона «О судебной власти» [72], а также согласно ст. 6 Закона Эстонской Республики от 28 июня 1992 г. «О введении в действие Конституции», претендующие на должность «…Председателя и члена Государственного суда (Государственный суд является также судом конституционного надзора, в составе которого образуется судебная коллегия конституционного надзора) обязаны в письменной форме указать о том, что они не состояли на службе в органах безопасности оккупировавших Эстонию государств или в разведке либо контрразведке их Вооруженных Сил, не были их агентами, а также не участвовали в преследовании граждан и репрессиях против граждан за их политические убеждения, нелояльность, классовую принадлежность или службу

в государственных или охранительных органах Эстонской Республики» [34].

Таким образом, требования, предъявляемые к кандидатам на должность судей Конституционного суда, ещё раз подтверждают его значение как особого органа судебной власти по защите Конституции, состоящего, причем, только из юристов. Исключение составляет Конституционный суд Узбекистана, так как, согласно ст.12 Закона Республики Узбекистан от 30 августа 1995 г. «О Конституционном суде», судья Конституционного суда избирается из числа специалистов не только в области права, но и в области политики. Оценивая в целом квалификационный состав этого конституционного органа, необходимо признать высокий уровень подготовки, образования, большой профессиональный опыт судей Конституционного суда.

Если кандидат, претендующий на должность судьи Конституционного суда, по всем параметрам отвечает предъявленным требованиям, то начинается процесс его выдвижения на должность судьи Конституционного суда.

Законодательство Республики Таджикистан не устанавливает четких сроков выдвижения кандидата для избрания на должности Председателя, заместителя Председателя и судьи Конституционного суда. Отсутствует также в нем положение об инициаторе предложений о кандидатах на должности судей Конституционного суда, т.е. в законодательстве Республики Таджикистан отсутствует положение о том, кто правомочен предлагать кандидатуры судей Конституционного суда Президенту Республики Таджикистан (исключение составляет судья, являющийся представителем Горно-Бадахшанской автономной области). По нашему мнению, необходимо в законодательном порядке установить круг субъектов, которые могут вносить президенту предложения о кандидатах для избрания на должности судей Конституционного суда. Сложившаяся практика формирования этого конституционного органа показывает, что выдвижение кандидатов на должности судей Конституционного суда является исключительным полномочием президента Республики Таджикистан. Хотя отметим, что при формировании первого, второго и третьего составов Конституционного суда Республики Таджикистан именно председатели Конституционного суда являлись инициаторами предложений о кандидатах на должности судей. Поэтому Председатель Конституционного суда Республики Таджикистан может быть фактическим инициатором предложения о кандидатах на должности судей Конституционного суда, которое он представляет Президенту страны. Но, несмотря на это, следует заметить, что, начиная с 1995 г. и вплоть до сегодняшнего дня, Президент Республики Таджикистан лично представлял в Маджлиси милли (раньше – в Маджлиси Оли) на эти посты только тех лиц, кому он отдавал предпочтение.

Как уже отмечалось, Конституция 1994 г. (ст.89) и Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» (ст.4) требуют обязательного представительства в нем ГБАО. В связи с этим, особо отметим, что законодатель исключительно для представительства ГБАО в Конституционном суде устанавливает инициатора предложений о кандидате на должность судьи в Конституционном суде. Так, в соответствии со ст.7 Конституционного закона Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 г. «О Горно-Бадахшанской автономной области» [33], инициатором предложения о кандидате судьи Конституционного суда является Маджлис народных депутатов ГБАО. Несмотря на эти правила, последнее слово все же остаётся за Президентом, т.е. в данной процедуре важная роль принадлежит исключительно исполнительной власти в лице Президента.

Таким образом, с момента представления Президентом Республики Таджикистан кандидатур для избрания на должности судей Конституционного суда в Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан завершается первый этап.

Второй этап начинается с того момента, когда Президент представляет для избрания уже кандидатуры Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда в Маджлиси милли. Следует отметить, что законодательство Республики Таджикистан также четко не определяет процесс обсуждения кандидатур, которые представлены Президентом.

По сложившейся практике на должности судей Конституционного суда кандидатуры для избрания, представленные Президентом Республики Таджикистан, предварительно обсуждаются на заседании Совета Маджлиси

милли. В процессе предварительного обсуждения определяется соответствие или несоответствие представленных кандидатов. Также предварительно подготавливается проект постановления Маджлиси милли, затем кандидатуры для избрания вносятся на рассмотрение Маджлиси милли. При этом отметим, что предварительное обсуждение не носит юридически завершенного характера, так как это четко не урегулировано в законодательстве.

Как правило, вопрос об избрании на должности судей Конституционного суда Республики Таджикистан включается в повестку дня заседания Маджлиси милли отдельным вопросом. Так, первым вопросом повестки дня очередного заседания первой сессии Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан второго созыва был вопрос «О Председателе и заместителе Председателя Конституционного суда Республики Таджикистан» [10]. В повестке дня третьей сессии Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан второго созыва вопросы 33-36 были посвящены избранию судей Конституционного суда Республики Таджикистан [13].

Согласно ст.46 Регламента Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан, представление Президентом Республики Таджикистан кандидатур для избрания на должности Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда оглашается президентом Республики Таджикистан или его полномочным представителем в Маджлиси милли [14]. При этом каждая кандидатура на названные должности представляется Президентом или его полномочным представителем на рассмотрение Маджлиси милли персонально. Затем начинается обсуждение кандидатур, представленных для избрания на должности судей Конституционного суда. В ходе обсуждения кандидатам на должности Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда могут быть заданы вопросы членами Маджлиси милли. После обсуждения каждой кандидатуры в индивидуальном порядке они вносятся на голосование. Это особенно ответственный момент. Следует заметить, что Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» не определяет порядка голосования (тайное или открытое) судей Конституционного суда. Однако ст.6 настоящего Конституционного закона четко устанавливает, что Председатель, заместитель Председателя и судьи Конституционного суда избираются Маджлиси милли в индивидуальном порядке. Избранным считается лицо, получившее большинство голосов от общего числа членов Маджлиси милли. Если при голосовании кандидат не наберет требуемого числа голосов членов Маджлиси милли, то на вакантные должности Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда Президент Республики Таджикистан представляет Маджлиси милли новые кандидатуры. При этом, к сожалению, в Конституционном законе «О Конституционном суде Республики Таджикистан» не установлен срок, в течение которого Президент Республики Таджикистан может представлять новые кандидатуры на вакантные места судьи (со дня открытия этой вакансии).

После голосования, если кандидаты, представленные для избрания на должности Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда набрали требуемое законом число голосов членов Маджлиси милли, то они считаются избранными на эти должности. Маджлиси милли по каждому избранному судье Конституционного суда принимает соответствующие постановления, которые публикуются в «Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан» [12; 15].

Следующим важным моментом второго этапа является принесение присяги: «Присяга – один из важнейших атрибутов, торжественный акт вступления в должность судьи Конституционного суда…» [35, стр. 104]. «Это является морально-политическим и конституционно-правовым фактором ответственности судей за добросовестное исполнение своих обязанностей перед Конституцией, облеченное в форму сессионного ритуала» [23, стр. 61]. Действительно, принятие присяги является весьма ответственным моментом в жизни судей Конституционного суда. Судья Конституционного суда именно с момента принесения им присяги считается вступившим в должность.

Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» детально не определяет порядка приведения судьи Конституционного суда к присяге. Поэтому на практике все происходит

так: после оглашения результатов голосования по кандидатурам на должности Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного суда и принятие постановления об их избрании Председатель Маджлиси милли приглашает на трибуну зала заседаний лиц, избранных на названные выше должности для приведения их к присяге. Все происходит в торжественной обстановке в зале заседаний Маджлиси милли при наличии государственного флага Республики Таджикистан. Лицо, избранное на должность Председателя или заместителя Председателя, или судьи Конституционного суда, положив руку на Конституцию Республики Таджикистан, дает клятву, произнося текст присяги вслух. Его заслушивают все присутствующие в зале заседаний Маджлиси милли. В ст.7 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» приведен текст присяги:

«Я, в качестве Председателя, заместителя Председателя, судьи Конституционного суда Республики Таджикистан, клянусь свято соблюдать и защищать Конституцию Республики Таджикистан, добросовестно выполнять возложенные на меня обязанности Председателя, заместителя Председателя, судьи Конституционного суда Республики Таджикистан, подчиняясь при этом только Конституции Республики Таджикистан, ничему и никому, кроме нее» [32]. Заметим, что с момента принесения присяги судья Конституционного суда считается вступившим в должность.

Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде» в ч.1 ст.5 устанавливает, что судьи Конституционного суда Республики Таджикистан избираются сроком на 10 лет. Этот срок касается судей Конституционного суда, а не самого Конституционного суда. Конституционный суд является постоянно действующим органом, без ограничения срока***. Правда, в ст.19 вышеназванного Закона отмечается, что секретарь Конституционного суда избирается из числа судей Конституционного суда на срок полномочий Конституционного суда. Думается, что это недоразумение необходимо устранить.

Законодательство Республики Таджикистан о Конституционном суде не ограничивает сроков пребывания в должности судьи Конституционного суда, а лишь устанавливает срок этого пребывания в 10 лет. Поэтому судьи Конституционного суда по истечении срока своих полномочий могут быть избраны вновь на эти должности. В частности, из пяти судей Конституционного суда Республики Таджикистан трое после истечения срока своих полномочий 10 ноября 2000 г. вновь были избраны на третьей сессии Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан второго созыва [81] на должности судей Конституционного суда. Они могут занимать должность судьи Конституционного суда дважды и более (например, судьи Конституционного суда М. Назаров и Б. Мукбилшоев 15 декабря 2005 г. были избраны на эти должности на третий срок), так как в законодательстве Таджикистана не существует ограничений для их повторного избрания. Отметим, что в некоторых странах СНГ и Балтии (Грузия, Латвия, Литва, Россия, Украина) одно и то же лицо не может быть избранным (назначенным) повторно. В других странах (Азербайджан, Молдавия и Эстония) могут избираться (назначаться) не более чем на два срока, в Республике Беларусь судьи Конституционного суда могут быть назначены или избраны на новый срок, а в остальных странах (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), как и в Республике Таджикистан, нет никаких ограничений на последующее избрание на должность судьи Конституционного суда.

Но при этом Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» в ч.2 ст.4 устанавливает максимальный возрастной ценз (не старше 65 лет) для избрания на должность судьи Конституционного суда Республики Таджикистан. Эта норма говорит не о предельном возрасте для пребывания в должности судьи Конституционного суда, а лишь определяет предельный возраст для избрания на эту должность. По достижении 65 лет судья после истечения срока своих полномочий не может быть избран вновь. В частности, 10 ноября 2000 г. и 28 апреля 2001 г. были приняты постановления Маджлиси милли об отзыве судей Конституционного суда Н.А. Сафаровой и Назришо Эмомова [16; 17] в связи с их уходом в отставку по истечении срока их полномочий.

Как уже отмечалось, судьи Конституционного суда, как и судьи других систем судебной власти, избираются сроком на 10 лет. Поэтому срок полномочий судьи Конституционного суда, как

правило, должен прекращаться в последний день месяца или в тот день, в который истекает срок его полномочий, хотя Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» четко не устанавливает, в какое именно время истекает срок полномочий судьи Конституционного суда Республики Таджикистан.

Заслуживает внимания ч.2 ст.5 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан», где прямо говорится: «Если срок полномочий судьи Конституционного суда Республики Таджикистан истекает в период рассмотрения дела с его участием, то его полномочия сохраняются до окончательного рассмотрения этого дела» [32]. Закрепленный в данной норме порядок имеет существенную особенность: сохранение полномочий судьи в период рассмотрения дела, несомненно, играет большую роль для качественного решения рассматриваемого вопроса и обеспечивает эффективность и плодотворность деятельности Конституционного суда до окончательного рассмотрения этого дела.

В ч.3 ст.6 вышеназванного Конституционного закона говорится: «В случае досрочного выбытия Председателя, его заместителя, либо судей Конституционного суда Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан на сессии избирается на его место другое лицо в порядке, установленном настоящим Конституционным законом» [32]. В практике Конституционного суда Республики Таджикистан эта норма применялась четырежде в отношении Председателей Конституционного суда Х.Х. Шарипова [7], Ф.А. Абдуллоева [11], М.С. Салихова [19] и З.М. Алиева [22], а также дважды в отношении судей А.А. Абдуллоева [21] и Л.А. Смеяновой (в связи со смертью) [20]. Их полномочия были досрочно прекращены в связи с их назначением на другие государственные должности, а последней – в связи с кончиной.

Следует подчеркнуть, что законодательство Республики Таджикистан не устанавливает, в какой именно срок Президент может представлять кандидатуры на вакантное место в случае досрочного выбытия Председателя, его заместителя, или судей из состава Конституционного суда. В законодательстве некоторых республик бывшего Союза ССР установлен срок избрания или назначения другого лица на должность судьи Конституционного суда со дня открытия вакансии (Армения, Казахстан, Россия, Украина). Представляется целесообразным эту норму установить и в законодательстве Республики Таджикистан. Из-за отсутствия такой нормы уже были случаи, когда в течение длительного времени должность Председателя и судей Конституционного суда оставались вакантными. В частности, Президент Республики Таджикистан 19 апреля 1996 г. назначил тогдашнего Председателя Конституционного суда Х.Х. Шарипова на должность руководителя исполнительного аппарата Президента [86]. Следовательно, освободилась вакансия на должность председателя Конституционного суда. И только спустя восемь месяцев, т.е. 14 декабря 1996 г. по представлению Президента на это вакантное место Маджлиси Оли Республики Таджикистан избрал Ф.А. Абдуллаева [8]. Имеются и другие случаи подобного решения вопроса о вакансии.

Думается, будет целесообразным, если законодатель установит срок, в течение которого президент должен выдвигать кандидатуры на вакантные места, так как такая неопределенность может привести к неукомплектованности состава Конституционного суда в течение длительного времени. Следует заметить, что в случае досрочного выбытия судей Конституционного суда Маджлиси милли избирает на освободившиеся места другие лица. В этих случаях продолжительность мандата вновь избранного судьи также составляет 10 лет, т.е. он не ограничивается сроком полномочий члена суда, вместо которого он избран. Такой подход, на наш взгляд, дает возможность Маджлиси милли определять весь состав Конституционного суда не одновременно, а избирать его судей на освободившееся место на разное время. Такое решение, по нашему мнению, во-первых, обеспечивает стабильность деятельности Конституционного суда как непрерывного и постоянно действующего органа и, во-вторых, оно направлено на упрочение независимости самого Конституционного суда и его судей от членов Маджлиси милли.

Таким образом, процесс формирования состава Конституционного Суда Республики Таджикистан, отбор и избрание судей, требования, предъявляемые к ним, срок их полномочий вобрал в себя тот многогранный опыт, который накоплен в мировой конституционной юстиции

[2; 3; 4; 5; 64; 66; 67; 76], у братского российского народа и государствах СНГ [6; 47; 48; 61; 65; 68; 75; 78; 82; 83] и в постсоветском пространстве в целом [46; 49; 50; 51; 79; 80].

Примечания

* Закрепление на конституционном уровне требований, предъявляемых к кандидатам, претендующим на занятие должности судьи Конституционного суда, еще раз свидетельствует о том, что на данную должность должен избираться только тот кандидат, который может беспристрастно и добросовестно нести звание судьи Конституционного суда.

** Согласно ст.16 закона Украины от 16 октября 1996 г. «О Конституционном суде», кандидат на должность судьи Конституционного суда должен проживать в Украине в течение последних двадцати лет.

*** Например, профессор М.А. Митюков пишет, что срок полномочий конституционных судов Таджикистана и Узбекистана определен в пять лет [С20, стр. 32].

Список литературы

1. Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде». Статья 8 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст.1447.
2. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Конституционный контроль в странах Латинской Америки: процедура ампаро как основная процессуальная форма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 55-58.
3. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Органы федеральной судебной власти Мексиканских Соединенных Штатов: юрисдикция по разрешению коллизий конституционно-правового характера // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 27-31.
4. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Права человека, политическая стабильность и конституционный контроль: некоторые вопросы взаимообусловленности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 27-30.
5. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
6. Арутюнян Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
7. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1996. – № 24. – Ст. 424.
8. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1996. – № 24. – Ст. 425.
9. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 4. – Ст. 108.
10. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 4. – Ст. 110.
11. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 4. – Ст. 111.
12. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 4. – Ст. 112, 114.
13. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 11. – Ст. 500.
14. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 11. – Ст. 501.
15. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 11. – Ст. 565-568.
16. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 11. – Ст.569.
17. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – № 4. – Ст. 226.
18. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – № 7. – Ст. 490.
19. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 4. – Ст.197.
20. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2006. – № 7. Ст.415.
21. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2006. – № 12.- Ст.199.
22. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2006. – № 12.- Ст.608.
23. Баишев Ж.Н. Судебная защита Конституции. – Алматы, 1994.
24. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.

25. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как особый юридический феномен // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 30-69.
26. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
27. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
28. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6.
29. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
30. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
31. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
32. Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 21. – Ст. 223.
33. Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 21. – Ст. 247.
34. Ведомости Эстонской Республики. – 1992. – № 26.
35. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие. – М., 1998.
36. Закон Азербайджанской Республики от 21 октября 1997 г. «О Конституционном суде». Статья 9 // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Сб. норм. актов. – М., 1998.
37. Закон Грузии от 31 января 1996 г. Статья 7 // Ведомости Парламента Грузии. – 1996. – №5-6.
38. Закон Кыргызской Республики от 18 декабря 1993 г. «О Конституционном суде». Статья 5 // Ведомости Жогорку Кенеша. – 1994. – № 2. – Ст.46.
39. Закон Латвийской Республики от 14 июня 1996 г. «О Конституционном суде». Статья 4 // Латвияс Вестнесис. – 1991. – № 103. – 14 июня.
40. Закон Литовской Республики от 3 февраля 1993 г. «О Конституционном суде». Статья 5 // Ведомости Литовской Республики. – 1993. – № 6. – Ст.120.
41. Закон Республики Армения от 6 декабря 1995 г. «О Конституционном суде». Статья 3 // Ведомости Национального Собрания Республики Армения. – 1995. – № 24. – Ст.154.
42. Закон Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. «О Конституционном суде». Статья 14 // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. – 1997. – № 25-26. – Ст.465.
43. Закон Республики Молдова от 16 декабря 1994 г. «О Конституционном суде». Статья 11 // Официальный Монитор Республики Молдова. – 1995. – № 8 (28). – Ст. 86.
44. Закон Республики Узбекистан от 30 августа 1995 г. «О Конституционном суде». Статья 12 // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 1995. – № 9 (1233). – Ст.178.
45. Закон Украины от 16 октября 1996 г. «О Конституционном суде». Статья 16 // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 49. – Ст.272.
46. Зоиров Д.М. Введение в государствоведение: методология исследования государственности: Учебное пособие. – Душанбе: Российско-Таджикский славянский ун-т, 2013. – 79 с.
47. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
48. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
49. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
50. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
51. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
52. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
53. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М.: Норма, 2008.
54. Зорькин В.Д. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 4.

55. Зорькин В.Д. Осторожно, праворазрушительство! // Д.В. Зорькин. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. – М., 2008.
56. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
57. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
58. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – 400 с.
59. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
60. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12.
61. Интервью Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна Евразийскому юридическому журналу // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26).
62. Клеандров М. Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации; новый этап // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
63. Клеандров М.И. О проверке кандидата в судьи на допуск к сведениям, составляющим государственную тайну // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 96-111.
64. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах: Монография / Отв. ред. В.В. Еремян. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
65. Клишас А.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: Учебное пособие (в соавторстве с Ивановой В.И.). – М.: МАКС Пресс, 2003 – 224 с.
66. Клишас А.А. Конституционный контроль в зарубежных странах: конституционная юстиция в механизме осуществления публичной власти: Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, 2006. – 100 с.
67. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование: Монография /Под общей ред. д.ю.н., проф. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007. – 496 с.
68. Клишас А.А. Специализированное судопроизводство по защите конституционных прав граждан // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 3. – С. 48-57.
69. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Сб. норм. актов. – М., 1998.
70. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015.
71. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.
72. Латвияс Вестнесис. – 1996. – 14 июня. – № 103.
73. Лекция Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
74. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
75. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
76. Мирзоев С.Б. Институт конституционного либерализма, нелиберализма и свобода слова в Венгрии (опыт зарубежных стран) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 120-138.
77. Мирзоев С.Б. Конституционная жалоба в Республике Латвия: основные проблемы и тенденции развития (зарубежный опыт) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 22-28.
78. Мирзоев С.Б. О практике Конституционного Совета Республики Казахстан по обеспечению верховенства и стабильности Конституции (опыт зарубежных стран) // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 30-35.
79. Мирзоев С.Б. Роль Конституционного Суда в обеспечении конституционных принципов формирования органов государственной власти в Грузии (опыт зарубежных стран) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 169-173.
80. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
81. Постановление Маджлиси милли Маджлиси Оли РТ от 10 ноября 2000 г. № 152-154 // Ахбори Маджлиси

Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 11. – Ст.565-567.
82. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
83. Сальников В.П., Ширяев Ю.Е, Велижев С.И., Захаренков В.В., Колокольцев В.А. Конституция России: итоги десятилетия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1 (17).
84. Султыгов М.М., Андрейцо С.Ю. Конституционное правосудие в системе средств публичной политической власти // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 25-27.
85. Указ Президента Республики Казахстан, имеющего силу Конституционного закона от 29 декабря 1995 г. «О Конституционном Совете». Статья 4 // Казахстанская правда. – 1996. – 9 января.
86. Указ Президента Республики Таджикистан от 19 апреля 1996 г. № 465 // Садои Мардум. – 1996. – 22 апреля.
87. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
88. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
89. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
90. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.
91. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юнити, 2015.
92. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014.
93. Эбзеев Б.С. Конституционный суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции: Вступ. ст. // Комментарии к постановлениям Конституционного суда Российской Федерации. Т. 1. – М., 2000.
94. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

ВЕРХОВОДОВ Евгений Владимирович,
федеральный судья Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: info@nnov.arbitr.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

«ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО» И «ДОБРОДЕТЕЛЬ» В ТРУДАХ АРИСТОТЕЛЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются идеи выдающегося мыслителя античности Аристотеля Стагирита о естественном праве, которые оказали заметное влияние на становление и развитие концепции естественных прав человека в последующие эпохи. Авторы акцентируют внимание на рассуждениях философа о добродетели, о ее видах, о пороке, о золотой середине, о душе, о правосудии, об обществе, о законе и праве.*

Ключевые слова: *естественное право; правосудие; добродетель; порок; золотая середина; право от природы.*

VERKHOVODOV E.V.
SAL'NIKOV V.P.
ROMANOVSKAYA V.B.

THE IDEA OF NATURAL LAW IN THE WRITINGS OF ARISTOTLE

The summary. *The article discusses the ideas of the outstanding thinker of antiquity, Aristotle, both accept Aristotelian position on natural law, which had a marked influence on the formation and development of the concept of natural rights in the subsequent epochs. The authors focus on the reasoning of the philosopher's virtues, its kinds, the Vice, the Golden mean, about the soul, about justice, about society, about the law and the law.*

Key words: *natural law; justice; virtue; the Golden mean; right from nature.*

Тематика естественного права последние десятилетия вновь стала привлекательно для исследователей. Среди многочисленных работ этого периода значимое место принадлежит работам С.С. Алексеева, М.И. Байтина, Г.Г. Бернадского, В.Г. Графского, Д.А. Керимова, И.Ю. Козлихина, В.А.Четвернина [70], Э.В. Кузнецова [32], В.П. Сальникова [35; 36; 47; 50; 61], В.Б. Романовской [15; 28; 30; 48; 69] и Л.Р. Романовской [44]. За последние десять лет были защищены кандидатские и докторские диссертации, написаны статьи по различным аспектам теории естественного права, наиболее яркие среди которых работы Г.Г. Бернадского [8], Р.А. Ромашова [51], Э.Б. Курзенина [34], Е.В. Верховодова [10], П.С.Жданова [15; 16]. Отметим, что в советский период российской истории проблематика естественного права не выступала в качестве предмета специальных научных исследований. Доминирующая в советской юриспруденции концепция приоритета государства над обществом, личностью делала невозможной объективную оценку социально-политических идей и воззрений идеологов естественного права. Ситуация коренным образом изменилась в XX1 веке, принесшим в российскую науку принцип свободы научного творчества. Поэтому интерес к данной теме не ослабевает и развивается вместе с тематикой гражданского общества [7; 11; 12; 18; 23; 31; 33; 40; 42; 43; 49; 55; 58; 63; 68; 74], правового государства [9; 39; 52; 53; 56; 57; 64; 66], прав личности. Человек, его права и свободы признаны Конституцией России высшей ценностью (статья 2). А государству предписано признавать, соблюдать и защищать права и свободы личности. Глава 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина» сформирована на основе концепции естественного права. Выступая с лекцией в Государственной Думе 16 апреля 2013 года, профессор С.М. Шахрай очень четко сформулировал эту мысль: «Возьмем, к примеру, главу «Права и свободы человека и гражданина», – говорит он. – В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность, и так далее. Из этого следует, что в отличие от прежних времен, государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства» [37, стр. 160].

Если рассуждать о начале естественно-правовых идей, то начинать поиск их источников можно в трудах великого античного мыслителя Аристотеля Стагирита.

Ценностные масштабы системы Аристотеля совершенно уникальны. Аристотелева система взглядов является не только обобщением, но логической переработкой (и в отдельных случаях – доработкой) и завершением всего интеллектуального наследия античной Греции. Именно великий Стагирит первым ввел этику* в систему научного знания как самостоятельную дисциплину, поместив ее между психологией – наукой о душевных качествах людей, и политической концепцией – учением о государственном устройстве и его формах. Правовые проблемы рассматриваются им частично в этических сочинениях, частично – в политических. Можно с небольшой оговоркой предположить, что это предвосхищало позднейшие разделение права на «частное», касавшийся индивидуальных отношений между людьми (в первую очередь – связанных с имуществом, торговлей и т.п.) и «публичное», фиксировавшее и регулировавшего связи индивида с общественными (прежде всего – государственными) институтами.

Глубоко не затрагивая в настоящей статье политических рассуждений Аристотеля, отметим лишь, что для него (как и других мыслителей древности) еще не было свойственно

противопоставление государства и общества. В то время грани между политической деятельностью и частными действиями (и интересами) людей были еще размыты. Вот его мысль из трактата «Политика»: «…всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага… больше других и к высшему благу стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством** или «общением политическим» [1, стр. 376].

Частная жизнь в ее разнообразных обычаях и привычках (в праве) и политические связи и взаимодействия объединяются, по суждениям Аристотеля, общими законами человеческого бытия. Эти законы имеют у Стагирита не сущностную, а аксиологическую интерпретацию. Правда, аксиологический термин «ценность» (значимость, важность и т.п.) он не использует, а применяет другой, ему адекватный термин – «добродетель». Все добродетели делятся на два класса: диаполитические, связанные с разумной частью души (мудрость, прагматизм, изобретательность и т.п.) и этические, связанные с волей [27, стр. 164-165]. Как апологет «золотой середины»***, Аристотель стремится применить ее ко всем формам человеческого общества: «Добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к среднему. Сверх того, ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно, как картинно выражались пифагорейцы), а добро ограничено – верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко промахнуться, трудно попасть в цель, поэтому-то избыток и недостаток – принадлежности порока, середина – принадлежность добродетели. Совершенные люди однообразны, порочные разнообразны… Определяющий добродетель по ее сущности и понятию должен назвать ее крайностью [высшим]» [2, стр. 29-30].

Аристотель не ограничивается общим суждением о добродетелях и тщательно анализирует каждую из них. При этом он всегда обращается к практической деятельности: «В исследованиях, касающихся деятельности, общие рассуждения бессодержательны, частные содержат в себе более истины, так как действия всегда имеют в виду частное, и потому общие положения должны согласоваться с частными» [2, стр. 31].

Так, характеризуя мужество, он указывает, что эта добродетель есть середина между безумной отвагой (избытком мужества) и трусостью (недостатком мужества). Однако добродетель не есть просто середина, ибо она всегда ближе к одному из двух полюсов: мужество ближе к безумной отваге. «…Тот человек мужественен, который переносит то, что следует переносить, и страшится того, чего следует страшиться, и ради той причины, ради которой следует, и в то время и таким способом, каким следует… Мужественный страдает и действует соразмерно и разумно. Цель всякой энергии соответствует приобретенному свойству души человека; поэтому мужественному кажется прекрасною храбрость, а ее осуществление составляет его цель» [2, стр. 51-52].

Очень часто храбрость люди демонстрировали в тяжелейшие испытания для их Родины, как средство ее защиты от врагов, проявляя высокие патриотические качества [3; 13; 17; 54; 60].

В числе «добродетелей», которые описывает Аристотель с позиций своего взгляда на «золотую середину», есть и «юридические» (квазиюридические). Среди последних особенно подробно говорится о «справедливости». Аристотель рассматривает такие виды справедливости как разделяющая (она же – политическая, о достоинстве людей) и уравнивающая («правовая», специфически к товарам приложимая). Проблема справедливости теснейшим образом связывается Стагиритом с правосудием. Собственно оба термина «справедливость» и «правосудность» имеют один корень «дик-» (дике-)****. В этом сближении (почти до слияния) понятий этического «справедливость» и юридического «правосудие» и состоит особенность позиций великого античного философа. Эта позиция оказала влияние на всю последующую человеческую мысль, занимавшуюся правом и смежными проблемами [45], и, конечно, справедливостью [14; 19; 21; 22; 25; 26; 38; 67; 71; 72; 73; 75; 76; 77].

Проблемам «правосудия» посвящена пятая книга «Никомаховой Этики». Здесь Аристотель дает свою трактовку основным проблемам, которые позднейшие специалисты в этой области отнесли к сфере «философии права».

Во-первых, правосудие – это «полная добродетель»: «…Полнота здесь от того, что, обладая этой добродетелью, можно обращать ее на

другого, а не только на самого себя», «…правосудность единственную из добродетелей почитают чужим благом» – так как «правосудный приносит пользу другому», а не себе. Иначе говоря, правосудие – это забота о чужом благе, о чужом интересе без привнесения в него собственных субъективных отношений.

Во-вторых, «добродетель» и «правосудность», «с одной стороны», «…тождественны, а с другой – это разные понятия, а именно: поскольку речь идет об отношении к другому постольку [перед нами] правосудность, а постольку о соответствующем [душевном] складе…, постольку – о добродетели» [1, стр. 148] Нам представляется важным подчеркнуть важность еще этой мысли великого мыслителя, так как обычно философы нового времени обходят ее молчанием и тем разрывают связи нравственности и права. Тем самым, общие принципы этики и права получают спецификацию: субъективные оценки (самооценки) или групповые оценки того «что такое хорошо и что такое плохо» – это область этики. Публичная фиксация и определение этих «хороших» или (что чаще) «дурных» действий – это сфера правосудности (суда, права). В другом месте Аристотель, дабы прояснить эту свою мысль, прибегает к аналогии: разница между добродетелью и правосудностью «аналогична» разнице между рассудительностью [людей], «мудростью общины» (группы, сословия) и государственным управлением (politike) [1, стр. 718], так как именно сумма общественных понятий («общественное мнение»), по мысли Аристотеля, реализуется путем управленческих решений, действий полномочных органов общины (polis), т.е. происходит практическая актуализация некоей политической философии.

В-третьих, принципы права, выступая как первичные, определяют политическую систему государства (полиса – по мысли Аристотеля). Законы политические регулируют жизнь общества, «…говорят обо всем вместе…», но имеют в виду «…либо пользу всех, либо лучших, либо имеющих власть «по добродетели» или как-то еще иначе, так что в одном из значений [а именно в широком], мы называем правосудным то, что для взаимоотношений в государстве создает и сохраняет счастье (т.е. благополучие государства и его граждан – авт.), и все, что его составляет» [1, стр. 147] Стало быть «право» определяет государственную жизнь и дает благополучие членам государственного организма. Закон, по мнению Аристотеля, должен реализовать важнейшие этические принципы, действуя в направлении «мужественного», «благоразумного», «ровного» (бесстрастного) поведения… Государство и общество, следовательно, должны быть нравственны (этичны – по Аристотелю) [1, стр. 147].

В-четвертых, логикой самого Стагирита мы подходим к проблеме естественного права. В одном из разделов V части «Этики» (VII раздел – 1134 в, 1135 а и далее) Аристотель впервые в истории ставит вопрос об естественном праве в системном виде. На указанных страницах Стагирит различает право естественное («от природы») и право «по закону (государственному – авт.) и уговору» членов государственного союза (граждан). Возникает вопрос, что значит такая позиция – «право» или «право(судие)» «от природы» [1, стр. 160]. Разъясняя это, судя по тексту, и для своего могучего ума непростое положение, Аристотель делает несколько высказываний и в «Этике», и в «Политике». Он считает, и об этом следует сказать со всей определенностью, что право естественное является «правом первичным» [1, стр. 166]. Первичное (оно же естественное) право является «добродетелью»: «…именно такой склад [души] противоположен зверскому (свойственному животным – авт.) и, как зверю не свойственны ни порочность, ни добродетель, так не свойственны они и Богу, но [у него] (т.е. Бога) есть нечто, ценимое (подчеркнуто – авт.) выше добродетели, а у [зверя] – некий род [права], отличный от порочности». И далее: «человек редко бывает «божественным», но «…редко встречается среди людей «звероподобный». Другими словами, люди находятся где-то посредине между «миром зверей» и «миром богов», отличаясь от первых «добродетелью», но не достигая высот жизненного действия, свойственного богам и героям. В первой книге «Политика» говорится, что «общение», «естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья» [1, стр. 317]. Из этой первичной ячейки человеческого общения вырастают более сложные социальные отношения и тоже естественным путем: сначала селение, потом – государство. «…Всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения, оно является завершением их, в завершении сказывается природа (подчеркнуто

– авт.)…» [1, стр. 378]. Завершает свое рассуждение Аристотель всем известным блестящим вечно актуальным афоризмом: «… Государство принадлежит к тому, что существует по природе и… человек по природе своей есть существо политическое…» [1, стр. 378]. «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению…». Государство дает человеку «закон и порядок», который суть проявления естественной добродетели и т.п. [1, стр. 380].

Прочитав эти строки из трактата «Политика», вернемся к нашему главному источнику – главе пятой «Этики». Развивавшиеся естественные «по природе» политические сообщества должны иметь одинаковые естественные правопорядки, иначе – «правовые [установления]», так как они опираются на принцип справедливости в его наиболее точном и «чистом» смысле. Иначе говоря, идеально построившееся (сформировавшееся) государство должно существовать на основе «естественного права». В таком государстве не существует расхождений между естественным и государственным правом [1, стр. 722]. Но такое государство является всего лишь умозрительной моделью (логически заданной фикцией). Аристотель подчеркивает: «… правовые [установления], не природные (т.е. не естественные – авт.) не бывают повсюду тождественны, коль скоро и государственные устройства [не повсюду тождественны] …». Однако, подмечает великий философ, в правовых установлениях всех государств можно найти некую совокупность норм, которая «…повсюду имеет одинаковую силу и не зависит от признания или непризнания…» [1, стр. 160]. Иначе: «природное неизменно и повсюду имеет ту же силу». Итак, даже далекие от идеальных политические организмы сохраняют некоторые правоположения, пришедшие к ним от «первичного» права, т.е. «от природы». Поэтому «государственное право[судие] частью естественно, частью – узаконено…»*****. Позитивное право (узаконенное, «какое по закону и уговору») [1, стр. 160], по мнению Аристотеля, возникает в силу конкретных условий места и времени, частных отношений, безразличия естественного права и т.п. Впрочем, вот текст самого Стагирита: «…если изначально (т.е. «по природе» – авт.), не важно, так [поступать] или иначе… тогда важно, когда это [уже] установлено [лучше, наверное, было записать: «что установлено»), – например, что [пленника] выкупают за одну мину, или что в жертву приносят одного козла, а не двух баранов, – то [перед нами] узаконенное [право]» [1, стр. 166].

К чисто государственным правоустановлениям относятся «… все [частные вопросы], по которым, голосуя, принимают особые решения» [1, стр. 166]. «Те из правовых [установлений], что основаны на уговоре (договоре – авт.) и взаимной выгоде, можно уподобить мерам, действительно, меры для вина и хлеба не везде равны» [1, стр. 166].

Завершая анализ взглядов Аристотеля на естественное право, необходимо отметить, что он ставит вопрос об изменчивости (релятивности) права. Он поддерживает точку зрения своих предшественников на релятивный характер позитивного права, однако он считает, что «для богов… [изменчивость], видимо, совершенно исключена…». Получается, что естественное, природное право более стабильно и неизменчиво в отличие от права государственного. Аристотель не делает четкой дифференциации права по отраслям, но некое различие он все-таки усматривает между «семейной», «государственной» и «божественной» ветвями права. Отмечает Аристотель также самостоятельность наследственного права. Такая упрощенная классификация не может быть отнесена к большим достижениям концепции Стагирита, а вот что касается сущности права и правосудия, то здесь он, безусловно, внес большой вклад в правовую философию своего времени. И современная философия права не смогла избавиться от влияния его идей [4; 5; 6; 20; 24; 29; 46; 55; 59; 62; 65].

Примечания

* Аристотель возводит термины «нрав» (ethos) и «нравственное» (ethike) к ethos (привычка) с изменением «е» в «э» Сам термин этика (ethika) – множественное число от «этикон» (учение о нравственности). В отличие от знаний («мыслительных добродетелей», по терминологии Стагирита), формирующихся в процессе обучения (путем «упражнений», по Аристотелю) «этос» не требует специального обучения, а начинается с рождения

«привыканием» к «нраву» семьи, ближнего и (позднее) дальнего (более широкого) окружения. – в примечание

** «Государство» – это русский перевод предложенного Платоном термина «полис, «политея». Отсюда: государственные дела – «политика» … [41, стр. 850-851].

*** Термин «золотая середина» был заимствован Аристотелем у Демокрита. Подробнее см. [27, стр. 164].

**** Разработанная Аристотелем система терминов, описывающих взаимодействие «справедливости» и «правосудие» весьма дифференцирована: dike – правосудие, dikaios – правосудно, dikastes – судья. Понятие dikaios означает и справедливость. Подробнее см. [1, стр. 715 и след.].

***** Переводчик не ошибся бы, поставив вместо «уговору» другое, более близкое терминологически понятие – «договору», т.е. «… по закону и договору» [1, стр. 160].

Список литературы

1. Аристотель. Соч. T.IV. – М., Мысль, 1983.
2. Аристотель. Этика. – СПб, 1908.
3. Ашик М.В. 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941-1945 г.г. – СПб., 2015. – 411 с.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
7. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
8. Бернадский Г.Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2001.
9. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
10. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис. … канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2001.
11. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
12. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
13. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
14. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П.Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
15. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
16. Жданов П.С., Романовская В.Б.. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX –первой половины XX века. Монография. – Нижний Новгород: М-во образования и науки Российской Федерации, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Нац. исслед. ун-т, 2012.
17. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.
18. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М., 2015.

24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
25. Захарцев С.И, Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-23.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 189-197.
27. Иванов В.Г. История этики древнего мира. – Л. 1980.
28. История права зарубежных стран: Учебное пособие / Романовская В.Б. и др. – Нижний Новгород, 2011.
29. Кальной И.И., Сальников В.П., Чукин С.Г. Философия и право // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 379-401.
30. Кондратьева А.Н, Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 47-51.
31. Костыря Е.А. Развитие партнерских отношений полиции и институтов гражданского общества в сфере обеспечения криминологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 97-103.
32. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4.
33. Кузнецова А.П. Принцип правовой защищенности как важное условие развития гражданского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 62-66.
34. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1999.
35. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12. – С. 120-122.
36. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89).
37. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
38. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992.
39. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28.
40. Оныщук И.И. Участие институтов гражданского общества в правовом мониторинге как средство минимизации коррупциогенных факторов // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 76-85.
41. Платон, Соб. соч. Т.I.
42. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
43. Рогожевский Е.И. Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 41-43.
44. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
45. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 191-195.
46. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
47. Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
48. Романовская В.Б., Федюшкина А.И., Безносова Я.В., Кондратьева А.М. История государства и права зарубежных стран: Практикум. – Нижний Новгород, 2014.
49. Романовская Л.Р. Актуальные проблемы развития концепции гражданского общества в России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 99-102.
50. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П Куницын у истоков естественной школы права в России. // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 23-26.
51. Ромашов Р.А. Общество и государство: концепция Джона Локка: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1995.

52. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
53. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
54. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
55. Сальников В.П. Концептуальные принципы философского обоснования права // Философия права. – 2002. – № 2.
56. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
57. Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука: (круглый стол, выступление) // Государство и право. – 1989. – № 3. – С. 65.
58. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
59. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
60. Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.
61. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
62. Сальников В.П., Хон Г.Н. Эволюция методологического сознания в философии и науке // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 458-476.
63. Сальников В.П., Гуциериев Х.С., Кальной И.И. Философия права. Глава 28 // Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред. В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – С. 432-445 (в кн.: 544 с.: ил.).
64. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
65. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
66. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.
67. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10.
68. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
69. Хрестоматия по истории права зарубежных стран: Учебное пособие / Сост. Романовская В.Б. и др. – Нижний Новгород, 2011.
70. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. – М.: Наука, 1988.
71. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
72. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
73. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
74. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
75. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
76. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
77. Экимов А.И. Юридическая наука и правопорядок // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 13-22.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ"*
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Корректор Е.Ю. Щурова
Верстка Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2015, № 8

Подписано в печать 07.07.2015. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. 3
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 32.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru